

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет
Белорусское общественное объединение
преподавателей русского языка и литературы

РУССКИЙ ЯЗЫК: СИСТЕМА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

К 80-ЛЕТИЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ

Материалы
VIII Международной научной конференции
Минск, 16 – 17 октября 2019 г.

Минск
БГУ
2019

УДК 811.161.1(06)
ББК 81.411.2я431
Р89

Редакционная коллегия:
И. С. Ровдо (отв. ред.), *Т. Н. Волинец*,
Е. Е. Долбик, *О. В. Зуева*, *В. Л. Леонович*,
С. В. Махонь, *И. Э. Ратникова*, *Р. Г. Чечет*

Русский язык: система и функционирование. К 80-летию фило-
Р89 логического факультета БГУ : материалы VIII Междунар. науч.
конф., Минск, 16–17 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.:
И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – 252 с.
ISBN 978-985-566-817-7.

В издании представлены исследования системы языка в синхронии и диахронии, семантической интерпретации и номинации, функционального и прагматического аспектов грамматических категорий, динамики языковых контактов, рассматриваются проблемы преподавания русского языка в вузе и школе и преподавания русского языка как иностранного.

Адресуется научным работникам, аспирантам, студентам.

УДК 811.161.1(06)
ББК 81.411.2Я431

ISBN 978-985-566-817-7

© БГУ, 2019

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

И. А. Стернин (Воронеж)

ИЗМЕНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КРИЗИС ИЛИ РАЗВИТИЕ

Мы все видим, что за последние три десятилетия русский язык очень изменился. Это замечают все, но особенно представители среднего и старшего поколения, которым есть с чем сравнить: они застали другой русский язык. И для них «новый русский» – это плохо. Кстати, молодое поколение «новый язык» принимает довольно спокойно, как должное, не волнуется, не возмущается, а активно его осваивает. Но у представителей старшего поколения изменения в языке вызывают беспокойство, непонимание и, как правило, неодобрение. Возникают многочисленные дискуссии о кризисе русского языка, о том, что русский язык портят; нередко пытаются найти и заинтересованные страны, и даже конкретных людей, которые хотят русский язык испортить, разрушить, погубить и т. д.

Это, конечно, совершенно не так, это миф. Но нельзя не признать, что состояние современного русского языка, многочисленные изменения в нем вызывают общественное волнение, формирование негативных эмоций и беспокойство во всех слоях общества. С этим надо разобратся спокойно и с точки зрения науки, а не сиюминутных эмоций или личных пристрастий.

Язык, конечно же, меняется со временем. Мы сейчас многое не понимаем в русских текстах средних веков, да и в более поздних текстах – XIX-го и начала XX-го веков. И это совершенно понятно: жизнь была другая, предметы и явления были другие, проблемы у людей были другие, люди *о другом говорили*.

Язык полностью зависит от состояния общества. Ведь он обслуживает общество, отражает в своих словах и значениях то общество, в котором он функционирует. Действует закон *общественной обусловленности языковых изменений: меняется общество, меняется и обслуживающий общество язык* – уходит старое, появляется новое, необходимое сегодня. Единственная функция языка – коммуникативная, и он постоянно приспосабливается к ее выполнению.

При этом все языки в своей истории переживают разные периоды.

Выделяются *периоды стабильности*, т. е. стабильного развития языка, когда общественные перемены минимальны, и язык в это время стабилен.

Но бывают и *периоды интенсивного развития* языка – они случаются, когда в обществе происходят бурные, интенсивные социальные изменения, революции. В такой период язык приходит в движение и быстро изменяется, чтобы соответствовать тому новому, что возникает в обществе: новым понятиям, явлениям, предметам, новой жизни.

Интенсивные изменения в языке всегда тесно связаны с изменениями социальными: чем значительнее последние, тем более интенсивно происходят изменения в языке.

Такие *периоды интенсивного развития* в русском языке в новое время уже бывали. Это, прежде всего, *период Петра I* – начало XVIII-го века. Император-реформатор создавал промышленность в России, активно привлекая иностранных специалистов, они привезли с собой свои технологии и, естественно, свою терминологию. Тогда в русский язык пришло огромное количество новых технических и научных иностранных слов.

Второй период интенсивного развития русского языка – начало XIX века. Победа России в войне с Наполеоном вызвала колоссальный национальный подъем. Это было второе обращение России к Европе. В русскую речь хлынули иностранные слова. Язык, будучи живым, от подобного заимствования лишь обогатился. Приветствовал это и А. С. Пушкин: «Панталоны, фрак, жилет – всех этих слов на русском нет». В романе «Евгений Онегин» и *фрак*, и *жилет* уже были неотъемлемым атрибутом молодого петербургского повесы. Кстати, и синтаксис русского языка Пушкин обновил: стал писать короткими предложениями «на французский манер», стал уместно использовать разговорные и жаргонные слова того времени. Возник русский литературный язык.

Третий период интенсивного развития русского языка – Октябрьская революция. Вновь обширные изменения в лексике и фразеологии. Новые понятия, новые реалии, новые государственные и общественные организации требовали новых названий. Однако любопытно, что в этот период не произошло «нашествия» иностранных слов. А почему? А потому, что заимствовать было неоткуда. Россия – первая страна, в которой произошла социалистическая революция, и все слова для но-

вой жизни пришлось создавать на собственной основе. Кстати, когда в 1919 году в Баварии произошла революция и год просуществовала «Баварская социалистическая республика», уже немецкие революционеры заимствовали из русского языка слова «большевик» и «советы».

Четвертый период интенсивного развития языка – это годы перестройки, начиная с 1985 г. Опять мы наблюдаем слом общественной системы, вновь происходят огромные социальные перемены. И в результате вновь – масса новых слов, среди которых очень много заимствований. В русский язык вошло очень много новых иностранных понятий в сфере политики, рыночной экономики, шоу-бизнеса – они отражали те явления жизни, которые при социализме фактически не были развиты.

Таким образом, язык всегда развивается и периоды стабильного развития чередуются с периодами интенсивного развития.

Носители языка, когда говорят о серьезных изменениях в современном русском языке, имеют достаточно определенное и солидарное мнение о том, в чем эти изменения заключаются.

Основные изменения люди сегодня видят в обилии иностранных слов, а также в широком проникновении в речь людей сленга, жаргона и сквернословия.

Но в современном российском обществе (и соответственно в русском языке) мы наблюдаем и другие процессы, которые не так заметны носителям русского языка, но которые объясняют многое, что с ним сейчас происходит: возрастание роли устной речи в обществе, снижение у носителей языка навыков монологической речи, снижение уровня грамотности, снижение контроля говорящих за своей речью, падение культуры устной и письменной речи.

В связи со всем сказанным и возникает представление о *кризисе русского языка*.

В обществе возникает представление о том, что сейчас русский язык переживает кризис. Проявляются также тенденции определенных сил придать проблеме политический характер, попытки представить ситуацию с русским языком как результат его целенаправленного разрушения некими силами, как его злонамеренную порчу с целью разрушения национального самосознания народа; рост заимствований в русском языке пытаются представить как «процесс разрушения русского языка», как процесс «вестернизации» русского языка и т. д.

Что такое кризис? *Кризис* – это «резкое ухудшение, угрожающее существованию». Совершенно очевидно, что интенсивное развитие

языка кризисом никак не является. Это лингвистический миф. Совсем наоборот – применительно собственно к языку это период его интенсивного *развития*, обновления лексики и фразеологии, совершенствования, активного приспособления его к потребностям изменившегося общества. Ничто существованию современного русского языка не угрожает.

Иногда говорят, что появилось много ненужных заимствований и много «ненужных слов», и это якобы кризисное явление. Это тоже лингвистический миф. Ненужных слов в языке не бывает. Раз слово возникло, появилось, значит, оно кому-то необходимо для обозначения некоторого предмета или явления.

Возникают слова, употребляемые узким кругом людей – представителей какой-то группы, профессии, небольшого коллектива. Такие слова им всегда необходимы, они эти слова употребляют. А мы можем их не употреблять или просто не знать. Естественно, это не значит, что эти слова не нужны языку. Например, во время службы в армии я был радиомехаником и познакомился с выражением *вешать сопли*, которое у радиомехаников имеет значение ‘плохо припаять контакт’, а у электриков – ‘сделать временное электрическое соединение’. Никто, кроме этих людей, такое выражение не употребляет, но это не значит, что оно не нужно русскому языку. Сейчас у молодежи появились слова *сижки* (сигареты) и *жига* (зажигалка), им эти слова нужны.

Иногда высказывают мнение, что многие новые слова, особенно заимствования, «уродуют русский язык».

«Уродующие язык» слова могут существовать в мнении отдельных людей. Людям некоторые слова могут не нравиться по самым разным причинам. Такие нелюбимые (как и любимые) слова у каждого человека есть. Это легко проверить. Мы специально изучали такие слова: опрашивали большой массив людей, какие слова им нравятся, а какие нет. Чаще всего людям нравятся слова, обозначающие что-то хорошее – *любовь, солнце, жизнь, красота, мама, море, телефон, великолепно, Вселенная, компьютер, кошка, мир, нежность, отпуск, превосходный, семья, серьезный, счастье, прелесть, любезный, автомат* (экзамен, у студентов) и под. Не нравятся – *порнуха, селфи, грязь, агрессия, богатство, грубость, зависть, ложь, ненависть, обман, тёлка, безделье, безысходность, болезнь, боль, больной, бомж, бред, бюллетень, ванильный, вдуть, ветер, взывание, война, выговор, гад, грубиян, дерзкий, долг, дрожь, сессия* (у студентов).

Иногда слова не нравятся людям своим обликом, труднопроизносимостью (*хайп, ангрейдить, мерчендайзер, хаус*). Иногда – своим грубым оттенком – *баба, бабки, бабло*; иногда своим слашавым или разговорным характером – *попекушка, вкусняшка, няша, дежурка*. Иногда нелюбовь чисто субъективна – *грибы, США, Галкин, биржа, встречаться* и под.

Например, мне не нравятся такие новые (и не очень) слова, как *сфоткаться, днюха, селфи, вкусняшка, проставляться, бабло, мониторить, озвучить, накрыть поляну*. Должен ли я на основании того, что эти слова мне не нравятся, призывать к их запрету, исключению из употребления в русском языке?

Разумеется, нет. Я их лично могу не употреблять, это мое право, но лишать других права ими пользоваться я не могу.

Другое дело, если люди неправильно употребляют слова, ошибаются. Например, про сон человека говорят «в объятьях морфия», про молодежь, что «у нее есть своя характеристика», призывают не голосовать за кандидата, потому что у него «такая толстая харизма» и под. Им нужно просто сказать, как правильно употреблять слова «Морфей», «харизма».

Важно понять следующее: язык можно сравнить с огромным **ХРАНИЛИЩЕМ**, где на открытых полках лежат слова и правила, которые может взять себе каждый человек.

Разумеется, чем больше слов на полках, тем богаче для людей выбор средств выражения мысли, то есть человек может точнее и полнее, эффективнее выразить свою мысль. Поэтому чем больше в языке слов, тем лучше для общения на этом языке. Все без исключения новые слова и выражения обогащают язык, расширяют его номинативные возможности – независимо от того, являются ли эти слова литературными, разговорными, жаргонными, сленговыми, узко-профессиональными терминами и т. д. Однако то, какие слова использовать в конкретном общении, решает не язык, а обратившийся к нему человек. Язык – это система возможностей, а дело человека – выбрать и использовать те или иные возможности.

Если человек из супермаркета выносит только алкогольные напитки и напивается, это не вина супермаркета, а личный выбор этого человека. Аналогично: если человек, обращаясь к «языковому полкам», берет с них и использует только нецензурную и бранную лексику или только просторечные, или только иностранные, или сугубо книжные, научные слова – это его выбор, язык в этом не виноват.

Кризис переживает именно *культура речи* людей – как рядовых носителей языка, так и представителей СМИ, политиков, руководителей. Они используют в своей речи не все богатства русского языка, которые лежат на его полках, не его многочисленные разнообразные литературные ресурсы, а допускают в своей публичной речи разговорные, сниженные, грубые и вульгарные формы, неправильно употребляют отдельные слова. Это не вина языка, это вина говорящего человека. «Кризис не в стране, а в головах людей», как говорил профессор Ф. Ф. Преображенский – герой повести М. А. Булгакова «Собачье сердце».

Никакого кризиса русского языка нет. И кризиса в языке в принципе быть не может: он существует и развивается, пока существует и развивается говорящий на нем народ. Но в настоящее время в российском обществе есть явный *кризис культуры речи*.

Русский язык – великий язык, имеющий тысячелетнюю историю, великую литературу, древнюю письменную традицию. Он никогда не погибнет, ему ничто не угрожает, сейчас он переживает не кризис, а очередной этап интенсивного развития. Наблюдения показывают, что этот период уже в основном заканчивается. Сейчас уже, например, не так много появляется новых иностранных слов, которые входят в общее употребление, ко многим заимствованиям, новым словам и оборотам русские люди уже привыкли, новая терминология в основном сформировалась. Намечается тенденция к переходу русского языка в период стабильного развития.

И. С. Ровдо (Минск)

О ТОЖДЕСТВЕ И СХОДСТВЕ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Уже давно доказана близость восточнославянских языков на всех их уровнях. Можно было бы и не возвращаться к этой проблеме, если бы не вопрос о том, что считать тождественным, общим, близким, различным, к примеру, на лексическом уровне.

Степень общего и различного качественно и количественно зависит от конкретных языков сопоставления и от их количества. Так, во всех славянских языках насчитывается около четырехсот слов, общих по форме и значению [1, с. 48–50]. Уменьшение количества сопоставляемых языков увеличивает количество близких по форме и значению слов. По мнению А. Е. Супруна, лишь 10–20 % слов в белорусском

тексте будут полностью отличаться от русских слов [2, с. 12]. Правда, представления ученых об общем и различном не всегда совпадают, а во многих случаях они и не акцентируют на этом внимание. Опрос носителей языков свидетельствует о том, что большинство из них указывают на тождество или сходство слов в близкородственных языках в написании, звучании и значении. Но что собой представляет это тождество и сходство, объяснить не всегда могут.

На самом же деле, слов русского и белорусского языков, полностью совпадающих по форме, не так и много, если учесть, что значительное их количество имеет, к примеру, графические различия. Так, в русском языке нет букв *і, ъ*, в белорусском – *и, ш, ь*. В таком случае мы находим в белорусском языке соответствие буквам русского языка и наоборот: рус. *кит* – бел. *кіт*, рус. *щека* – бел. *шчака*, рус. *подъезд* – бел. *пад'езд*, бел. *купіў* – рус. *купил*. Разделительными знаками в русском языке являются *ь* и *ъ*. В белорусском – [*’*] и *ь*. Несмотря на наличие в русском и белорусском языках букв *е* и *ё*, использование их различно: в белорусском оно является обязательным.

«Классическим» примером фонетико-орфоэпических различий являются звуки: рус. [*ч’*] – всегда мягкий, бел. [*ч*] – всегда твердый; рус. [*г*] – взрывной, бел. [*γ*] – фрикативный; рус. [*р*] может быть и твердым, и мягким, бел. [*р*] – только твердый. Достаточно различий на морфемно-словообразовательном и морфологическом уровнях. Только один перечень всех различий русского и белорусского языков на всех их уровнях мог бы быть представлен на нескольких страницах, достаточно вспомнить произношение гласных и согласных в разных позициях в слове. Если человек знает хорошо лишь один из этих языков, то, слыша речь на втором языке, замечает эти различия. Для билингвов же эти различия становятся несущественными, малозаметными благодаря регулярному переключению с одного языка на другой.

Наличие расхождений в форме любых, даже самых близких по родству языков, – это аксиома, ибо в противном случае мы имели бы дело не с двумя, а с одним языком. Какие в таком случае у носителей двух языков основания «не замечать» существующие различия. Мы и в самом деле во многих случаях их не замечаем или не обращаем на них внимания, поскольку большинство таких различий нивелируется наличием закономерных регулярно повторяющихся соответствий: графических, фонетических, орфографических, акцентологических, морфемно-словообразовательных, существующих в системных отношениях контактирующих языков (подробнее см.: [3]). К примеру, рус-

скому [ч'] всегда соответствует белорусский звук [ч]. Эти соответствия четко прослеживаются в правильной литературной речи билингвов при попеременном использовании двух языков. «Напоминает» же о расхождении интерференция – проникновение элементов одного языка в речь на другом. Если же не учитывать наличие указанных закономерных соответствий или же случаев, не сводимых к таковым (рус. *ладонь* – бел. *далонь*, рус. *ложка* – бел. *лыжка*), то абсолютно тождественными по форме в русском и белорусском языках будут в основном односложные слова с идентичной графикой: рус. *нос* – бел. *нос*, рус. *сок* – бел. *сок*. К данным примерам могут примыкать лишь сходные по форме слова с закономерными регулярными соответствиями.

Слово, как известно, существует в единстве его формы и содержания. Поэтому даже при формальном тождестве или сходстве слова близкородственных языков, в том числе русского и белорусского, во множестве случаев будут не тождественными, а сходными по содержанию или даже противоположными. Что касается последнего, то это случаи межъязыковой омонимии, довольно неплохо изученные на примере различных пар языков [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13].

Говорить о содержательном тождестве лексических единиц разных языков можно, пожалуй, по отношению к терминам. В нетерминологических же коррелятах такие отношения возможны, если слова совпадают по значению, внутренней форме, стилистической окраске и коннотации. Если же такого совпадения нет, тождественными они могут считаться только частично. К примеру, русское слово *береза* не имеет хорошо известной россиянам коннотации в большинстве языков мира, белорусское *ватоўка* и русское *стёганка* имеют разную внутреннюю форму. Разный признак в основу номинации может быть положен и в межъязыковых соответствиях «слово – сочетание слов»: бел. *знічка* – рус. *падающая звезда*.

В близкородственных языках иногда наблюдаются «парадоксальные» соотношения внешней и внутренней формы номинативных единиц. Так, форма *жечь* с соответствующим значением свойственна русскому языку. В белорусском ей соответствует форма *паліць* с тем же значением. Однако отражение признака 'жечь' с таким же по форме корнем мы наблюдаем в ряде белорусских слов, которые, к тому же, являются безэквивалентными по отношению к русскому языку: бел. *вожаг* – рус. *черенок ухвата*, бел. *жыгала* – рус. *раскаленный*

прут, которым прожигают дырки (в дереве, кости). Подобная межъязыковая конверсия наблюдается и по отношению к словам *сялежыць* (рус. *сорвать с передка телегу*), *сялежваць*, *сялежыцца*, *сялежвацца*, *сялежаны* (русское слово *телега* соответствует белорусскому *калёсы*).

Не будут полностью тождественными и межъязыковые лексические корреляты, одно из слов в которых имеет стилистическую окраску. Так, русским словам *перст*, *око*, *глас* в белорусском языке нет соответствующих слов с той же стилистической окраской. Представленные в русско-белорусских словарях соответствия рус. *перст* – бел. *палец*, рус. *око* – бел. *вока*, рус. *глас* – бел. *голас* являются лексическими. Лексико-стилистическими соответствиями будут рус. *палец* – бел. *палец*, рус. *глаз* – бел. *вока*, рус. *голос* – бел. *голас*.

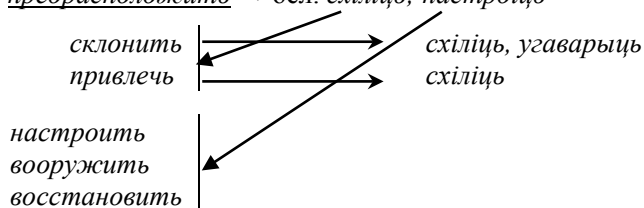
Одним из самых заметных различий являются случаи, когда слову одного языка нет однословного соответствия во втором из сопоставляемых языков. Это хорошо известное явление лексической безэквивалентности, которое может быть представлено эксплицитно, если показателем *эксплицитной безэквивалентности* считать сочетание слов в правой части межъязыкового соответствия: бел. *прывсятак* – рус. *канун праздника*, бел. *рэзгіны* – рус. *приспособление для носки сена, соломы*.

Лексическая безэквивалентность наблюдается и в случаях, когда слову исходного языка сопоставления есть однословное соответствие, но оно является заимствованием, что можно рассматривать как *имплицитную безэквивалентность*: бел. *веращачка* – рус. *верещака*. Такой статус подобных межъязыковых коррелятов в родственных языках определить сложнее, для этого иногда требуются специальные этнолингвистические и другие исследования. Родство, близость языков и культур часто «нейтрализует» безэквивалентность, делает ее незаметной. В речи такие слова в другом языке часто воспринимаются как слова этого языка. В неродственных же языках подобная безэквивалентность легче обнаруживается вследствие отдаленности лексических систем и культур.

Наличие безэквивалентных слов и их количество зависит от того, какие языки сопоставляются, какие они по структуре, генетической близости и близости культур, отраженных в этих языках. Так, в русском языке по отношению к белорусскому и наоборот таких слов приблизительно 3 %. По мнению А. Е. Супруна, в болгарском по отношению к белорусскому 7–10 % [14, с. 6].

Какими бы по форме ни были соответствия русских и белорусских номинативных единиц в пределах отдельных лексико-семантических вариантов, априори признается, что в переводных словарях они соответствуют друг другу и по значению, но степень такого соответствия может быть разной. Убеждаемся в этом, используя в данном случае методику, которую можно назвать *челночной*: от слова языка А к соответствующему слову языка Б, затем от переведенного слова языка Б к соответствующему слову языка А. Направление перевода меняется столько раз, сколько необходимо для достижения поставленной цели [15, с. 132]. К примеру,

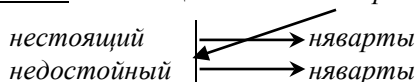
рус. предрасположить → бел. *схіліць*; *настроіць*

Как видим, при обратном переводе на русский язык слово *предрасположить* оказывается вне соответствия словам *схіліць*, *настроіць*, что можно, пожалуй, рассматривать как еще один случай имплицитной безэквивалентности. Правда, в данном случае (в отличие от выше-рассмотренного) слово не заимствуется, к нему подбирается наиболее подходящий по значению эквивалент.

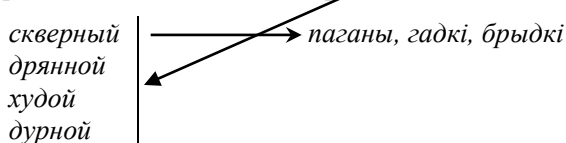
Или:

рус. бросовый 'нестоящий' → бел. *няварты*

У слова *бросовый* есть и другие оттенки значений, например:

рус. *бросовый* 'плохой' → бел. *дрэнны*, *кепскі*, *благі*

Несложно догадаться, что каждый следующий этап перевода будет включать в поле соответствий слова с еще более сниженной стилисти-

ческой окраской, еще больше отдаляющиеся по значению от исходного слова. В оттенке же значения 'брошенный' слову *бросовый* соответствует слово *kídki*, которое при обратном переводе опять выводит нас на слово *бросовый*.

Таким образом, о тождестве на лексическом уровне в близкородственных языках во многих случаях можно говорить лишь с определенными оговорками. В основном же – это сходство, которое носителями двух языков часто воспринимается как тождество, приводящее к ошибкам в письменной и в устной формах речи.

1. Kopečný, F. Základní všeslovanská slovní zásoba / F. Kopečný. – Praha, 1981.
2. Супрун, А. Е. Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе / А. Е. Супрун. – Минск, 1974.
3. Ровдо, И. С. Межъязыковая омонимия в системе русской и белорусской лексики / И. С. Ровдо // Веснік БДУ. – 1979. – № 2. – С. 29–33.
4. Выхота, В. А. Беларуска-рускі слоўнік: міжмоўныя амонімы, паранімы, полісемія / В. А. Выхота. – Мінск, 2004.
5. Горская, С. А. Русско-белорусские омолексы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Горская. – Минск, 1990.
6. Грабчиков, С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы: Опыт русско-белорусского словаря / С. М. Грабчиков. – Минск, 1980.
7. Ivašina N. и др. Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině / N. Ivašina, A. Rudenka, L. Janovec. – Praha, 2006.
8. Кочерган, М. П. Словарь русско-украинских межъязыковых омонимов: Содержание и принципы построения / М. П. Кочерган // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М. – 1990. – № 3.
9. Кусаль, К. Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема / К. Ч. Кусаль. – СПб., 2006.
10. Радић-Дугонић, М. Семный потенциал русско-сербских межъязыковых паронимов в сопоставительной лексикографии / М. Радић-Дугонић // Medzinarodni zjazd slavistov: Zbornik rezume. – Bratislava. – 1993. – С. 681.
11. Ровдо, И. С. Межъязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма: автореф. дис. ...канд. филол. наук / И. С. Ровдо. – Минск, 1980.
12. Шуба, П. П. Проблемы белорусско-русской межъязыковой омонимии и паронимии / П. П. Шуба // Вопросы преподавания русского языка в школе с белорусским языком обучения. – Минск, 1975. – С. 14–32.
13. Супринович, О. Е. Типологизация межъязыковых лексических параллелей (на материале белорусско- и немецкоязычных лексикографических источников): автореф. дис. ...канд. филол. наук / О. Е. Супринович. – Минск, 2019.

14. Супрун, А. Е. Въпроси на типологичното съпоставяне на белоруската и българската лексика / А. Е. Супрун // Съпоставително езикознание. – № 5. – София, 1980. – С. 4–11.

15. Ровдо, И. С. Межъзыковая омосемия в собственно лингвистическом и культурологическом аспектах исследования / И. С. Ровдо // Беларуско-русско-польское супастаўляльнае мовазнаўства: Доклады V Міжнарод. навук. канф. / пад агульн. рэд. А. М. Мезенкі, Л. М. Вардамацкага. – Віцебск, 2000. – С. 132–137.

Т. Б. Радбиль (Нижний Новгород)

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ АПРОПРИАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Языковая среда интернета сегодня является средоточием наиболее репрезентативных инноваций, происходящих в русском языке, она представляет собой одну из наиболее динамичных и активно развивающихся коммуникативных систем в современной русской речевой практике, своего рода лабораторию языковых инноваций.

Научная идея исследования – выявить стоящие за активными процессами в языке современного интернета форматы знания, ценностные приоритеты и модели коммуникации носителей языка как пользователей интернета, игровые и манипулятивные речевые стратегии и тактики в интернет-коммуникации, т. е. установить по языковым данным интернета, как сегодня меняются национально-специфичные, традиционно русские способы языкового освоения действительности, насколько серьезны изменения в той концептуальной области, которую принято именовать «русская языковая картина мира».

Мы исходим из того, что для русского языка как отражения типично русского способа смотреть на вещи происходит своего рода «переименование» семантики и оценочной сферы заимствованных слов как знаков «чужих» ценностей или инокультурных моделей поведения. «Знаковые» в каком-либо отношении заимствованные слова (реалии новой действительности, термины, идеологемы, аксиологемы и пр.) в дискурсивных практиках современных носителей языка подвергаются обязательной культурной апроприации в духе исконно русских моделей языковой концептуализации мира [1]. Таким образом, в плане современных инновационных тенденций в лексике и грамматике русского языка, как он представлен в коммуникативной среде

интернет, мы имеем дело с так называемой «**культурной апроприацией заимствований**» [2].

Суть этого процесса, имеющего комплексную (когнитивную, семиотическую, культурную, коммуникативно-прагматическую, регулятивно-ценностную, речеповеденческую и пр.) природу, заключается в том, что иноязычные по происхождению элементы разных уровней языка в дискурсивных практиках носителей русского языка подлежат обязательному приобщению к исконно русским моделям языковой концептуализации мира, ценностным приоритетам и коммуникативно-прагматическим установкам, т. е. к тому, что несколько нетерминологично можно именовать «русский взгляд на вещи».

Что же это за исконно русские модели мира, ценностные приоритеты и коммуникативно-прагматические установки, рефлексy которых нам предстоит искать в новообразованиях в среде интернет? В работах А. Вежицкой, А. Д. Шмелева, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и др. были выявлены разнообразные базовые доминанты «семантического универсума» русского языка. Назовем некоторые из них, наиболее репрезентативные в плане нашего исследования: установка на эмпатию [3]; чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации ситуации [2]; гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежицкой [3]); острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии (на «пошлость» [4]); соотносённость самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом [5]; ироническое «остранение» карнавального типа и пр. [2; 5] и др.

Заимствованные элементы, изначально являясь знаками чужой культуры и даже на формальном уровне сохраняя внешние маркеры «чужести», становятся, по сути, принадлежностью «русского мира». При этом культурная апроприация иноязычных элементов имеет вполне отчетливые фонетические и орфоэпические, семантические, лексические, словообразовательные, грамматические, функционально-стилистические признаки, по которым можно диагностировать степень культурной апроприации того или иного инновационного образования с иноязычными строевыми элементами. Эти признаки мы предлагаем именовать параметрами оценки степени культурной апроприации, которые выделяются на разных уровнях системы языка и в разных сферах ее функционирования: (1) на уровне лексико-семантическом; (2) на уровне словообразовательном; (3) на уровне грамматическом; (4) на уровне коммуникативно-дискурсивном.

Далее в работе мы рассмотрим рефлекс культурной апроприации заимствований в интернет-коммуникации на лексико-семантическом, словообразовательном, грамматическом и коммуникативно-дискурсивном уровнях.

На лексико-семантическом уровне рефлекс культурной апроприации иноязычных элементов в языке интернета, как было сказано ранее, проявляются в приобретенной идиоматичности, которая находит свое выражение в разнообразных смысловых и эмоционально-оценочных приращениях (в сравнении с языком-источником).

В результате этого возникают любопытные когнитивные эффекты так называемой «концептуальной двуплановости» получившихся новообразований, механизмом которой является «скрытая» предикация. В таких словах мы можем выделить своего рода **диктумную часть**, актуализующую номинативное содержание понятия, выраженное заимствованным элементом, и **модусную часть**, представляющую точку зрения говорящего на объект номинации, – сложный комплекс оценочной реакции говорящего на данное понятие, выраженный исконно русским формантом.

Рассмотрим, например, лексему *смайлик*. Иноязычный компонент – корень СМАЙЛ- – выступает как **диктумная часть** (номинативное содержание понятия): ‘эмотикон; в электронной коммуникации – установившееся графическое обозначение, символ для передачи разнообразных эмоций отправителя информации’; русскоязычный компонент – суффиксальный субморф -ИК- – выступает как **модусная часть** (точка зрения говорящего на объект номинации): указание на малый размер; категоризация по мужскому роду; эмпатия («уменьшительно-ласкательный» оттенок смысла) как выражение положительной эмоционально-оценочной реакции говорящего на объект номинации. В результате мы имеем дело со **скрытой предикацией**: объект перестает быть просто графическим символом; он вписан в систему ценностей «русского мира», его бытие личностно переживается говорящим посредством включения особого эмоционального, душевного отношения к объекту номинации и к ситуации общения в целом.

Точно так же ведут себя и глагольные лексемы типа *отфрендить*, *затроллить*, *коннектить(ся)*, *приаттачить*, *поселфиться* и пр. Феномены подобного рода являются не злом, а подлинным благом для русского языка как носителя коллективного сознания и коллективной памяти этноса. Ведь подобные концептуально насыщенные номинации расширяют вариативность в обозначении явлений внешнего и

внутреннего мира, раздвигают горизонты познания действительности и обогащают экспрессивный и креативный потенциал языка. Используя иноментальные элементы, мы включаем их в исконно русские мыслительные схемы и паттерны оценочной реакции на мир вне и внутри нас, делая чужое своим.

На словообразовательном уровне рефлексy культурной апроприации иноязычных элементов в языке интернета проявляются в их вовлеченности в типично русские модели словообразования, в том числе экспрессивного. Очень показательным примером «культурной русификации» иноязычных элементов в языке интернета является использование диминутивов, которые как раз ориентированы на включение инокультурных реалий и понятий в тотальный круг типично русской эмпатии – личностной вовлеченности говорящего в номинацию вещей и событий, его особую эмоциональную реакцию на них.

Особый интерес в этом плане представляют варианты эмоционально-экспрессивные образования неолексем, которые, помимо диминутива с суффиксом -УШК-, могут реализовать другую версию, с просторечным суффиксом -УХ-; так, например, наряду с диминутивом *превьюшка* (англ. *preview* – ‘предварительный просмотр’): *Я загружаю размером одним, а превьюшка представляется совсем в другом размере и намного меньше, чем мне надо* (URL: <https://drupal.ru/node>), – имеется и *превьюха*: *Возникла такая проблема, перестали генерироваться превьюхи* (URL: <https://ru-lightroom.livejournal.com/>).

Другую культурную установку – на чрезмерную гиперболизацию при номинации самых обычных лиц, вещей, явлений или событий – отражает модель окказионального образования аугментативов («увеличительных» неолексем) на базе иноязычных корней посредством размерно-оценочных суффиксов, например, *респектище* [англ. *Respect*] – выражение благодарности, уважения: *Респектище тебе, добрый человек!* (URL: <https://www.ejabberd.im/node/2661/index.html>).

На грамматическом уровне рефлексy культурной апроприации иноязычных элементов в языке интернета проявляются в их грамматической оформленности по законам русской морфологии, т. е. в приобретении склоняемости или спрягаемости, в категоризации по русским морфологическим именным категориям рода, числа, падежа, глагольным категориям возвратности и безличности и пр., изначально несвойственной этим единицам в языке-источнике.

Так, в грамматике русского глагола типично русские способы языковой концептуализации мира при концептуальном освоении заим-

ствований в языке интернета проявляются в вовлечении иноязычных глагольных корней в модели пассивизации и имперсонализации.

Культурная апроприация иноязычных корней в грамматике русского языка интернета прежде всего обнаруживает себя в распространенности **безличных форм** глагола: *Забанил в одном месте – забанилось везде* (URL: forum.sape.ru); *Правда, плюс в том, что законнектилось очень быстро и настроек минимум* (URL: forum.electrostat.com/); *Да просто снова затроллилось и не живет спокойно!* (URL: <https://foren.germany.ru/>).

Кроме безличности, к интересующим нас случаям в языке интернета относятся примеры **пассивизации** – образования возвратных глаголов на базе заимствованного компонента: *У меня есть бэйсик, но есть ли смысл апгрейдиться, если через несколько месяцев выйдет новый аддор?* (URL: <https://eu.battle.net/forums/ru/>); *Ты слышала, она законтактилась?* (URL: <https://vk.com/lookvk>).

На коммуникативно-дискурсивном уровне рефлексy культурной апроприации иноязычных элементов в языке интернета проявляются в расширении изначально специализированной сферы их употребления и переноса моделей их дискурсивной реализации в другие, уже неспециализированные сферы.

Согласно нашей концепции, именно изменения коммуникативных условий функционирования новообразований на базе иноязычных элементов являются существенным диагностическим признаком их аккультурации, инкорпорации в «русский мир». Так, *банить, коннектиться и троллить* теперь тоже можно не только в интернет-пространстве: [заголовок] *На Украине Льва Толстого «забанили» за «агрессорску мову»*. [подзаголовок] *В Хмельницком запретили постановку «Анны Карениной» театра-студии из Киева* (URL: <https://www.nnov.kp.ru/>); *15 февраля. Как Зима с Летом коннектились* (URL: istorii.net.ua/nonformat/); *Как троллить жену / девушку?* (URL: <https://pikabu.ru/story/>).

Проанализированный материал еще раз продемонстрировал определенную свободу в обращении с заимствованными словами, свойственную отечественным дискурсивным практикам, ярким и репрезентативным выражением которых является интернет-коммуникация. Это свидетельствует, с одной стороны, о существенном креативном потенциале русского языка, а с другой – о надежности барьеров, поставленных русской грамматикой и прагматикой на пути проникновения инокультурных моделей в «русский мир». В освоении

заимствований русский язык ведет себя как рачительный хозяин: берет из чужого то, что ему нужно, и делает это своим. Иноязычные по происхождению элементы осваиваются и даже присваиваются современными носителями русского языка как часть их собственной, национально-специфичной естественной речевой практики.

1. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / Т. Б. Радбиль [и др.]; под ред. Л. В. Рацибурской. – М.: Флинта; Наука, 2014.

2. Радбиль, Т. Б. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Мир русского слова. – 2017. – № 2. – С. 33–39.

3. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая; пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е. В. Падучева. – М.: Русские словари, 1996.

4. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005.

5. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов / Т. Б. Радбиль [и др.]; под ред. Л. В. Рацибурской. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.

Е. А. Чащина (Познань)

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ ТОРГОВОГО ДЕЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ X–XIV ВВ.

Торговля занимала столь важное место в общественно-экономической жизни Руси, что, по мнению ряда исследователей, в частности историка В. О. Ключевского, являлась основой развития древнерусского протогосударства. Исследователь отмечает: «Мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие торговые города... Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокруг них промышленных округов» [1]. Русские купцы возили свои товары в Центральную Европу, Палестину, Багдад, имели свои постоянные дворы в Царьграде, Итиле, на острове Готланд [2, с. 315]. Облик купца X–XI вв. в настоящее время хорошо известен. Как отмечает Б. А. Рыбаков, среди русских курганов встречается много погребений купцов этого периода, которые дополняют сведения

письменных источников. Купец – это прежде всего человек, прекрасно вооруженный, на боку у него стальной меч, в руках – копье; на нем золотые обручи (гривны), широкие шаровары в 100 локтей материи, деньги он кладет за пояс [2, с. 365]. Следует заметить, что в столь далекие времена война, грабеж и торговля сопутствовали друг другу. Зачастую отличить воина от торговца было невозможно, так как эти функции выполняли одни и те же лица. Если к стенам города подходил отряд вооруженных людей, определить цель их прихода было крайне сложно. Можно было бы предположить, что люди, занимающиеся торговлей, приобретали у населения то, что было изготовлено или добыто на охоте. Однако, по мнению историков, «купцы, скупающие скору и воск, представляли исключение. Обычным спутником купца являлся все же меч» [2, с. 326].

Торговые операции в Древней Руси, кроме купцов, осуществлялись князьями и их дружинниками. Предметы, предназначенные для торговли, забирались князьями у населения покоренных ими земель в виде дани во время так называемого *полюдья*. Князь объезжал подвластную ему территорию посолонь в течение шести месяцев, собирая то, что могло пойти на экспорт: меха, мед, воск и т. п. Причем считалось, что люди отдают это добровольно, в виде даров, и поэтому полюдье называлось *полюдье даровное* [3, с. 235]. То, что было собрано в виде дани и свозилось в определенные пункты, именовалось *товаром* [3, с. 262]. В ранний период лексемой *товар* обозначалось прежде всего имущество. В статье 49 *Русской Правды* «*О поклажаах*» говорится: *Аже кто поклажаа кладеть оу кого любо, то тоу послууха нетоуть; нъ оже начнет болишимъ кльпати, томоу ити роте, оу кого то лежалъ товаръ* [4, с. 113]. В этом случае можно согласиться, на наш взгляд, с И. И. Срезневским, который рассматривает данную лексему именно с этим значением [5, с. 969]. Историк А. А. Зимин в переводе этой статьи отмечает данное существительное как товар [4, с. 159–160]. Однако, скорее всего, на хранение оставляли собственное имущество, а не то, что предназначалось для продажи. Предметы торговли находились, как правило, в отведенных для этого специальных местах и охранялись, за что предусматривалась отдельная плата. А. А. Зимин отмечает факт отсутствия в данной статье указания на взимание какой-либо суммы и усматривает в этом оказание дружеской услуги, с чем трудно согласиться. Приведем перевод данной статьи: «Если кто-то оставит имущество на хранение, то свидетели не нужны, если будут обвинения, что оставленных вещей было больше, то дол-

жен дать клятву тот, у кого находилось имущество». Во фрагменте *Лаврентьевской летописи* под 6685 г. также фиксируется слово *товар* со значением 'имущество': *Села пожже боярьская, а жены и дети и товарь да поганымъ на щить* [5, с. 969]. Г. Дьяченко отмечает: «Русское старинное товар – имение, имущество. В пастушеском быту крупный рогатый скот составляет главное имение, и потому в степных имениях товаром называют крупный рогатый скот. Во время передвижения, перекочевки – пожитки, животы, имение – становятся кладью, поклажею» [6]. У лексемы *товар* отмечается еще одно значение – 'деньги'. В *Русской Правде* в статье об опекунстве Владимиром Мономахом говорится, что опекун несовершеннолетних детей может отдавать их капитал под проценты и полученную прибыль забирать себе, а основной капитал возвращать детям: *А что срезить товаромъ темъ ли пригостить, то то ему собе, а истыи товарь воротить имъ, а прикуп ему собе* [4, с. 118]. Словосочетание *срезить товаром* – 'получить проценты с капитала', *истый товар* – 'основной капитал', глагол *пригостить* – 'пустить средства в торговый оборот'.

В *Русской Правде*, статье 77, где речь идет о поиске вора по следу, указывается: *Не будетъ ли татя, то по следу женуть; аже не будетъ следа ли к селу или к товару, а не отсочать от собе следа, ни едутъ на след или отобьются, то темъ платити татбу и продажю* [4, с. 116]. Приведем перевод статьи: «Если вор не будет сразу обнаружен, то искать его по следу, если не будет следа к селу или к стану, а люди не отведут от себя следа и не поедут по следу, то платить им штраф [4, с. 131]. В данном контексте слово *товар* – 'стан', 'военный лагерь'. С этим же значением в *Повести временных лет* встречается существительное среднего рода *товарище*: *Володимеръ же прииде въ товарыщ и посла биричи по воиску* [5, с. 968]. Здесь речь идет о том, что в военный лагерь, где располагалась дружина, князь Владимир пришел в поисках воина, который мог бы сразиться в поединке с печенегом. Существительное *товарищ* – 'участник военного лагеря' и позднее 'член какой-либо группы': *Господь отецъ нашъ, защити и схрани. и отъ товарища немилосерда и отъ соуседа не любя* [5, с. 968]. Синонимом данной лексемы являлось существительное *товарникъ* – 'товарищ по оружию': *Артори ... призва своего Лукья своего товарника*. Буквальный перевод с греческого: 'с которым жил в одном шалаше' [7].

Таким образом, *товар* – это то, что было собрано в виде дани, вывозилось *товарищами* – дружинниками, где они в пути располагались

своим лагерем, именовавшимся *товаром*. Здесь прослеживается семантика – ‘нечто, собранное вместе’, а именно собранная дань в виде мехов, меда и т. д., обоз, который все это везет, а также военный лагерь, где все члены группы – военной дружины – товарищи. И только позже слово *товар* приобретает привычное нам значение – ‘предназначенный для продажи’. В *Договоре Смоленска с Ригю и Готским берегом* 1229 г. говорится: *Аже Латиньский усхочет ехати и Смоленська своимъ товаромъ в ину сторону, про то его князю не держати* [8].

Собранная князьями дань вывозилась на внешние рынки, прежде всего в Константинополь, по известному пути «из Варяг в Греки». Русские князья заключили ряд договоров с Византией, в которых оговаривались, кроме всего прочего, условия торговли. В этих договорах довольно широко представлена лексика, связанная с торговыми операциями и лицами, их совершавшими. В статье 8 *Договора Руси с Византией* 911 г. фиксируется лексема *купля* со значением ‘товар’: *Аще ли таковая лодья или от буря, или боронения земнаго боронима, не может възборонитися въ своа си места, спотружаемся с гребцемъ тоя лодья мы, Русь, да провадимъ ю с куплю ихъ по здорову* [4, с. 8]. Приведем перевод данной статьи: «Если же эта ладья, спасенная после бури или после того, как она была выброшена на мель, не сможет сама возвратиться в свои места, то мы, русские, поможем гребцам той ладьи и проводим ее с их товаром невредимой» [4, с. 12]. Данный фрагмент ограничивает положения берегового права, по которому при кораблекрушении выброшенный на берег корабль вместе с товаром подлежал разграблению. В соответствии с указанной статьей русские берут на себя обязательства по оказанию помощи терпящим бедствие грекам и сохранению их груза. В *Договоре* 944 г. встречаем словосочетание *куплю творити* – ‘вести торговые дела’: *И да входять в град едиными враты со цесаревым мужем без оружья мужь 50, и да творять куплю, якоже им надобе* [4, с. 32]. Существительное *купля* обозначало также договор купли-продажи: *По разуму своему и съвещанию бываетъ купля; Могу ли другую куплю написати* [9, с. 1370–1371].

В текстах церковного характера слово *купля* не было связано с торговлей и употреблялось с более широкой семантикой – ‘деятельность, занятие вообще’: *Въ жизньнахъ купляхъ бесловесно пребываютъ; Въ житиискихъ купляхъ* [11, с. 129]. В *Старославянском словаре* фиксируется существительное *купя* женского рода со значением ‘занятие,

труд': *Никѣто же воинъ бывая обязается купями житиисками* [10]. Особенность семантики данной лексемы можем соотнести с английским языком, где *business* – не только предпринимательская деятельность, но и занятие вообще. В то же время в источниках книжного характера со значением 'торговля' обнаруживается существительное *купъ*: *Весь коупъ ея; Коупа деля* [10]. В житийной литературе отмечено словосочетание *купъ творити* – 'торговать': *Корабль имяху, въ немъ же купъ творяще, животь обретахоу* [9, с. 1372].

Глагол *купить*, нам хорошо знакомый, в ранних источниках имел другое значение, а именно *купити* – 'соединять', *купитися* – 'соединяться' [9, с. 1370]. В русском языке данная семантика сохраняется в прилагательном *совокупный*. Видимо, можно понимать так, что если мы что-то покупаем, то добавляем, присоединяем к уже имеющемуся. Следует также отметить существительное *купа* – 'группа людей, толпа': *Уже начаша и сами себе купами великими скопяся зело препростиши поселяне, мужие со женами и з детми* [11, с. 124]. Соответственно прилагательное *купныйи* имело значение 'общий', а наречие *купно* – 'вместе' [9, с. 1373]. Здесь также прослеживается семантика, близкая к существительному *товар*, – 'общий, входящий в состав группы'.

Для более полного понимания особенностей формирования и развития семантики глаголов *купить* – *покупать* нам нужно обратиться к реалиям того времени. На ранних этапах развития общества, как известно, торговля была меновой, то есть происходил обмен теми или иными предметами, вещами, изделиями. Эту торговлю традиционно называют *немой* торговлей, так как люди, осуществлявшие обмен, не говорили друг с другом, потому что они не всегда знали языки. Кроме того, они сознательно избегали контакта, чтобы обезопасить себя, избежать каких-либо конфликтов. При обмене контрагенты даже не видели друг друга: сначала представители одной стороны оставляли свои вещи и уходили, затем появлялись представители другой и совершали обмен, если предложенные вещи им подходили. Так выглядела ранняя, примитивнейшая форма торговли.

Вступление сторон в прямое взаимодействие часто приводило к вооруженным столкновениям. О. М. Фрейденберг, в частности, отмечает: «Начало торговли лежит во враждебных актах. Торгующие – враги, которые грабят и убивают друг друга. <...> Обе стороны ведут себя как заклятые враги, препираются и дерутся. Это говорит о том,

что такого рода мена происходила некогда в форме поединка, где «покупателем» был «победитель» [12]. Действительно, договоры русских с греками, как нам рассказывает летопись, явились результатом предварительных военных походов русских князей на Византию: *иде Олег на греки, Игоря оставив в Киеве... Много убийство сотвори около града Греком, и разбиша много палаты, и пожгоша церкви: а их же имаху пленники, овех посекаху, другие же мучаху, иныя же расстреляху, а другыя в море вметаху, и на многа зла творяху Русь Греком* [13]. По причине враждебного характера древней торговли обмен всегда происходил на нейтральной, пограничной черте, разделяющей «свой» мир и «чужой» («иной») мир. Как отмечает историк И. М. Кулишер, «такие меры, как обязанность иноземных купцов селиться за городом, на островке, или во всяком случае подальше от прочего населения в предместьях, – находим везде и повсюду на Западе в средневековую эпоху» [14].

В церковных текстах глагол *куповати* фиксируется со значением ‘приобретать, получать что-либо ценой жертв, усилий, мольбы о чем-либо’: *Хотящая приимати животъ вечныйи, злато даяти хотение токмо и того куповати млсрдиемъ влдце, иже верно въпиемъ моли Ха Ба греховъ оста; Сподоби, господи, сихъ бесчестиемъ будущую честь купити, имъ же образомъ вечный животъ купуютъ праведнии* [11, с. 132]. В данном контексте подтверждается семантика ‘приобретение путем обмена’: вечная жизнь приобретается ценой праведной жизни на земле.

Обмен, как правило, предполагает установление цены для соотнесения подлежащих обмену вещей. Семантика взвешивания, нахождения эквивалента непосредственно проявляется в существительных женского рода *купъ* и мужского рода *купъ*, обозначающих весы. С тем же значением использовалось существительное *купона*: *Хлеба, его же вкушаху, купоною меряше* [9, с. 1372]. Конкретный контекст свидетельствует о том, что *купона* – весы, используемые в день великого Суда для определения степени праведности и греховности человека: *Въ день суда великаго въсека мера ... яко и на купони си речъ и на мереile повешена и на купли стоит и познает меру свою и мероу приимет мѣзду своя*. Глагол *купонити* фиксируется со значением ‘весить, взвешивать, оценивать’: *Малымъ словомъ великаа купонящу* [11, с. 132]. Устойчивое выражение *на купъ (купъ) прилечи* со значением ‘согласоваться’ также подтверждает эту семантику: *Всяка мера и ставило на купъ прилягутъ* [15].

Существительное *купец* в ранних источниках использовалось со значением ‘тот, кто покупает, приобретает что-либо, покупатель’, а не тот, кто профессионально занимается торговлей. В *Изборнике Святослава* 1076 года читаем: *Не съвешитаваи съ страшивъмъ о брани, съ купъцьмъ о приложеньи* [11, с. 126]. Следовательно, продавец – ‘тот, кто продает’. Интересно, что данная пара *купец* – *продавец* сохранялась в русском языке довольно долго. В деловых документах XVI–XVII вв. фиксируется: *А кто корову купитъ, или лошадь продасть, ино съ купца и съ продавца по две же денги; А ныне даютъ темъ всемъ людемъ (попам, стрельцам, дворовымъ людемъ) государево жалование за хлебъ деньгами, и те все люди на Москве и въ городехъ стали хлебу купцы* [11, с. 126]. Каждый мог выступать в роли купца или продавца в зависимости от того, покупает он что-либо или продает.

Кратко отметим, что со значением ‘торговля’ использовались следующие слова: *купъ, коупия, коупля, коуплетворение, коупование*. Семантика ‘покупка’ реализовалась в следующих лексемах: *купка, купля, купление, купленина*. Наименования рынка, торго были следующими: *купилнице, купленица* [9, с. 1370–1372], [16].

Таким образом, лексика, связанная со сферой торговли, фиксируется в самых ранних источниках правового характера, а также в летописях, церковных текстах и житийной литературе. Она отражает черты исторических и экономических процессов древнерусского периода, а также особенности мировидения людей, живших в столь отдаленную от нас эпоху.

1. Ключевский, В. О. Курс русской истории [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/8 (Дата обращения 21.10.2019 г.).

2. Рыбаков, Б. А. Торговля и торговые пути / Б. А. Рыбаков // *Культура Древней Руси* / под ред. Б. Д. Грекова, М. И. Артамонова. – М.–Л., 1951. – С. 315–369.

3. Юшков, С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. – М., 1949.

4. Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. – М., 1952. – Вып. 1.

5. Срезневский, И. И. Материалы для древнерусского словаря / И. И. Срезневский. – СПб., 1912. – Т. 3.

6. Дьяченко, Г. Полный церковнославянский словарь / Г. Дьяченко. – М., 1900. – С. 724.

7. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 2011. – Вып 29. – С. 382.

8. Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. – М., 1953. – Вып. 2. – С. 64.

9. Срезневский, И. И. Материалы для древнерусского словаря / И. И. Срезневский. – СПб., 1893. – Т. 1.
10. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М., 1994. – С. 299.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1981. – Вып. 8.
12. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. – М., 1978. – С. 69.
13. Летопись по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1872. – С. 29.
14. Кулишер, И. М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно / И. М. Кулишер. – Петербург, 1923. – С. 22.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1994. – Вып. 19. – С. 201.
16. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромировому Евангелию. – СПб., 1899. – С. 351–352.

В. Д. Стариченок (Минск)

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ ВТОРИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ

Глаголы, как известно, характеризуются довольно широкими семантическими структурами и обладают огромным потенциалом для развития вторичных лексико-семантических вариантов. В огромной массе глагольной лексики выделяются метеорологические наименования (метеонимы), которые относятся к древней и устойчивой тематической группе словарного состава любого языка. Они обозначают различные электрические, акустические, оптические атмосферные явления (видимые проявления сложных физико-химических процессов, происходящие в воздушной атмосфере Земли), а также отражают важные для человека представления об окружающей действительности. Метеонимы непосредственно связаны с учением о четырех элементах бытия (воде, огне, воздухе и земле), в которых исконная природа воплотились в множестве самых разнообразных форм и обликов.

Глаголы со значением метеорологических явлений и величин, а также некоторых состояний природных объектов занимают сравнительно небольшое место в общем лексическом фонде русского языка. В то же время они принадлежат к высокоинформативной лексике, отражающей важные для жизни и деятельности человека природные константы и представляют фрагмент языковой картины мира. Такие глаголы тесно связаны с существительными, которые обозначают те или иные объекты природы, водные пространства и потоки, оптиче-

ские явления, небесные светила, погоду, стихию, атмосферные осадки (дождь, снег, град, ветер, бурю, метель, грозу, молнию, туман, облака, солнце и др.). В зависимости от характеристики тех или иных существительных и степени включенности глаголов в метеорологический континуум выделяются следующие глагольные группы:

1. Глаголы, характеризующие атмосферные осадки. Такие глаголы образуют самостоятельную группу, денотативное содержание в которой отражает определенную атмосферную реальность, связанную с дождями, ливнями, снегом, градом и др. Выпадение дождя, благодаря которому происходит круговорот воды в природе, может характеризоваться разной интенсивностью, силой, длительностью и многими другими показателями. В зависимости от этого выделяются три подгруппы глаголов.

1. Глаголы со значением мощи, силы, большой интенсивности дождя (*лечь, лупить, бить, падать, хлынуть, сечь, резать, зарядить*).

2. Антонимическими по значению являются глаголы, выражающие малую силу проявления дождя, указывающие на мелкие, редкие капли (*накрапывать, сеять, сыпать, брызгать, моросить*).

3. Глаголы со значением протекания дождя, который сопровождается определенными звуками. В этой группе представлены глаголы с максимально широкой, абстрагированной семантикой, направленной в одном из своих значений на выражение звуков, которые образуются в процессе соприкосновения капель дождя с листвой, травой, водой, камнями, крышами домов, стеклами окон и др. (*грохотать, топать, потрескивать, хлюпать, шелестеть, шуршать, шуметь*). Для выражения звуков дождя также используются глаголы со значением звуков некоторых музыкальных инструментов: *дождь барабанил по крыше и стеклам; всю ночь по оконным стеклам бубнил дождь*.

Для обозначения выпадения атмосферных осадков в виде снега прежде всего используется семантический потенциал глаголов движения, перемещения в пространстве (*идти, пойти, лететь, кружиться, падать, сыпать*): *идет белый снег, на воротник падает снег, мягко кружится снег, выпал первый снег, сыпался с неба белый снег*.

2. Глаголы, характеризующие ветер и другие стихийные атмосферные явления. Ветер считается самым активным действующим лицом в дискурсах многих писателей, а словосочетания с компонентом *ветер* прочно закрепились во многих названиях художественных и музыкальных произведений, сборников стихов. Звуки ветра чаще всего отождествляются со звуками человека, его речью (*ветер гово-*

рит, кричит, вещает, поет, свистит, чихает, смеется, посмеивается), а также звуками человека, указывающими на внутреннее состояние, эмоции, чувства, ощущения (*ветер плачет, рыдает, стонет, вопит, сердится*). В эту же группу включаются глаголы со значением звуков животных, напоминающих протяжное и тоскливое завывание, рев, вой и др. (*ветер воет, ревет, скулит*).

Концептуальная примета движения, перемещения является основной в описании ветра как природного феномена. Этот признак чаще всего выражается глаголами, которые в сочетании с существительным *ветер* образуют контекстные фрагменты различной смысловой направленности, в которых ветер выступает в качестве как объекта, так и субъекта действия. Обычно выделяются две группы таких контекстно-семантических объединений.

В первой группе актуализируется способ существования ветра во времени и пространстве, при этом чаще всего используются глаголы движения *идти, пройтись, ходить, сновать, шуршать, лететь, прыгать, нестись, кружиться, играть* и др. Во второй группе отражается воздействие ветра на человека и окружающую обстановку. Ветер в этих случаях выступает в качестве активного действующего лица. Для выражения таких действий и функций ветра носители языка употребляют глаголы *обрывать, качать, листать, гладить, гнать, гнуть, срывать, колотить, крутить, ломать, носить, подгонять, развешивать, разносить, рвать* и др.

Глаголы, выражающие звучание метели, соотносятся со значением звуковых номинаций, в которых внимание акцентируется на гудении, сопении, завывании, определенных криках, свистах: *метель гудела; за окном воет вьюга; метель в поле сопит; скулит метель; метель злоево кричит; просвистела над площадью снеговая метель*.

3. Глаголы, характеризующие электрические явления в атмосфере.

В этой группе глаголы выступают в качестве маркеров существительных *гроза, гром, молния*. Семантика «грозовых» глаголов очерчивается темпоральными и квантитативными показателями.

Темпоральность, как правило, связывается с противоположными категориями начала, определенной продолжительности и завершения действия, для чего используются следующие фазовые глаголы: а) глаголы со значением начала действия (*начаться, подняться, настать, налететь, приближаться*); б) глаголы со значением завершения дей-

ствия (*закончиться, пройти, отшуметь, затихнуть*); в) глаголы со значением длительности действия (*продолжаться, идти*).

Квантитативные показатели, как правило, направлены на концентрацию действий, указывают на большую разрушительную силу и мощь грозы (*бушевать, реветь, бесноваться*).

Для характеристики грома и молнии используют смысловой потенциал звукового «коридора» глаголов со следующим содержанием:

а) резкие, однообразные, отрывочные, трескучие звуки (*ляпнуть, хлопнуть, трещать, потрескивать, мурлыкать*);

б) раскатистые, громкие, сильные звуки (*грохотать, раскатиться, прокатиться, греметь*);

в) речь человека, его голос (*отозваться, откликнуться, зазвучать, буркнуть, хохотать*).

4. Глаголы, характеризующие оптические явления в атмосфере. Сгущение мелких капелек воды или ледяных кристаллов в приземных слоях атмосферы, что делает воздух непрозрачным, в языке называется туманом. С этим существительным используются многие глаголы, указывающие на местоположение туманной массы, ее перемещение в пространстве, этапы создания и исчезновения. Так, глаголы *стоять, лежать, висеть, нависать*, указывая на размещение туманного покрова, десемантизируются и используются как знаки предикации при обозначении природных явлений: *В лесу стоял густой холодный туман; За рекой лежит туман; Над рекой густой пеленой висел туман; Нависли холодные туманы*.

Глаголы со значением 'перемещение в пространстве' отражают динамику процесса, изменение некоторых статических отношений. При этом вербализация специфики и характера движения тумана зависит от семантики первичных ЛСВ, которые создают магистральный смысловой коридор для развития вторичных ЛСВ. Ср.: *плыть* 'перемещаться по поверхности воды или в воде' → 'плавно двигаясь, перемещаться в воздухе' (*седые туманы плыли по низине*), *ползти* 'перемещаться по поверхности, двигаясь всем телом' → 'медленно распространяться, перемещаться; стелиться (о тумане, дыме и под.)' (*туман полз, расползался по болоту*), *подняться* 'взойти, занять более высокое место' → 'распространиться над чем-либо, выше чего-либо (о дыме, тумане и под.)' (*туман поднимался от реки*).

При наименованиях облаков и туч используются, как правило, глаголы движения со значением определенной направленности, а также

способа перемещения или распространения. Компоненты семантики в таких словах тесно взаимодействуют с грамматическими и лексико-грамматическими компонентами, в результате чего, например, глаголы совершенного и несовершенного видов, суффиксальные и префиксальные дериваты различаются по смысловому наполнению и маркируются такими семами, как начало действия и его завершение, широкий или узкий охват действия, его неполнота, разная направленность и др. Так, глагол *плыть* и его префиксальные образования в одних случаях могут обозначать определенное движение облаков (*плыть*), в других – их исчезновение, изменение местонахождения (*сплыть, проплыть*), в третьих – действие, связанное с увеличением объема облаков (*расплыться*), в четвертых – действие, когда тучи надвигаются на месяц или солнце и закрывают их собой (*наплывать*), в пятых – движение снизу вверх (*всплыть*) и др. Нейтральной единицей по отношению к репрезентации движения туч в пространстве является глагол *идти* в значении ‘перемещаться массой, потоком’: *А тучи шли по низкому небу. С шумом туча из-за леса шла с ветром на нас. Тяжелые тучи с каждым порывом ветра шли в наступление.*

Категория «способ движения» образует многослойную субкатегорию, компоненты которой характеризуют специфику перемещения облаков в зависимости от скорости перемещения, их направленности, полноты охвата, степени развития и др. Чаще всего актуализируются следующие маркеры движения: а) перемещение, которое отождествляется с плаванием (*плыть*); б) движение сверху вниз или снизу вверх (*подниматься, всплыть, опускаться*); в) круговое движение (*окружить, покружить*); г) скорость движения (*бежать, лететь, гнаться, нестись, мчаться, мелькать*); д) медленность движения (*сунуться, ползти*); е) увеличение в объеме (*расти, растянуться, расплыться*); ё) изменение формы и объема путем разделения общей массы на несколько небольших частей и дальнейшего их рассеивания, исчезновения (*разорваться, рассеиваться, расходиться*); ж) изменение местонахождения (*сползти, сплыть, скатиться*); з) приближение, движение вперед (*надвигаться, наступать*).

Оппозиций по отношению к движению и динамичности вообще является категория статичности, выражающая состояние равновесия, спокойствия, отсутствие подвижности. Для выражения этой категории используются статические глаголы *стоять, висеть, нависать*: *возле реки по-прежнему стояла большая туча; это облако висит на одном и том же месте; над озером нависла черная туча.*

Характерной особенностью метеонимов является то, что более 15 % таких номинаций включаются не в одну, а в несколько микрогрупп, что свидетельствует об открытости метеорологической системы, ее своеобразной диффузности и семантической «соприкосновенности» с другими номинациями. Так, например, глагол *идти* может использоваться для обозначения метеорологических явлений и величин, связанных с дождем, снегом, градом. Глагол *подняться* употребляется в значениях ‘взойти, появиться над горизонтом (о солнце, луне, облаках)’, ‘распространиться над чем-либо, выше чего-либо (о тумане, дыме)’, ‘начаться, возникнуть (о ветре, буре, грозе)’.

Таким образом, в русском языковом континууме насчитывается значительное количество метеорологических глагольных номинаций, которые во многих контекстных фрагментах отражают самые разные фазы движения. На первый план выдвигаются признаки интенсивности, силы воздействия, продолжительности, скорости, динамичности, а также звуковые характеристики, которые отождествляются с процессом речи человека, звуками животных и птиц, музыкальными звуками и др. Метеорологическая лексика в определенной степени отражает специфику ментальности того или другого народа, а также национальной языковой картины мира.

Е. И. Костанди (Тарту)

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РЕЧИ ДИАСПОРЫ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Речевая деятельность и текст как ее результат невозможны без отнесения их ко времени и месту, или локализации. «Приметы» времени и пространства могут быть эксплицитными в разной степени (от попутного замечания до сфокусированности на них) и имплицитными, а также вариативными – от сознательного умолчания до «само собой разумеющихся» фоновых знаний, не требующих упоминания, на что влияют разнообразные факторы, в частности – языковая ситуация в стране. Исследователями неоднократно рассматривались особенности русского языка в Эстонии, обобщение которых показало, что в речи диаспоры местную специфику приобретают не только отдельные языковые средства, но и проявления картины мира «эстонских русских». Они регулярно обнаруживаются в зонах, охарактеризованных нами ранее [1], как компоненты типового дискурса диаспоры,

ключевыми среди которых являются пространственные и временные показатели. Ограниченность объема статьи не позволяет рассмотреть как пространственный, так и временной компоненты, поэтому сосредоточимся на первом, второй же будет затронут лишь попутно.

Особенностям пространственной локализации в русской речи местных жителей был посвящен ряд обобщенных ранее [2] работ, базирующихся на анализе разнообразного речевого материала (разговорная речь, СМИ, официально-деловые тексты, художественная литература, мемуары, сетевое общение, русские говоры Эстонии и др.). К пространственным характеристикам, отличающим язык диаспоры, относятся специфика топонимов, языковое оформление окружающего пространства, местные речевые практики, принятые в том или ином конкретном пространстве, характер пресуппозиции, связанной с пространственными фоновыми знаниями, и то, что можно определить как дискурс о пространстве, или рефлексия, обусловленная местными факторами.

Обращение к топонимике показало, что одной из ее ярких региональных черт является вариативность. Эстония входила в состав разных государств, где сосуществовали разные народы и языки, что не могло не привести к появлению вариантов наименований регионов, городов, деревень, улиц, площадей и т. д. В указанных выше публикациях анализировались некоторые проявления такой вариативности. Цель настоящей статьи – систематизировать функционирование вариантов топонимов в речевой практике русскоязычных жителей Эстонии.

Как известно, топонимы разнообразны: от официальных наименований, например, населенных пунктов до узуальных названий зданий, парков, пляжей и т. д. Это разнообразие представлено и в нашем материале, в котором, помимо того, большая часть топонимов имеет варианты. Они могут быть историческими (*Таллин / Ревель, Тарту / Дерпт*), относящимися к разным языкам, в частности, эстонскому и русскому (*Нарва-Йыесуу / Усть-Нарва, Рийа маантеэ / Рижское шоссе*), в письменном русском тексте они могут быть написаны и латиницей, и кириллицей, а в устном варианте могут по-разному произноситься, могут также переводиться на русский язык или являться эстонскими вкраплениями и т. д. Анализ материала позволил выявить основные случаи функционирования вариантов, которые и рассмотрим, предварительно отметив, что их разграничение не всегда возможно и существуют переходные зоны.

1. Нефиксируемое употребление вариантов топонимов, возможно, и не осознаваемое говорящим. Так, например, в г. Тарту есть площадь и улица с одинаковыми названиями – Раатузе (от эст. Raatuse – ‘Ратушная’), следовательно, и по-русски они тоже могут называться одинаково. Однако в русской речи за площадью закрепилось название *Ратушная*, за улицей – *Раатузе*, что можно видеть в следующих примерах из разговорной речи: *Может, встретимся на Ратушной* (площади)? *На Раатузе* (улице) *эта школа*. Произошло функциональное распределение вариантов, которое, очевидно, обусловлено большей привычностью для русского дискурса в целом, не только в диаспоре, сочетания *ратушная площадь*, чем *ратушная улица*. Первое может не быть именем собственным, а лишь предполагать, что на площади находится ратуша. Как свободное сочетание оно может появляться, например, в путеводителях, телепередачах, сказках и других текстах, с которыми имели дело многие русскоговорящие. Таким образом, в нашем случае появление вариантов наименований имело свои причины, однако в повседневной речевой практике они отходят на второй план или вовсе не осознаются говорящим. Нечто подобное наблюдается и в следующем примере из теленовостей: *Сегодня поздно вечером из-за строительства улицы Рейди в столице изменится организация дорожного движения в районе Таллинского порта. Для движения будет открыта улица Лотси и участок улицы Йые до перекрестка с улицей Ахтри. В это же время будет закрыта улица Тукри. <...> Ахтри, Тукри, Йые <...> Уус-Садам, <...> рекомендуют использовать Нарвское шоссе*. В данном фрагменте все улицы названы по-эстонски, за исключением улицы *Нарвское шоссе*. Очевидно, «обрусение» этого топонима обусловлено вхождением имени Нарва в русскую историю, присутствием этого слова и его производных во множестве текстов на русском языке, начиная со школьных учебников. Можно предположить, что и здесь автор употребил вариант *Нарвское шоссе*, не придавая этому никакого значения, неосознанно. В то же время в местной русской речи регулярно используется и другой вариант этого же наименования – *Нарва маантеэ* (от эст. Narva maantee – ‘Нарвское шоссе’).

2. Фиксирование говорящим вариативности топонимов. Например, ведущий утренней телепередачи отмечает: *И также 30-го апреля 1919-го года газета «Ревельские известия» писала об открытии сообщения между материком и островом Эйзелем, то есть Сааремаа. Сообщение <...> осуществлялось через пролив Большой Зунд,*

известный также как Моонзунд. Сегодня этот пролив носит название Вайнамери.

3. Комментирование, обсуждение, оценка вариантов, что можно назвать «пространственной» рефлексией. Например, регулярно мы видим это в диалектной речи, так как в Эстонии есть регион, где не одно столетие живут староверы, носители говора, и где большинство населенных пунктов имеют варианты наименований. Вариативность топонимов этого региона как реализацию оппозиции «свой / чужой» рассматривает В. П. Щаднева, в ее материале частотны проявления «пространственной» рефлексии деревенских жителей, например: *Казепель*, ну как по-русски. Это теперь уже так пишут по-эстонски, так и мы *Казеня* стали говорить, а так *Казепель* да *Казепель*. *Воронья* – теперь *Варнья* [1, с. 257]. Более развернуто и иронически комментируют вариативность разных топонимов ведущие (B1, B2) одной из телепередач, ср.: B1. *Министр иностранных дел Урмас Рейнсалу пообещал принять меры, чтобы название города Таллин в зарубежных аэропортах и на продаваемых за границей билетах писалось правильно – с двумя буквами н <...> Важная задача для Министерства иностранных дел!* (обсуждают, иронически) B2. *Во Франции вообще издеваются над названием, там и л второе убрали. <...> B2. Вот ты живешь где? В Усть-Нарве или в Нарва-Йыэсуу?* B1. *В Нарва-Йыэсуу.* B2. *Вот! Тебя же коробит, когда кто-то говорит Усть-Нарва.* B1. *Нет. Ради бога, пускай говорят! <...> B2. Подожди-подожди-подожди. Ты же тут как-то поправлял наши тексты, что надо писать <...> Нарва-Йыэсуу?* <...> B1. *Нет, ну в разговоре это нормально, а в тексте непонятно, о каком самоуправлении идет речь. <...> B1. Слушай, ты когда во Псков едешь, ты во Псков или в Пихкву (от эст. Pihkva) едешь?* B2. *А что там навигатор говорит? (смеется) B2. Навигатор вообще предлагает, если у тебя немецкая версия, в Плескау ехать <...> B1. А что касается Усть-Нарвы, я бы ее переименовал в Гунгербург опять назад <...> B2. А латыши! Таллина – с одним н.* B1. *Нет, ну латыши нам мстят за Рийа. <...> Кстати, и с Таллином можно решить все проблемы – Ревель!*

В приведенных примерах есть и исторический аспект – упоминание старых и современных наименований: *Казепель* / *Казеня*, *Воронья* / *Варнья*, *Гунгербург* / *Усть-Нарва*, *Ревель* / *Таллин*. Взаимосвязь пространственного и темпорального компонентов в нашем материале – не единичные случаи, напротив, они регулярны. С этим пересекается и языковая рефлексия, ведь в центре внимания говорящих языко-

вые единицы – слова и их функционирование, что еще более очевидно в следующем случае.

4. Обыгрывание вариантов, языковая игра. В наших условиях особенно интересно обыгрывание эстонских наименований, например: *Какая-какая площадь? Бабы Дуси?* (площадь Вабадусе, от эст. Vabaduse – ‘Свободы’). *В Лосях* (на ул. Лосси, от эст. Lossi – ‘замковая’) *лекция* (разг. речь). *У якобы Хурта* (памятник Якобу Хурту); *Дом 2* – перевод эстонского адреса ул. Коду 2 (от эст. Kodu – ‘дом’), отсылающий к скандально известной телепередаче¹. Такая языковая игра – свидетельство отражения в речи диаспоры ситуации двуязычия, ее освоения и, в итоге, картины мира, включающей двуязычие. С этим явлением пересекается последний из регулярных случаев функционирования вариантов местных топонимов в русской речи.

5. Создание и использование неофициальных наименований. Эти наименования разнообразны: они могут быть прежними названиями и содержать исторический компонент, могут быть нейтральными или, появившись в результате языковой игры, оценочными, могут использоваться небольшой группой лиц или быть широко распространенными, быть собственно русскими или базироваться на эстонской основе и т. д. На материале городского сленга и говора неофициальную топонимику анализирует О. Н. Паликова [3], в бакалаврской работе Д. Еременко «Неофициальная городская топонимика (на материале слов, используемых в г. Кохтла-Ярве)» собран богатый материал такого рода. Ниже даны несколько примеров из работы студентки и приведены официальное и неофициальное наименования: *район города Ийдла / квартал / тридцать второй; Ярвская часть города / Кохтла / Вонюченск; Йыхвиский микрорайон / Микраш / Микраша; Кивиили* (эст., дословно ‘каменное масло / масло из камня’) / *Масло-каменск; ул. Уус* (‘Новая’) / *Усы*.

Итак, материал свидетельствует о наличии местной специфики восприятия и осмысления пространства. В речи диаспоры топонимика отличается вариативностью, реализуемой с разными целями и частными функциями, от немаркированного использования одного из существующих вариантов до языковой игры и словотворчества. Наличие вариантов и обусловленная ими рефлексия носителей языка говорят

¹ Два последних примера, наряду со множеством аналогичных, приводятся в бакалаврской работе студентки отделения славистики Тартуского университета О. Соколовой «Русская неофициальная урбанонимия города Тарту».

о поддерживаемой ситуацией диаспоры актуальности пространственного компонента в их речевой практике и языковом сознании.

1. Костанди, Е. И. Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект / Е. И. Костанди // Русистика и современность. 18-я Междунар. науч. конф. / Балтийская международная академия; редкол.: Э. Архангельская, Л. Игнатьева. – Рига: БМА, 2016. – С. 273–280.

2. Костанди, Е. И. Типовой дискурс диаспоры: пространственно-временная локализация / Е. И. Костанди // Kontaktlingvistikas aktuālās problēmas. Актуальные проблемы контактной лингвистики: сб. ст. / Ventspils Augstskola; ред.: И. Кошкин, Т. Стойкова. – Ventspils, 2018. – С. 41–54.

3. Паликова, О. Н. Неофициальная географическая лексика как лингвистический признак территориальной общности людей (на материале городского сленга и островного говора) / О. Н. Паликова // Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia / Тартуский университет. – Тарту, 2013. – Вып. X: Славистика в Эстонии и за ее пределами. – С. 84–97.

4. Щаднева, В. П. Топонимика западного побережья Чудского, Теплого и Псковского озер в аспекте оппозиции «свой» – «чужой» / В. П. Щаднева // Slavistica Vilnensis. – 2018. – № 63. – С. 245–261.

А. М. Калюта (Минск)

РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ: УЖЕ ПИДЖИН ИЛИ ЕЩЕ ВСЕ-ТАКИ ЯЗЫК?

*Любой язык все время меняется, так что
каждое новое поколение взрослых считает,
что молодежь говорит и пишет неправильно.*

Гастон Доррен

Это высказывание голландского лингвиста отражает вечное противостояние взглядов представителей разных поколений на язык, способы его изменения и средства, которые при этом используются. Среди способов наиболее распространенным признается заимствование, а среди средств – слова как наиболее подвижные, легко перемещаемые элементы языка. Как отмечали белорусские лингвисты, «по характеру своей семантики и по особенностям системной организации лексика – это тот языковой уровень, который «должен» и «может» изменяться интенсивнее всех» [1, с. 391]. Пополнение словарного запаса за счет иностранных слов происходило всегда, будучи результатом контактов языков и культур, однако в XXI веке следствием такого рода контактов в сложившейся ситуации снятия запретов на информацию стала настоящая интервенция заимствований.

Массовое проникновение иностранных слов в русский язык – явление обычное. Стремление к идеализации всего иностранного, преклонение перед ним – вообще характерная особенность русского общества в разные периоды его существования. В этом видится одна из субъективных причин появления большого количества заимствований. Общество в отношении подражания иностранному и язык в отношении заимствований переживают времена подъема и спада. Еще А. С. Грибоедов в комедии «Горе от ума» устами Чацкого произнес *«Как с ранних пор привыкли верить мы, что нам без немцев нет спасенья!»*, а пушкинская Татьяна, хоть и была *«русская душою»*, свою любовь к Онегину выражала по-французски, поскольку, как пояснил А. С. Пушкин, *«доныне дамская любовь не изъяснялася по-русски»*.

Однако увлечение заимствованиями как бы вызвало к борьбе за чистоту языка с отстаиванием самобытных традиций. Во времена раннего Пушкина было создано «Общество российской словесности», которое всячески способствовало распространению русской культуры и традиций, развитию русской филологии и расширению возможности преподавать на родном языке. Борьба двух взглядов на перспективы развития общества в XIX веке также ярко выразилась в противостоянии славянофилов и западников.

Можно привести примеры другого рода, когда государство уже по идеологическим соображениям ставило барьер на пути проникновения в общество всего иностранного силовым, запретительным путем и боролось с «безродным космополитизмом»: в Уголовном Кодексе СССР 1947 г. статья 32 содержала пункт 3 «Преклонение перед Западом», за что люди могли получить 10 лет лишения свободы. Со времен хрущевской оттепели в русский язык даже вошло политическое клише «тлетворное влияние Запада», которым «награждали» низкопоклонство перед границей. Впрочем, даже эти запретительные меры не смогли воспрепятствовать проникновению в русский язык 40-х годов XX века многочисленных немецких экзотизмов (*зондерфюрер, полиция, фольксдойче, рейхскомиссар, гестапо, мессеримитт, блицкриг, абвер* и др.).

Во времена строгих запретов поток заимствований сдерживался искусственно. Современное же общество в России и Беларуси явно находится на гребне очередной волны тяги к иностранному. И если в экономической, финансовой и политической областях еще можно усмотреть примеры стремления защитить свое, отечественное (вспомним хотя бы санкции и связанные с ними контрмеры по укреплению

рубля, банковской сферы, защите рынка и т. п.), то в отношении языка таких преград нет. Культурная форма языковых контактов приводит к переизбытку, в первую очередь, англицизмов. Русский язык (особенно это заметно в речи молодого поколения и ярко отражается в СМИ) все больше напоминает русско-английский пиджин. При этом объяснить этот шквал заимствований только условиями «лексического дефицита», как выразился У. Вайнрайх [2], не получается. Вот заголовки с нижегородского сайта nn.ru: «Зимний **look** кремлевских деревьев» (10.01.19); «Яму вырыли возле **гейта** № 1». А вот три предложения ведущей российской спортивной газеты: «Но гораздо больше, чем игра или результат, разговоров вызвал **аутфит** американской суперзвезды» (СЭ, 28.05.19); «...довольно забавный **фидбек** получаю регулярно, – пишет хороший спортивный журналист Г. Черданцев. – Сегодня в аэропорту многие... ставили **хайлайты** матча с моими комментариями» (СЭ, 21.04.2019); «Это **only** бизнес» (интервью спортивного директора, СЭ, 19.08.19).

Дикость, если обычный русский человек, описывая условия проведения своей политической акции, говорит: «**Саппорт** у нас был, спасибо анархистам и навальнистам...» (nn.ru. 17.05.2019). Каким лексическим дефицитом вызвано появление слов *look*, *гейт*, *аутфит*, *саппорт*, *фидбек* и *хайлайт*? Конечно, здесь действуют иные причины: мода на англицизмы, свойственное молодежной среде стремление не прослыть отсталым, подсознательное желание продемонстрировать собственную «крутость» и лихость стиля. Такая пиджинизация русской речи имеет другие корни, чем та, которую замечательно показала Татьяна Толстая в эссе «Надежда и опора», вот один из примеров: *Из драйввэя сразу бери направо, на следующем огне будет ю-терн, бери его и пили две мили до плазы. За севен-элевеном опять направо, через три блока будет экзит, не пропусти. Номера у него нет, но это не тот экзит, где газ, а тот, где хот-дожная.* Такой «рунглиш» стал возможным благодаря иному языковому окружению, которое вынуждает носителей родного языка использовать лексику языка, доминирующего в обществе.

В российском и белорусском русскоговорящем пространстве ситуация иная. Здесь английский – признак крутости, образованности, актуальный «тренд», символ причастности к глобальным мировым процессам. Конечно, не любое взятое из английского слово станет частью русского лексикона. Тут следует уточнить значение термина

заимствование. Когда говорят «язык заимствовал», это означает, что количество употреблений конкретного иностранного слова перевалило некий размытый критический порог и стало фактом языка. Теоретически любое из замеченных в речи слов иностранного происхождения может преодолеть этот порог и получить официальный статус. Но на практике так не бывает. Некоторые лингвисты [3] даже писали о саморегуляции языка, понимая под этим стандартизацию языковых привычек носителей языка. То есть они отдают все на откуп стихийности языкового развития, а лингвистам оставляют лишь возможность наблюдения и констатации фактов. Однако есть и другая точка зрения, по которой «сильное и продолжительное влияние одного языка на другой может привести к такому большому наплыву иностранной лексики, что и весь облик заимствующего языка претерпит значительные изменения» [4].

Эта угроза и указала путь очищения, лучше сказать охраны языка, по которому пошли во Франции и Канаде. Во Франции, где использование иностранных слов приравнивается к посягательству на национальную культуру и суверенитет, начиная с 1975 г. борьба с заимствованиями ведется с помощью законодательных мер, внимательно отслеживаются все случаи их употребления, в первую очередь, англицизмы. В канадской провинции Квебек особо ревностно относятся к французским словам и презрительно к «американщине». [1]. Вспомним и историю возрождения чешского языка, сумевшего преодолеть засилье немецкого благодаря титанической деятельности Йозефа Юнгмана и его сподвижников.

В России и Беларуси государство прямо не вмешивается в языковые процессы, но косвенно все же влияет на них. Как отмечают российские исследователи, «на рубеже XX–XXI вв. "американизация" возникла в результате сознательной государственной политики с ее ориентацией на западный образ жизни, западную модель общества и, прежде всего, западную экономику. Кроме того, в этот период снизился авторитет русского языка в современном мире: с распадом СССР наш язык перестал быть государственным языком в бывших советских республиках (за исключением Белоруссии)» [7, с. 60]. Все же в 2014 г. депутатами Госдумы был предложен законопроект о штрафах за неоправданное публичное использование иностранных слов, но законом он так и не стал. То есть по пути Франции и Канады никто идти не собирается.

В Беларуси Закон о языках 1990 г. и в последующих редакциях лишь регламентирует государственный статус и право на использование белорусского и русского языков и «обеспечивает всестороннее развитие и функционирование», никак не касаясь содержательной стороны.

Между тем мощное влияние англо-американской культуры приводит не только к процессам отторжения исконной русской лексики и вытеснения ее англицизмами, но и к новым сдвигам в грамматическом строе в сторону анализма [5, с. 98]. Этот давно идущий процесс особенно активизировался «благодаря» рекламным текстам, где разрастается вал нарушений норм склонения существительных, особенно в сфере имен собственных. Он распространился в текстах СМИ, замечен уже и в литературе. Вот лишь несколько примеров: *В «Megamall» время выгодных покупок*; *Одна порция «Тайд» придает белью чистоту*; *В Польше задержали белоруса на угнанном Mercedes* (tut.by); *Мой гол подкосил вратаря «Ак Барс»* (СЭ); *Леди Гага в Минске не будет* (ПБ); *Пьяный на Mazda сбил пешехода* (tut.by); *Нижегородский бизнесмен вызвал по пьяни скорую и заблокировал ее своим Hammer* (nn.ru); *Они являются звездами Instagram* (yandex.ru); *Во всех регионах Беларуси, кроме Минск, подорожал проезд* (Telegraf.by); *Специальный показ «Сталкер» с критиком Александром Долиным* (Афиша tut.by); *Новый год с Ваше лото!* (Ваша Лато); *Полтора года работала по специальности, потом ученицей крановщика на «Прибор»*. Почему именно на «**Прибор**»? Да какая разница... (Д. Корецкий. «Секретные поручения») и т. д.

М. В. Панов, обозначая тенденции в развитии современного русского языка, отмечал: «Растет число имен, у которых нет форм косвенных падежей» [9, с. 10]. Панов имел в виду иные случаи, но удивительным образом его высказывание распространяется и на описываемую нами тенденцию. Вот и получается, что интервенция заимствований в русский язык на фоне искусственного ослабления роли падежных флексий ставит русский язык в новые исторические условия, когда он вынужден балансировать между традицией и новациями.

В семантике также происходят изменения на фоне столкновения старого и нового. Как отмечал У. Вайнрайх, «с точки зрения семантики и стилистики заимствованная лексика может сначала оказаться в положении свободного варьирования со старым словарным запасом, но в дальнейшем, если и родное и заимствованное слово выживают,

обычно происходит специализация значений» [2]. Так, к примеру, происходит с новым заимствованием *барбершоп*, которое на фоне русифицированного *парикмахерская* специализирует свою семантику: *Мода на барбершопы*, или мужские парикмахерские, появилась не так давно (Лента.ру). Впрочем, ряд примеров заставляет сомневаться, что значение слова уже устоялось: *Все, как правило, открывают обычные салоны красоты вроде наших «Светлана» или «У Юли». И называют их барбершопами. Там все называется барбершопами* (lenta.ru).

При этих тенденциях было интересно выяснить, как нынешние молодые носители языка сами воспринимают лексические и грамматические новации, есть ли у них сопротивление навязываемым формам, которое присутствует в пуристически настроенной части носителей языка старших поколений. С этой целью мы провели эксперимент, в котором приняли участие 100 человек: школьники старших классов школ г. Минска и студенты филологического факультета БГУ в возрасте от 16 до 22 лет, из них 55 человек женского и 45 мужского полов. Каждому участнику эксперимента предлагалась анкета с 10 предложениями. В них в пустые места надо было вписать подходящее слово, выбрав его из прилагаемого перечня. У всех участников был выбор между уже давно используемым в языке словом и модным нововведением (*хейтер*, *хайп*, *барбершоп*, *файерплэйс*, *баттл*, *лайфхак*, *аутфит*, *лук*, *юзер*, *зафрендиться*, *пошопиться*, *бойфренд*). Для примера приведем первое задание: *У Бузовой в Инстаграме на 10 млн. подписчиков 2 млн.* (ненавистников, хейтеров, недоброжелателей). Общие результаты эксперимента отражены в таблице 1.

Таблица 1.

№ пп	Варианты слов	Кол-во слов	Ж	М	Всего
1–10.	новомодное	12	224 (18,5 %)	305 (31 %)	529 (24 %)
	старая форма	20	964 (80,5 %)	683 (69 %)	1647 (75 %)
	не дали ответ		12 (1 %)	–	12 (1 %)

24 % опрошенных предпочли новомодную форму старой, причем ее выбрала треть опрошенных юношей и четверть девушек. В целом, выбор участниками эксперимента той или иной формы зависит от конкретного случая. Так, 74 % участников эксперимента предпочли слово *хейтер* словам *недоброжелатели* и *ненавистники*, 48 % предпочли слово *лайфхак* словам *советы*, *рекомендации*, *инструкции*, а 45 % – слово *хайп* словам *ажитаж* и *шум*. Напротив, 87 % опро-

шенных предпочли старое *кострище* входящему в моду *файер-плэйс* (10 %).

Вместе с тем следует помнить, что тенденция к неразборчивому заимствованию имеет свойство распространяться, редуцируя возможности русской лексики, отвоевывая у нее речевое пространство. Вот один из свежих примеров: *Не то чтобы я музыкальный эксперт, но мотаюсь по **опен-эйрам** и рок-концертам половину своей жизни* (nn.ru 21.08.19). Очевидно, что вся история русского литературного языка свидетельствует о его особой «демократичности» и крайней терпимости к чужим словам. Как писали белорусские лингвисты, «...ему всегда был чужд воинствующий ксенофобный пуризм, он много и легко заимствовал, и заимствования здесь не воспринимались как угроза национальной самобытности» [8, с. 399]. Однако давление извне на лексическую систему часто в условиях отсутствия «лексического дефицита», о котором писал У. Вайнрайх, приводит к переизбытку заимствований и вытеснению из употребления исконных элементов. Поэтому, как отмечал В. М. Живов, «язык меняется не в силу системных внутрилингвистических факторов (абстрактных «законов изменения»), а в результате взаимодействия различных социокультурных параметров его употребления» [4], а Л. И. Скворцов прямо говорил, что «иноземное засилье нам грозит» [10].

Конечно, до статуса пиджина русскому языку далеко. У языка пока хватает сил и средств, чтобы бороться с иноязыковой интервенцией. Но в этой борьбе здорового консерватизма против чужеродных лексических нововведений силы не равны: ясно, что консерватизм проиграет. Он всегда проигрывал, во все времена, однако играл свою положительную роль, обращая внимание носителей языка на проблемы языка. Говорить об этом надо, потому что, отражая чужую картину мира, мы меняем национальный менталитет.

1. Общее языкознание / под общей ред. А. Е. Супруна. – Минск, 1983.
2. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – 1972. – № 6.
3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб., 1999.
4. <http://news.flarus.ru/?topic=7929>
5. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – 1972. – № 6.
6. Маринова, Е. В. «Вечный вопрос» о заимствованиях / Е. В. Маринова. – Русская речь. – 2014. – № 2. – С. 59–65.

7. Калюта, А. М. Всегда ли язык изменяется в нужную сторону? / А. М. Калюта // In honorem. Сб. ст. к 90-летию А. Е. Супруна. – Минск, 2018. – С. 95–103.

8. Панов, М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX века / М. В. Панов. – Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 3–17.

9. Живов, В. М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева / В. М. Живов // Отечественные записки. – 2004. – № 5.

10. Сковрцов, Л. И. Язык, общение и культура (Экология и язык) / Л. И. Сковрцов // Русский язык в школе. – 1994. – № 1.

В. Н. Мусатов (Орел)

ПРОБЛЕМА ТИПОВ МОТИВАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последние годы повысился интерес лингвистов к проблеме мотивации производных слов, что связано с активизацией изучения границ словообразовательного гнезда. Выяснилось, что «слово мотивирует другое слово во всей совокупности своих разнородных значений и в производной единице может быть отражено любое из значений его смысловой структуры, лишь бы оно не вступало в прямые противоречия со значениями того класса, под который оно подводится в момент своего создания» [1, с. 154]. Производные слова не всегда создаются на основе прямых, основных значений производящих. Исследования семантики производного слова показали, что оно может соотноситься со своим производящим не только прямыми, но и образными, в частности, метафорическими значениями [2, с. 97]. Отсюда изучение связей производных и производящих с учетом только прямых, основных значений неоправданно сузило бы круг производных и привело бы к исключению многих из них из системы словообразования. В работах Е. А. Земской, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, И. А. Ширшова, Д. Н. Шмелёва, Н. Д. Голева, Н. А. Николиной, О. И. Блиновой и др., посвященных проблеме мотивации, выделяются и описываются различные ее типы. Основанием для выделения таких типов ученым послужило полное или неполное включение значения мотивирующего (производящего) слова в значение мотивированного (производного). С учетом этого признака все типы мотивации делятся на две большие группы: полная мотивация и частичная мотивация [3, с. 83]. При полной мотивации производное полностью включает значение мотивиру-

ющего (производящего) слова: *собака* – *собачка* (‘уменьш. к собака’). При частичной мотивации значение производного основывается лишь на одном из компонентов семантики мотивирующего (производящего) слова, например, в значение производного *советь* вошла только часть значения производящего *сова* – компонент ‘дремотное состояние’.

Полная мотивация неоднородна. Значение производного слова может формироваться не только на базе основного значения производящего, на его ядре, но и на базе его периферийного значения. В зависимости от этого различаются основная и периферийная мотивации. Периферийная мотивация впервые была выделена Е. А. Земской [4, с. 137]. Анализируя семантику пар слов типа *госпиталь* (‘больница для военных’) и *госпитализировать* (‘помещать в любую больницу, в том числе и в госпиталь’), Е. А. Земская обращает внимание на то, что в подобных случаях производные «имеют живые семантические связи с производящими, но связи эти можно назвать периферийными (т. е. не основными, крайними), потому что семантика производных не включает семантику производящих целиком, как в парах *дом* – *домик*, *стол* – *столик*, *тигр* – *тигренок*, но связана с семантикой производящего лишь «краешком» своего значения» [4, с. 137]. При периферийной мотивации значения производных описываются с использованием сочетания ‘в том числе’; например: *кашевар* – ‘тот, кто готовит пищу, в том числе и кашу’; *полковник* – ‘тот, кто командует значительным воинским подразделением, в том числе и полком’; *беседка* – ‘легкое парковое или садовое строение, предназначенное для отдыха, защиты от дождя, солнца, в том числе и для беседы’. Лексическое значение производных слов в этих примерах шире семантики производящих. При этой мотивации значение производящего входит не в ядро лексического значения производного, а располагается на периферии его семантики. Семантическая выводимость производного из производящего ослабевает, но не исчезает вовсе, она поддерживается прозрачностью формы производного.

Полная основная мотивация в зависимости от того, с каким значением производящего – прямым или переносным – соотносится значение производного, в свою очередь, подразделяется на прямую мотивацию и переносную.

Прямая мотивация – это мотивация прямым значением мотивирующего слова: *петух* – *петушок*, *сад* – *садик*. Прямая мотивация – основной тип словообразовательной мотивированности в русском языке. Для нее характерно полное вхождение прямого значения производя-

щего в значение производного, при этом формируется ядро лексического значения производного: *гора* – *горный* ('относящийся к горе'), *желтый* – *желтить* ('делать желтым, окрашивать в желтый цвет').

Переносная мотивация – это мотивация переносным значением мотивирующего слова. Так, например, слово *петух* имеет основное, прямое значение 'самец курицы' и переносное – 'задиристый, запальчивый человек, забияка'. Переносное значение производящего слова *петух* полностью вошло в значение производного *петушиться* ('вести себя задиристо, запальчиво, как петух'). Ср.: *зверь* – переносное значение 'жестокий, свирепый человек' и *звереть* – 'становиться жестоким, свирепым человеком, вести себя, как зверь'.

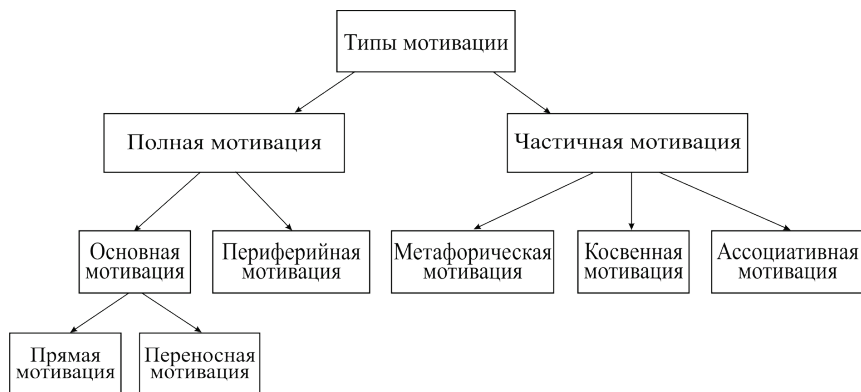
Полной мотивации противопоставляется неполная, частичная мотивация, «когда в значение производного лексическое значение производящего входит с семантическим усечением» [5, с. 159]. Частичная мотивация распадается на три типа: метафорическую, косвенную и ассоциативную.

Метафорическая мотивация впервые была выделена В. В. Лопатыным в середине 70-х годов. В статье «Метафорическая мотивация в русском словообразовании» он писал: «Специфика метафорической мотивации состоит в том, что переносный смысл возникает у определенных основ только на уровне мотивированного слова, только в его словообразовательной структуре» [6, с. 55]. Так, в производном слове *небоскреб* наряду с его номинативным значением 'очень высокий многоэтажный дом' есть еще его образное значение 'скребущий небо'. В толкование производного слова при метафорической мотивации включаются слова – показатели сравнения *как*, *как бы*, *подобно*, *похожий*, *напоминающий* и др., которые показывают, какой семантический компонент производящего лег в основу нового значения, например: *каменеть* ('становиться твердым, *как* камень'), *змеиться* ('извиваться, *подобно* змее'). Метафорическая мотивация отличается от переносной тем, что в последней перенос происходит в мотивирующем слове, а не в мотивированном.

При частичной косвенной мотивации «прямая отсылка к значению мотивирующего, т. е. его включение в толкование, невозможна, но словообразовательная структура слова и семантические связи мотивированного и мотивирующего свидетельствует о наличии между ними мотивационных отношений» [7, с. 67]. Например: *мертвичина* (собр. 'трупы животных, падаль') и *мертвец* ('мертвый человек, покойник'). Толкование значения производного через значение производящего

невозможно. Как отмечает И. А. Ширшов, семантические отношения в словообразовательной паре «вуалируются, затушевываются», но словообразовательная структура производного в достаточной степени прозрачна.

При ассоциативной мотивации значение производного базируется не на значении производящего, а на тех или иных ассоциациях, связанных с ним в языковом коллективе. Выделяется какой-либо один семантический признак, который, как правило, не фиксируется толковыми словарями у мотивирующего слова, а «как бы только потенциально сопутствует» ему [8, с. 227]. Этот признак обычно связывается с образными характеристиками и является основой уподобления, например: *гусь* – ‘дикая и домашняя водоплавающая птица с длинной шеей’ (ассоциативный признак – ‘способ передвижения’) – *гуськом* – ‘один за другим, как гуси’; *сова* – ‘хищная ночная птица с большими глазами и крючковатым клювом’ (ассоциативный признак – ‘способ поведения днем’) – *советь* – ‘пребывать в дремотном состоянии, как сова днем’; *цыгане* – ‘народность, живущая преимущественно кочевыми и полукочевыми группами’ (ассоциативный признак – ‘способ поведения’) – *цыганить* – ‘попрошайничать, просить, как обычно просят цыгане’. Значение слов с ассоциативной мотивированностью устанавливается через контекст или ситуацию. Ассоциативная мотивация характерна прежде всего для разговорной речи и жаргонов.

Перечисленные типы мотиваций производных слов основываются на семантике одного производящего слова и противопоставляются мотивациям, базирующимся не на слове, а на словосочетании. Моти-

вирующая единица может быть нерасчлененной (слово) и расчлененной (словосочетание). Расчлененные единицы по степени семантической слитности делятся на свободные, когда производное слово создается способом универбации на базе словосочетаний прилагательного и существительного, и несвободные, если новое слово появляется на базе фразеологического оборота [9, с. 202–208].

1. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М., 2008.
2. Козинец, С. Б. О деривационной активности глагольных словообразовательных метафор / С. Б. Козинец // Активные процессы в современной грамматике. – М., 2008.
3. Улуханов, И. С. О степенях словообразовательной мотивированности слов / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5.
4. Земская, Е. А. Словообразование / Е. А. Земская // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – М., 1981.
5. Шишов, И. А. Теоретические проблемы гнездования / И. А. Шишов. – М.: Прометей, 1999.
6. Лопатин, В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании / В. В. Лопатин // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – Вып. 1. – С. 53–57.
7. Шишов, И. А. Теоретические проблемы гнездования / И. А. Шишов // Принципы составления гнездового Толково-словообразовательного словаря современного русского языка. – Грозный, 1991.
8. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык: Лексика / Д. Н. Шмелев. – М., 1977.
9. Шишов, И. А. Фразеологическая мотивация в русском словообразовании / И. А. Шишов // Лингвистическая герменевтика. – М., 2005. – Вып. 1.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О. В. Зуева (Минск)

ВАРИАТИВНОСТЬ НОМИНАЦИЙ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ В СТАРОРУССКИХ ДОКУМЕНТАХ XVI–XVII В.

Ценными источниками по истории белорусских топонимов и оттопонимных номинаций являются памятники деловых отношений Московского царства и Речи Посполитой XVI–XVII вв. В 1960–70-х гг. коллективом ученых из Белорусского государственного университета были подготовлены и опубликованы два сборника: «Русско-белорусские связи. Сборник документов» (1963) и «Русско-белорусские связи во второй половине XVII века» (1972). В сборниках представлены разные жанры документов: расспросные речи, отписки, записи из таможенных книг, челобитные, поручные записи и другие. Хронологический охват – 1570–1680-е гг. Тексты являют собой образцы старорусской деловой речи; в публикациях представлены также примеры записей на «простой мове».

Данные документы позволяют исследовать в историко-лингвистическом аспекте белорусские катойконимы. Указание на то, выходцем из каких местностей является участник деловой ситуации, является в документе обязательным. Однако не всегда в таких формулах употребляются катойконимы. Вместо них нередко вводятся относительные прилагательные, образованные от названий городов, и конструкции с родительным падежом: *из Литовские земли из города ис Кричева торговые люди Сенька Иванов да Гаврилка Федаров* (1580, отписка почепского воеводы) [4, с. 11]; *а на Москве в роспросе Микитка сказался: родом литвин-белорусец ис Копыси, мещанской сын* (1629, расспросная речь) [4, с. 103]; *иноземец королевского величества быховской житель Июдка Исаев* (1678, челобитная, формула самопрезентации) [5, с. 252]; *купец места его королевской милости могилевского едет царского величества в землю город Бранск* (1647, лист рославльского подстаросты) [4, с. 207]. В последнем примере отражен принцип обозначения города через словосочетание с относительным прилага-

тельным, образованным от названия города, см. ту же модель: *будучи в городе Виленском* (1646, челобитная торопецкого купца) [4, с. 203]; *иноземец Витепского города Софонко Яковлев* (1672, расспросная речь, Смоленск) [5, с. 98]. В таких конструкциях традиционно употребляются слова *житель, уроженец, выходец, иноземец*, а также *породою, родом*.

Состав представленных в документах катойконимов достаточно ограничен; употребление их обусловлено деловыми отношениями и торговыми связями, осуществлявшимися в тех регионах, где документы составлялись (например, Вязьма, Калуга, Москва). Это номинации *вильневец, витеблянин, дубровленин, лукомлянин, оршанин, полочанин, могилевец, шкловец* и некоторые другие. При небольшом количестве производящих основ мы выявили достаточно широкое варьирование производных. Среди вариантов можно выделить явно преобладающие номинации и редкие, даже единичные.

Так, катойконим *могилевец* был основным и использовался в том числе для самоназвания. Ср. рукоприкладства в челобитной: *Mohilowiec mieszanin Zacharka Autuchiewicz ruku przyłożył. Mohilowiec mieszczanin Malachey Andreiew syn ruku przyłożył* (1677, коллективная челобитная [5, с. 228]. В таможенных книгах г. Вязьмы представлена номинация *мигилевец*: *явил иноземец мигилевец Осип Литманов 100 кос* (1673) [5, с. 113]; *явил иноземец торговой человек мигилевец Филимон Семенов 2 пуду анису* (1679) [5, с. 270]. Ср.: *а сказался города Мыгилева* (1649, отписка трубчевского воеводы) [4, с. 218–219]; *Скозался города Мигилева мещанин Иван Герасимов сын Курбицкий* (1668, расспросные речи, Москва) [5, с. 16] – данный вариант графически отражает произношение с межслоговым уподоблением гласных, которое было свойственно речи самих могилевцев, живших в XVII в. Форма *Мигилевъ* встречается в изданиях вплоть до начала XX в.

Другой фонетический вариант, отраженный на письме, – *могылевцы*; здесь, очевидно, передано произношение с неполной мягкостью заднеязычного согласного: *белороссийских городов могылевцы и случане* (1677, коллективная челобитная, формула самопрезентации [5, с. 228].

Номинация *могилевитин* отмечена только в таможенных книгах Дорогобужа на Смоленщине, в записях разных лет, но только в этом регионе. Может быть, она возникла под влиянием слова *москвитин*.

Жители Копыси – *копошане*, а также р. п. мн. ч. *копышан*, ед. ч. *копышенин*; в листе невелицкого воеводы 1636 г. представлена форма без чередования [с'] // [ш] *копысяне* [4, с. 143].

Варианты написаний названия жителей Слуцка: *случанин, слудчанин, слутчанин, слудченин*. Варианты написаний отражают ассимиляцию, в том числе полную.

Название жителей Полоцка: *полочанин, полоченин*. Форма *полченин*, отмеченная в таможенных книгах Вязьмы разных лет (1649, 1651), образуется от варианта топонима *Полтеск*.

Крайне редки номинации с формантом *-ин-*: *дубровнин* (житель Дубровно) и *на друине* (житель Друи). Это единичные номинации, ср. не единичные: *дубровленин, дубровлянин*; и. п. мн. ч. *дубровляня; друинин, у друенина, на друинене, на друянинне*; и. п. мн. ч. *друяне*. Возможно, *дубровнин* и *на друине* – это описки, однако можно предположить и другое: в результате гаплоглозии два акустически подобных слога объединились писцами в один.

Больше всего вариантов отмечено у названий жителей Витебска: *вытепченин, витеблянин, витяпленин, вятиблянин, видблянин; у видбленина; витяблянину, вятиблянину; на витбленине, на витебленине*; и. п. мн. ч. *витепленья, видбляне, видбляня; на витеблянех*. Формы образуются от основ *Витеб-* и *Витьб-*. Написание *витеблянин* встречается реже, чем написание *витебленин*. Отмечена также номинация *вытепченин*: ...*вышел из Вытепска на Белую на твое государево ... имя вытепченин белорусец посацкой человек Артюшка Тиханов* (1633, отписка бельского воеводы) [4, с. 118].

Необходимо обратить внимание на варианты написания *анин/янин/енин/инин* в целом ряде катойконимов (названия жителей Слуцка, Друи, Дубровны, Полоцка, Витебска). Мы полагаем, что такие фонетические написания отражают безударный характер суффикса или хотя бы наверняка безударный характер первого слога суффикса. Следовательно, ударение в древнем слове отличалось от ударения в современном катойкониме.

Вопросы древне- и старорусской акцентуации сложны; известно, что на протяжении столетий у множества слов происходила смена акцентных парадигм. В истории ряда катойконимов отражено перемещение ударения с корня на суффикс. Так, в книге А. А. Зализняка «Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь» (2014) приведены многие восточнославянские катойконимы с указанием ударения, явно отличающегося от современного. Например: *во́логжанин, калу́жанин, ла́дожане, москвѣ́чи, псковѣ́чи, рже́витин, тверѣ́чи* и другие. Из катойконимов, связанных с историческими белорусскими землями, в словаре представлены *витьбля́не* [3, с. 614]; *полоча́нин*, но но-

вое *поло́чанин*, при этом мн. ч. *полоча́не* [3, с. 650]. Как видим, формы единственного и множественного числа различались ударением.

Исходя из этих данных, полагаем, что есть все основания считать, что слова *слутчанин*, *витеблянин*, *дубровлянин*, *дружанин*, *оршанин* имели фиксированное ударение на корне в форме единственного числа, отсюда варианты написаний типа *друенина*, но *на друинене*. В формах множественного числа в наших источниках встречаются только написания на *-ane* – это может указывать на то, что суффикс всегда был ударным: *дубровляня*, *оршаном*, *полочане*, *шкловяна* и другие примеры.

Отметим яркий пример описанного соотношения форм в челобитной 1677 г.: номинация *слутчанин* в записи рукоприкладства имеет следующий вид: *Sluczinin mieszczenin slucki Siemien ruki pryložyl* [4, с. 228]. При этом в формуле самопрезентации, записанной кириллицей, форма приведена так: ...и белорусийских городов *могилевцы* и *случане* [там же]. То есть, полагаем, перед нами передача «икающего» произношения безударного суффикса в форме единственного числа и передача четкого произношения ударного суффикса в форме множественного числа – в данном случае посредством разных графических систем.

На каком слоге корня стояло ударение в слове *витеблянин*, если оно не падало на суффикс? В словаре А. А. Зализняка о названии города Витебска в акцентированных памятниках указано следующее: «*Витьбѣск* (Р. п. *Вите́бска*); новая акцентная парадигма *a*: чередование ударного *te//vi*: *Вите́бскъ*, *Вите́нскъ*» [3, с. 614]. Ср. известную белорусскую поговорку: *Кепска ў Віцебску*. Значит, можно предполагать, что и в катойкониме в зависимости от территории составления документа произносилось либо ударное *-те-*, либо ударное *-ви-*.

Среди всех формальных средств образования катойконимов самый частотный и активный – суффикс *-анин*, *-янин* (исторически – контаминация суффиксов *-ан-* / *-ян-* со значением лица и суффикса *-ин-* со значением единичности; это древний этнонимический суффикс). Катойконимы с суффиксом *-ец-* в изученных текстах представлены образованиями от основ на *-ов*, *-ев*, *-ав*, *-но/-на*: *быховец*, *могилевец*, *мстиславец*, *дубровенец* (но также *дубровлянин*), *вильневец* (но также Р. п. мн. ч. *вильнян*).

Что произошло в истории русского языка с данными суффиксами и производными при их помощи номинациями? В словаре «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариан-

тов» (2001) указано: «Взаимодействие суффиксов *-ец* и *-анин* началось еще в древнерусском языке и шло под знаком вытеснения суффикса *-анин (-ане)* <...> Суффикс *-анин* удерживал свои позиции только в книжной исторической лексике, но и здесь в конце XVIII – начале XIX в. появляются дублетные образования» [2, с. 389]. На описываемом нами хронологическом промежутке о вытеснении суффикса *-анин* речи не идет. Например, сегодня нормативной считается только номинация *шкловец* – в проанализированных текстах XVI–XVII вв. представлены катойконимы и *шкловец*, и *шклов(л)янин*; сегодня сосуществуют варианты *оршанец* и *оршанин* – в изученных текстах только *оршанин*; сегодня *дубровенец*, *дубровенцы* – в документах *дубровленин*, *дубровлянин*, *дубровнин* (современные нормативные формы см: [1]). Примеры можно продолжать. Вариант *витебцы*, фиксируемый в современной справочной литературе, изученным нами источникам вообще не известен. Немногочисленные новые номинации с суффиксом *-анин* (*могилевчанин*, *быховчанин*), очевидно, результат аналогии. Аналогическим оказалось и обобщение ударения на суффиксе *-анин* в формах как единственного, так и множественного числа.

1. Городецкая, И. Л. Русские названия жителей: Словарь-справочник / И. Л. Городецкая, Е. А. Левашов. – М.: Астрель, 2003.

2. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М.: Наука, 2001.

3. Зализняк А. А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2014.

4. Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667 гг.). – Минск: Высшая школа, 1963.

5. Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667–1686 гг.). Сборник документов. – Минск: Издательство БГУ, 1972.

А. А. Матюнова (Минск)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА ДЕЕПРИЧАСТИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Говоря об основных направлениях исследования в области исторической морфологии русского языка, В. В. Виноградов отмечал, что «история деепричастий, способов их образования и синтаксического

употребления... нам вовсе не известны» [2, с. 171]. Л. Р. Абдулхакова приводит различные точки зрения на время оформления деепричастия как части речи, пишет о приметах, свидетельствующих об изменениях в кругу причастных форм. Важными факторами, по мнению исследователя, становятся 1) утрата согласования с именем существительным в именительном падеже, «хотя на более раннем этапе развития языка даже наличие согласования могло быть «кажущимся», поскольку в качестве субъекта действия почти всегда выступали имена существительные м. р. ед. ч.» [1, с. 7]; 2) изменение синтаксических функций именного действия причастий. Относительно последнего тезиса возникает вопрос: какую роль в становлении деепричастия сыграли предикативная функция и собственно обстоятельственные значения? А. А. Шахматов считал, что переход причастия в деепричастие «возник на почве усиления предикативности причастия насчет его атрибутивности, он и повел за собой переход деепричастия во второстепенное сказуемое» [6, с. 45]. Б. В. Кунавин оспаривает эту точку зрения: «краткие действительные причастия ... на пути своего перехода в деепричастия ослабляли свои предикативные свойства» [3, с. 24]. На наш взгляд, разрешение этой проблемы находится в плоскости определения статуса предикативности. Одни ученые рассматривают предикативность как содержательную характеристику, как семантику, другие – как функцию глагольной лексемы. На наш взгляд, предикативность есть функциональный признак, существующий на уровне текста.

По мнению А. Г. Руднева, нельзя утверждать, что одна и та же форма всегда включает в себе одно и то же содержание [5, с. 107]. Он считает, что для древнерусского периода представляется возможным говорить о разграничении двух разных грамматических категорий – причастия и деепричастия, иногда представленных омонимичными формами. В этом случае речь идет, прежде всего, об именных (кратких, нечленных) формах древнего причастия. Одинаковые по оформлению образования в зависимости от контекстуальных условий и синтаксических особенностей употребления могут быть либо причастием, либо деепричастием.

В данной статье нас будут интересовать функционально-семантические изменения в кругу действительных причастий древнерусского литературного языка, обусловившие оформление причастий в лексико-грамматический класс слов и, как следствие, выделение деепричастий как отдельного класса лексем, появившегося на основе форм именительного падежа единственного числа мужского и среднего ро-

дов действительных причастий настоящего времени. На то, что именно функция является катализатором семантических преобразований в кругу причастий, указывал А. А. Потебня. Нами проанализированы действительные причастия в Повести временных лет и проповедях К. Туровского. Чтобы выявить закономерности семантических и функциональных изменений в кругу действительных причастий настоящего времени, приведших к становлению современной системы причастий и деепричастий, мы проанализировали: 1) способы образования кратких и полных форм действительных причастий настоящего времени; 2) случаи несогласованного употребления действительных причастий настоящего времени (если такие имелись); 3) семантические особенности действительных причастий настоящего времени, обусловившие их лексико-грамматические изменения.

Действительные причастия настоящего времени образовывались от основы глаголов настоящего времени при помощи старославянских суффиксов *-ущ/-ющ-*, *-ащ/-ящ-* или древнерусских суффиксов *-уч/-юч-*, *-ач/-яч-*. Непосредственно к глагольной основе окончание добавлялось только в кратких формах им. пад. ед. ч. мужского и среднего родов, а также в им. пад. ед. ч. полных форм причастий мужского рода. В тексте ПВЛ нами отмечены причастия как со старославянскими, так и с древнерусскими суффиксами, что подтверждает гибридный характер произведения. В проповедях К. Туровского действительные причастия настоящего времени с древнерусскими суффиксами не встречаются: в структуре всех анализируемых лексем присутствуют только старославянские суффиксы, что обусловлено церковно-книжной стилистикой данных текстов. Авторы всех анализируемых произведений используют как краткие, так и полные формы действительных причастий настоящего времени, которые регулярно образовывались от основы настоящего времени глаголов несовершенного вида. Мы обнаружили только одно полное действительное причастие настоящего времени, образованное от основы глагола совершенного вида: *презряи* от *презрети*.

В произведениях К. Туровского не отмечены случаи несогласованного употребления причастий. Однако двойственная интерпретация некоторых контекстов возможна. Например, в контексте *«К вам яко заступникомъ и хранителемъ живота нашего, аз окаянный и многогрешный припадаяй молюся, просяй вашея милости ...»* [4, с. 259] четко прослеживается одновременность действий, названных причастиями *припадаяй* и *просяй*, с главным действием, названным глаго-

лом *молюся*. В то время как в контексте «*И того ради стену из глубины сердечныя и слезю болезнью душевною; судный час помышляя, весь изнемогаю*» [4, с. 255] причастие *помышляя* может называть действие, свершившееся ранее главного, и действие, совершаемое одновременно с главным. На современный русский язык это может быть передано как ... *о судном дне подумав, весь изнемогаю*... или как: ... *о судном дне подумывая, весь изнемогаю*. Объяснить это можно тем, что к XII в. понятие о перфектности глагола, то есть о его видовой принадлежности, в древнерусском литературном языке окончательно не оформилась, а вот утрата семантической связи между акциональным адъективным временным признаком предмета, который выражался причастием, и непосредственно этим предметом произошла. С точки зрения семантики признак переставал быть адъективным и временным, сохраняя лишь свою акциональную характеристику, одновременно приобретая в процессе функционирования новый предикативный признак, в который и трансформировалась функция аппозиции. Этот новый предикативный признак сущностно изменял характеристики кратких и полных действительных причастий настоящего времени: активизация семантических свойств предикативности и акциональности привела к формированию в предложении дополнительного предикативного центра, при помощи которого выражалось значение второстепенного, дополнительного действия, осложненного адвербиальным признаком. Впоследствии эти слова выделились в отдельный функционально-семантический класс деепричастий. При помощи деепричастия могло называться дополнительное действие, предшествовавшее главному, и дополнительное действие, следующее за главным. Временная последовательность действий, названных глаголами и причастиями, зависела от семантических особенностей глагольных основ, от которых образовывались причастия мужского и среднего родов им. пад. ед. ч. Если это был приставочный глагол с семантическим оттенком перфектности, то речь шла о законченном в прошлом действии, т. е. о действии, предшествующем главному. Если это был бесприставочный глагол со значением действия постоянного, повторяющегося, то речь шла о действии, происходящим одновременно с главным. Однако, как показывает приведенный выше пример, разночтения сохранялись.

В семантическом отношении образование действительных причастий от глаголов несовершенного вида указывает на то, что действительные причастия настоящего времени называют временный признак

по действию, актуальному в момент речи. Это был временный адъективный акциональный признак с неярко выраженной предикативностью и процессуальностью. Специфичность видо-временной системы древнерусского глагола, развитие на фоне этого у некоторых причастных форм адвербиального признака и усиление предикативного признака наряду с ослабеванием адъективности способствовало акцентуации внимания не на характере самого признака, выражаемого причастием, а на специфике действия (процессуально-акционально-адвербиального), называемого действительным причастием. Катализатором всех этих глубинных семантических процессов выступал авторский текст, в котором нужно было расположить все эти акционально-процессуальные признаки в правильной временной последовательности. Развитие значения второстепенного действия способствовало появлению у форм мужского и среднего родов им. пад. ед. ч. действительных причастий настоящего времени дополнительного адвербиального признака, утрате адъективного признака и, как следствие, – усилении его аппозитивной функции, что привело в итоге к доминированию вторичной акционально-адвербиальной и предикативной функций у кратких форм действительных причастий настоящего времени и появлению деепричастий. Такие семантические изменения становятся возможными в кругу причастий мужского и среднего родов им. пад. ед. ч. в силу особенностей их формообразования.

Анализ глубинных семантических отношений, существовавших в семантике древнерусских действительных причастий настоящего времени, позволил выявить следующий состав их функционально-семантических признаков: временность, адъективность, процессуальность, акциональность, адвербиальность, вторичная предикативность. В зависимости от условий функционирования у каждого конкретного слова формировался свой набор функционально-семантических признаков, который обусловил изменения в кругу древнерусских причастных форм и формирование лексико-грамматических групп причастий и деепричастий в современном русском языке. У собственно причастных форм набор функционально-семантических признаков состоял из временности, адъективности, процессуальности, акциональности. Признак временности реализовывался на уровне текста, остальные признаки существовали на уровне глубинной семантической системы. У новых неизменяемых форм были следующие функционально-семантические признаки: адвербиальность, акциональ-

ность, процессуальность, вторичная предикативность, временной порядок. Адвербиальность, акциональность, процессуальность проявлялись на уровне глубинной семантической системы, вторичная предикативность и временной порядок – на уровне текста.

1. Абдулхакова, Л. Р. Из истории русского деепричастия: учеб. пособ. для студ. филол. фак. / Л. Р. Абдулхакова. – Казань, 2007.

2. Виноградов, В. В. О задачах истории русского литературного языка // История русского литературного языка: избр. тр. / В. В. Виноградов. – М., 1978. – С. 152–177.

3. Кунавин, Б. В. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке: дис. ... докт. филол. н. / Б. В. Кунавин. – СПб., 1993.

4. Мельнікаў, А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі. Жыцце, спадчына, светапогляд / А. А. Мельнікаў. – Мінск, 1997.

5. Руднев, А. Г. О происхождении деепричастия (по памятникам старославянского и древнерусского языков) / А. Г. Руднев // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. – Л., 1955. – Т. III. – С. 107–109.

6. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – 4 изд.-е. – М., 1941.

А. Г. Минко (Минск)

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI–XVII ВВ.

Медицинская лексика применительно к древнерусскому и старорусскому языкам включает в себя понятия, относящиеся к области медицинских знаний носителей языка донационального периода. Мы не можем назвать настоящие лексемы собственно медицинскими. Они скорее служат репрезентантом наивных представлений средневекового русича. В данном случае можно говорить о наивной картине мира, которая является интегральным образом реальности в обыденном сознании человека и «включает повторяющиеся представления как повседневной эмпирической практики, так и символической вселенной» [2, с. 71]. Другими словами, в каждом естественном языке существует определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка.

Являясь неотъемлемой частью языковой картины мира, медицинская лексика XI–XVII вв. хранит в себе наивные представления людей древней Руси о мироздании.

Цель нашей статьи – выявить роль наивных представлений в формировании внутренней формы слов и описать способы формирования значения медицинской лексики (44 лексемы), извлеченной более чем из 10 источников (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского – 23 лексические единицы, лечебники XVI в. – 9 лексических единиц, «Прохладный вертоград» XVII в. – 5 лексических единиц, азбуковники XVI–XVII вв. – 4 лексические единицы, апокрифы по спискам XVII в. – 4 лексические единицы, новгородские летописи самых ранних изводов – 2 лексические единицы, «Шестоднев» Г. Писиды XVI в. – 2 лексические единицы).

Одним из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира является метафора [3, с. 58]. Именно метафоричность положена в основу наивных представлений, преобразованных во внутреннюю форму большинства наименований медицинского характера. Данное наблюдение позволяет нам выделить следующие способы формирования значения лексем в области медицинских знаний средневекового русича.

Зрительная метафора. Внешней визуализации в первую очередь подвергались патологические процессы, происходившие на коже. Так, в «Прохладном вертограде» (XVII в.) можно встретить следующие названия сыпи: *сыпня*, *лопуха* (по визуальному сходству сыпи с формой листьев растения лопуха), *гвоздуха* (по визуальному сходству сыпи с формой распустившегося бутона цветка гвоздики), *краснуха* (сыпь имеет яркий красный цвет), *корюха*, *корь* (зрительно сыпь напоминает кору дерева), *черемнуха* (зрительное сходство с цветущей черемухой), *цвет* (ассоциация с цветущими растениями). Некоторые из синонимов сыпи в современной классификации болезней приобрели официальный статус.

Разного вида опухоли также имели названия, возникшие на основе зрительной метафоризации. Так, у Н. А. Богоявленского *болоно* (*блона* – пузырь), *гвиль* (*гвыл* – неровность, ком, бугор), *желвак* (*желвак* – порода камня неправильной формы), *скула* (*скула* – выпуклая часть черепа).

Зрительная метафора была положена в основу номинации анатомо-физиологической лексики. *Блонка самоцветная* – радужная оболочка глаза (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского), *луна* – белковая оболочка глаза (новгородские летописи самых ранних изводов), *оконце очное* – зрачок («Шестоднев» Г. Писиды XVI в.), *гусак* – печень по сходству с летящим гусем (анатомо-физиологический

словарь Н. А. Богоявленского), *колбас* – толстая кишка («Шестоднев» Г. Писиды XVI в.), *крыльце* – лопатка (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского), *открылок* – крыло ноздри (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского), *чашка головная* – череп (азбуковник, XVII в.), *дерево жизни* – белая мозговая мякоть мозжечка похожего на разветвленное дерево (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского).

Весьма характерным при образовании медицинских слов являлось использование сравнительных метафор зоологического происхождения. Некоторые из представленных ниже лексем используются и в настоящее время: *грудная жаба* – стенокардия («Прохладный вертоград»), *брюшная жаба* – ишемическая болезнь, *волчанка* – туберкулез кожи (азбуковники, XVI в.), *свинка* – эпидемический паротит, *собачья старость* – туберкулез (азбуковники, XVI в.), *волчья пасть* – расщепление неба, *сучье вымя* – подмышечный гидраденит, *воронья лапа* – кожный лишай, *заячья губа* – трегубие, незаращение верхней губы (апокрифы по спискам XVI в.).

Метафоризация по свойству и функции легла в основу образования многих медицинских лексем. В связи с данной особенностью интересна лексема *насоколок*, которая имеет значение ‘углубления у основания большого пальца руки, где под сухожилиями трех длинных мускулов большого пальца проходит лучевая артерия’ [1, с. 145]. Известно, что охотники того времени сажали соколов именно на это место. Сходство по свойству и функции можно встретить и в названиях следующих медицинских лексем: *ветрость* – метеоризм, *вода* – моча, *глядельце* – зрачок, *поводок* – пупочный канатик, *отворожение* – применительно к крови, образование ее сгустка (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского).

Способность **эвфемизмов** вуалировать значение предметов и явлений с негативной коннотацией позволила им выступать в качестве одного из способов репрезентации языковой картины мира древней Руси.

Применение эвфемизмов и табуистических названий наиболее часто наблюдается по отношению к лексике, связанной с понятием смерти: *Божья нивка* – древнерусский морг, *дом убогий* – древнерусский морг для хранения трупов людей безродных и самоубийц (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского), *кончина* – смерть, *кон* его пришел – гибель или смерть (по Далю, *кон* – предел, конец, очередь), *отдать душу Господу* – умереть (апокрифы XVI в.).

Анатомо-физиологическая лексика, имеющая отношение к мочеполовой системе либо к отличительным признакам гендерной принадлежности, также подверглась процессу эвфемизации: *вода* – моча (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского), *врата* – вход в таз человеческий (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского), *низ* – анус (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского), *детино место* – матка (анатомо-физиологический словарь Н. А. Богоявленского), *женьское, очищение* – мензис (лечебники XIV в.).

Эвфемизмы также использовались по отношению к смертельным болезням, способным вызвать эпидемии. Так чума носила название *царевница*. Оспу (*оспицу, воспицу*) называли *Гостыица Ивановна, Бабушка* и *Матушка Оспа* («Прохладный вертоград»).

Наблюдается и частое использование приема **персонификации**. Так, например, лихорадку было принято называть *тёткой* («Прохладный вертоград»). Страшные болезни и эпидемии воплощались преимущественно в женские образы. Чума и в настоящее время часто изображается на картинах и в кинематографе в виде коварной, уродливой женщины. Есть случаи и мужской персонификации. Например, *кондрашка* – нервный удар, паралич (*его кондрашка хватил*; шут. *Кондратий Иванович*).

Таким образом, в ходе работы было выявлено существенное значение наивных представлений в процессе формирования внутренней формы слов, относящихся к медицинской лексике. Метафорический способ осмысления действительности можно считать доминирующим при формировании системы номинаций медицинского характера в русском языке донационального периода. При этом нами выделено несколько способов метафоризации. Так, на основе зрительного переноса сформировано значение 20 лексем медицинского характера, с помощью переноса по свойству и функции – 5. Использование сравнительных метафор зоологического происхождения формирует значение 10 единиц медицинской лексики. С помощью приемов персонификации и эвфемизации сформированы значения 17 единиц фактического материала.

1. Богоявленский, Н. А. Отечественная анатомия и физиология в далеком прошлом / Н. А. Богоявленский. – Л.: Медицина, 1970.

2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001.

3. Телия, В. Н. Метафора в языке и тексте / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988.

А. С. Улитова (Москва)

О ДИСТАНТНОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЯЕМОГО В ДЕЛОВЫХ И КНИЖНЫХ ТЕКСТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Дистантное расположение определения и определяемого в древнерусском языке использовалось активнее, чем в современном литературном языке, при этом дистантная постпозиция встречалась чаще, чем дистантная препозиция [1, с. 107–108]. Некоторые исследователи полагают, что разрыв именной группы в древнерусском языке являлся стилистическим приемом [2, с. 412]. Другие ученые считают, что дистантное расположение определения и определяемого не выполняло стилистической функции [3, с. 77–79]. До сих пор неизвестно, был ли прерывистый словопорядок более или менее частотным в тех или иных регионах. Также мало известно о том, являлось ли дистантное расположение членов атрибутивного словосочетания стилистическим приемом в позднейшую эпоху развития языка [4, с. 192], [5, с. 87–88], [6, с. 33–34]. Данным проблемам и посвящено исследование.

Для анализа были взяты русские тексты первой половины XVII в. южнорусского и северо-западнорусского происхождения. Южнорусские документы исследованы по изданиям [7] и [8]. Псковские тексты исследованы по рукописям РГАДА, фонд 1209, опись № 1253, ст. № 23349 1626 г., № 23350 1627 г., № 23351 1628 г., 23351а 1632 г., № 23352 1636 г. Так как в древнерусском языке дистантное словорасположение определения и определяемого, возможно, являлось стилистическим средством (признаком книжности), интересно, было ли так и в XVII в. Для исследования данного вопроса с деловыми документами сопоставлены книжные тексты XVII в.: ранние части так называемого «Иного сказания», автор которого неизвестен, и «Сказание» Авраамия Палицына (примеры приводятся по изданию [9]).

Деловые документы.

В южнорусских текстах первой половины XVII в. атрибуты отделены от главного члена словосочетания другими словами в 7 % случаев. Наиболее распространенными являются словосочетания, в которых определение и определяемое разделены частицей *же* в отождествительной функции (напомним, что в этом случае предмет сообщения уже упоминался ранее; при этом энклитика тесно связана с атрибутом семантически), частицей *де* и обращением *государь*. Однако встретилось 10 примеров, не входящих в данные разделы.

Рассмотрим отдельно дистантную препозицию и дистантную постпозицию атрибута.

48 примеров с дистантным словорасположением главного и зависимого членов содержат *препозитивные* определения (5,5 % случаев от общего числа атрибутов, стоящих перед определяемым); следует учесть, что препозиция в целом была более распространенным вариантом словорасположения:

Же: *въ еле^нко^н же уг³де* № 12, 39.

Государь: *то^рговьи гсд^р члвкъ* № 78; *то^м гд^рь Бо^сда^н* № 10.

Де: *инья де денги* № 78.

Другие примеры: *запоро³ские гсд^р ныне че^ркасы* № 93; *то^м Ива^н взы^н Боло^тнико⁶* № 16.

Дистантная препозиция обычно встречается с относительным прилагательным (5 раз) и указательным местоимением (15 раз), так как это наиболее часто используемые виды определений в деловых текстах XVII в., при этом для них было характерно именно препозитивное расположение [3, с. 80].

Дистантная постпозиция встретила в 14 примерах. Если сравнивать количество примеров, то случаев с дистантной препозицией определения намного больше (как уже было упомянуто, 48 примеров). Но если учесть процентное соотношение примеров, то оказывается, что дистантная постпозиция встречается почти в 10 % от всех случаев постпозитивного словорасположения, что вдвое выше, чем процент дистантной препозиции, так что дистантное словорасположение все-таки было более характерным для атрибутивного словосочетания при постпозиции определения: *записи по ни^х пору^чныя* № 7; *хлѣба жа^м мнѣ своево* № 12. В случаях с дистантной постпозицией чаще всего встречаются притяжательные местоимения и приложения-имена собственные.

Тексты северо-западнорусского происхождения заметно отличаются от южнорусских документов меньшим количеством примеров с дистантным словорасположением определения и определяемого: 10 примеров из 777 2-компонентных словосочетаний, это 1,2 % от всех атрибутивных словосочетаний. Почти все дистантно расположенные определения препозитивны: *в поро³жи^х де земле^х* № 23351а, л. 12, *то о^мца мое² помѣстьецо* № 23350, л. 113 (4 раза).

Книжные тексты.

В книжных текстах, как и в деловых документах, большая часть примеров с дистантным расположением определения и определяемого

приходится на примеры с частицей *же* (однако, в отличие от деловых текстов, в книжных *же* выполняет противительную функцию), но все-таки имеется много случаев с иными вставками (в целом нужно отметить, что набор вставных слов и конструкций в книжных текстах больше, чем в деловых).

В «**Ином сказании**» дистантное словорасположение обнаружено в 52 из 765 атрибутивных словосочетаний, то есть в 7 % примеров, что не отличается от показателей южнорусских текстов. Дистантная *препозиция* атрибута встретила в 29 словосочетаниях из 433 (7 %), *постпозиция* – в 23 примерах из 332 (7 %), то есть дистантное словорасположение в данной исторической повести не связано с позицией определения относительно определяемого.

Препозиция: *Московской же силы с. 36, истинное всенародного множества радение* [9, с. 15].

Постпозиция: *жалованіе приемляху отъ него веліе с. 11, беда насъ постигла велика* [9, с. 35].

В «**Сказании**» **Авраамия Палицына** из 748 словосочетаний в 71 встречается дистантное словорасположение атрибута и определяемого (9 % случаев). Дистантная *препозиция* определения обнаружена в 37 примерах из 443 (8 %), а дистантная *постпозиция* – в 34 примерах из 305 (11 %).

Препозиция: *отъ злыхъ же враговъ* [9, с. 495], *нищѣтнѣйшими крашенинъ Російскихъ тканіи* [9, с. 488].

Постпозиция: *плѣнницъ же красныхъ* [9, с. 504].

Итак, при сопоставлении дистантного расположения определения и определяемого в текстах XVII в. различного территориального происхождения и жанровой принадлежности выяснилось, что первый фактор влияет на позицию атрибута сильнее второго.

В псковских челобитных XVII в. дистантная *препозиция* заметно преобладает над *постпозицией*, что, вероятно, связано с общим доминированием *препозитивных* определений над *постпозитивными*.

Вероятнее всего, картина иная в южнорусских текстах и исторических повестях.

Нужно отметить, что дистантное словорасположение – редкое явление во всех исследованных источниках, но особенно выделяются северо-западные тексты, в которых такой порядок слов встречается намного реже, чем в сказаниях и южнорусских делах, отписках челобитных.

Если судить по процентному соотношению сочетаний с дистантным определением относительно общего числа примеров в южнорусских документах и в исторических повестях, то можно сделать вывод о том, что дистантное словорасположение членов атрибутивного словосочетания не выполняло стилистической функции в XVII в. (и в деловых, и в книжных текстах данное соотношение почти одинаково). Но, как уже отмечалось выше, набор вставок в книжных произведениях больше, чем в челобитных, делах и отписках. Вероятно, в данный период у прерывистого порядка слов только начинает появляться стилистическая окраска. В XVIII в. подобное словорасположение станет особенностью поэтических произведений [5, с. 86–87] и сохранится в периферийных деловых текстах [6, с. 34].

1. Лаптева, О. А. Расположение древнерусского одиночного прилагательного / О. А. Лаптева // Славянское языкознание. – М.: Академия наук СССР, 1959. – С. 98–112.

2. Борковский, В. И., Кузнецов, П. С. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – 4-е изд., стереотипное. – М.: URSS, 2007.

3. Санников, В. З. Согласованное определение / В. З. Санников // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Члены предложения. – М., 1968. – С. 47–95.

4. Маруяма, Ю. К вопросу о порядке слов в атрибутивном словосочетании в русском языке конца XVII века (на основе редакции «Жития протопопа Аввакума») [Электронный ресурс] / Ю. Маруяма // Acta Slavica Iaponica. – v. 22. – 2005. – С. 188–214. Режим доступа: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39448/1/ASI22_010.pdf

5. Гаспаров, М. Л. Слово в стихе: об одном типе прилагательных / М. Л. Гаспаров // Вопросы языкознания, 2011. – № 4. – С. 84–89.

6. Выхрыстюк, М. С. К вопросу о порядке слов текстов деловой письменности кон. XVIII в. (по материалам госархива г. Тобольска) / М. С. Выхрыстюк // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2008. – № 3. – С. 31–37.

7. Памятники южновеликорусского наречия конца XVI – нач. XVII в. (Челобитья и расспросные речи) / под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1993.

8. Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII в. / под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1990.

9. Русская историческая библиотека. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Т. 13. – СПб., 1891.

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И НОМИНАЦИИ

И. С. Балабанович (Минск)

ИНТЕРТЕКСТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. БОРОДУЛИНА И А. КУШНЕРА: ОБРАЗОВАНИЕ ПАРАТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

А. Кушнер и Р. Бородулин – яркие представители русской и белорусской литературы второй половины XX – начала XXI в. Они оба ориентированы на интеграцию собственного творчества в контекст культуры предшествующего периода. Обоих можно отнести к «классическому» направлению в работе с претекстами [1], ориентированному на продуктивный диалог поэтического текста с предшествующими, не предполагающий тенденций к деконструкции претекста.

Обратимся к функционированию в стихотворениях этих авторов интертекстом [2, с. 11], участвующих в формировании паратекстуальных связей. Паратекстуальность будем понимать традиционно, как отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию [3].

Своеобразной «визитной карточкой» Р. Бородулина можно считать «обыгрывание» названий сборников и отдельных произведений предшественников и современников: *Рабочая / Крутая тэма / Сама ідзе на Мысліўца. / Браў нораў / Ад «Гарачай сталі», / Сталеў / з «Рабочымі людзьмі»* [4, с. 174] (здесь и далее выделено нами. – И. Б.); *Зноў уступыла Муза рана. / Ліст чысты ные, / Як «Мембрана»* (из стихотворения «Ну, землякі!», имеющего подзаголовок «Прызнанне **Казіміра Камейшы**») [4, с. 175]; *Захмарнай Музы кавалер, / Пясняр твой, / Авіяцыя, / Прабіў я / «Гукавы бар'ер»* (из стихотворения «Адданы кавалер» с подзаголовком «**Уладзімір Скарынін**») [4, с. 176]. Цитаты-заглавия при этом не предполагают знания читателем претекстов, они включены в синтаксическую структуру нового произведения органично, и, если бы не было кавычек и прописных букв, выделенные в примерах словосочетания могли бы быть истолкованы как просто реминисценции, отсылающие к биографиям писателей.

Такого рода отсылки могут быть и аллюзивны, не столь прозрачны, при этом не ставятся кавычки, не употребляются прописные

буквы: *Я пераводжу / З тома ў том / Усіх апосталаў з Хрыстом* [5, с. 94] – намек на роман В. Короткевича «Хрыстос прыямліўся ў Гародні»; *Даносіць ветру зморанага ўзвеў / Пустэльні жаль, / Заручанай з анчарам; Ці гэта зелянееца сасна, / Дачка гаванскіх сосен, і яна, / Як там, дзе сівярэе сінізна, / Нагадае дзівоснае імгненне* [5, с. 202] в триптихе «Пушкін» – отсылки к стихотворениям «Анчар», «На севере диком стоит одиноко...», «К***» («Я помню чудное мгновенье...»). Такие немаркированные цитаты-заглавия могут играть текстообразующую роль. Например, в одной из своих эпиграмм Р. Бородулин припоминает, как много у И. Науменко названий произведений, связанных с деревьями: *Не ўпершыню / ў саліднай прозе / Шумелі сосны пры дарозе, / Гулі дубы, / Цвілі таполі...* [6, с. 95–96] – обыгрываются названия романов «Сасна пры дарозе», «Вецер у соснах», «Тাপолі юнацтва».

Интертекстуальными могут быть и названия некоторых стихотворений Р. Бородулина. Например, название «Каложа» [5, с. 89–90] в совокупности с посвящением Д. Бичель-Загнетовой отсылает к одноименному стихотворению поэтессы. Название «Дзіўнае імгненне» [7, с. 90] отсылает, с одной стороны, к пушкинскому «Я помню чудное мгновенье...», с другой стороны – к «Фаусту» И. В. Гете (*Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!*). При этом оба варианта интерпретации имеют право на существование: стихотворение завершает цикл произведений о путешествии за границу, это путешествие характеризуется благодаря заглавию как «дзіўнае імгненне», и лирический герой может хотеть его остановить, равно как и обращаться к нему в воспоминаниях.

На игре созвучий, связанной с игрой смыслов, основывается название одного из разделов сборника Р. Бородулина «Прынамсі», которое явно восходит к роману Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», – «На літаратурным фронце без мельпамен». Здесь синтаксическая структура претекста-названия сохранена, заменены только два слова, но и они сохраняют исходные грамматические характеристики.

Эпиграфы Р. Бородулин использует несколько чаще, чем А. Кушнер. Иногда различные типы паратекстуальных связей актуализируются у него одновременно. Например, стихотворению Р. Бородулина «Спадчына» [8, с. 20–23] предшествует эпиграф из одноименного стихотворения Я. Купалы. Здесь видим, с одной стороны, интертекстуальность на уровне использования эпиграфа, с другой стороны, интертекстуально само название.

Если у А. Кушнера всегда понятно, из какого текста взят эпиграф, то у Р. Бородулина определить это бывает достаточно сложно. Например, стихотворению «Вогнепаклонніца» [8, с. 4–5] предписан эпиграф с подписью «З радкоў памяці». Что это за «строки памяти»? Это текст чьего-то авторства? Это фрагмент одного из ранее написанных бородулинских текстов? Возможно, это текст, который был написан одновременно с остальным стихотворением и лишь формально выполняет функции интертекстуальной отсылки? Еще сложнее определить источник эпиграфа, если он не называется вообще, как, например, в стихотворении «Пра бронзу» [5, с. 30–31].

Также бывает сложно определить источник эпиграфа, если он слишком краток. Так, в качестве эпиграфа к стихотворению «Яно ўсяго й было...» [8, с. 58] взято лишь одно нераспространенное простое предложение с указанием, что это из народной песни (*...крыніца стаяла*). Скорее всего, песня «Туман ярам» могла послужить источником эпиграфа (в ней есть слова *Пад тым дубам крыніца стаяла*). Однако утверждать этого мы не можем.

В большинстве случаев у Р. Бородулина смыслы, остающиеся «за» эпиграфом, не включенные в оригинальный новый текст, но имплицитно присутствующие в нем благодаря эпиграфу, все же открывают возможность для более полной интерпретации. Например, в стихотворении «Жыццялюбамі землякі былі...» [8, с. 116] в качестве эпиграфа взята строчка из стихотворения Б. Корнилова «Качка на Каспийском море», положенного на музыку: *...и качает меня работа...* У Б. Корнилова работа качает «лучше спирта и лучше войны». Образы войны и алкоголя, стоящие «за» эпиграфом, разворачиваются и у Р. Бородулина. При этом у Б. Корнилова комический эффект создается за счет того, что герой – моряк, работа его «качает» в прямом смысле слова. А вот лирического героя Р. Бородулина качает от утомления, уже без того легкого комизма, который наблюдается в претексте.

То же самое можно сказать и об А. Кушнере. В целом паратекстуальные связи в его лирике не так разнообразны, как у Р. Бородулина, удельный вес стихотворений с эпиграфами у последнего значительно выше. При этом все эпиграфы у А. Кушнера атрибутированы (атрибуция точная, в то время как Р. Бородулин иногда прибегает к расширенной атрибуции) и представляют собой фрагменты поэтических произведений. По функциям эпиграфы различаются, но чаще всего они вступают в тесное взаимодействие с образно-смысловой структурой последующего текста. Например, в качестве эпиграфа к стихотво-

рению «Да, надо бросить все, поехать в Нарву, что ли...» [9, с. 25] взята финальная строка оды «Бог» Г. Р. Державина. Само же стихотворение метатекстуально, оно представляет собой подробный пересказ державинского комментария к оде, описывающего историю ее создания. Лирический герой А. Кушнера – обычный городской житель, он не знает «роковых перерождений, переломов, катастроф» [9, с. 12], живет спокойной, размеренной жизнью. Однако, как признается автор в стихотворении «Кто ты? Что ты? Кто ты? Что ты?..» [9, с. 12–13], экзистенциальные вопросы поиска своей идентичности, своего места и предназначения в жизни его тревожат. О них напоминает тиканье часов. Эпиграфом к стихотворению послужили строки из стихотворения И. Анненского «Тоска маятника»: *И лежу я, околдован...* Лирические герои А. Кушнера и И. Анненского оказываются в схожей ситуации, оставшись наедине с часами (только для первого более важен звуковой образ, а для второго – визуальный, маятник на стене), на что они реагируют схоже (например, А. Кушнер пишет, используя синтаксическую структуру эпиграфа: *И сижу я, зачарован...*). Однако в то время как герой И. Анненского засыпает под тиканье часов, как бы пассивно уходя от гнетущих вопросов, кушнеровский лирический герой предпочитает активное осознанное действие, убирая часы в другую комнату: *от тоски себя спасу* (аллюзия на претекст И. Анненского).

Упомянутое выше стихотворение Р. Бородулина «Жыццялюбамі землякі былі...» [8, с. 116] – пример того, как легко поэт сочетает в одном стихотворении русский и белорусский языки: эпиграф – на русском, подпись к эпиграфу и свое стихотворение – на белорусском. Так включаются, например, эпиграфы из произведений Е. Евтушенко, А. С. Пушкина. Кроме эпиграфов на русском, у Р. Бородулина нами был зафиксирован один случай включения в произведение эпиграфа на украинском языке: *Повій, вітру, з України* (к поэме «Праз чараты штыкоў» [7, с. 117–120]). Правда, источник эпиграфа обозначен как украинская народная песня. К сожалению, нам не удалось установить, существует ли на самом деле украинская песня с такими словами. Однако точно существует широко известная в Украине песня С. Руданского «Повій, вітре, на Вкраїну...». Если принять ее за претекст, то между бородулинской поэмой и песней С. Руданского можно обнаружить единство на уровне образной системы и хронотопа: и там, и там представлен герой, находящийся вдалеке от родины. Но для героя песни Украина важна из-за девушки, там оставленной, а для героя поэмы – сама по себе, потому что это родина. В обоих текстах связь ге-

роя с родиной осуществляется благодаря ветру. Только в песне он не активен, а у Р. Бородулина – активен, может помочь соединению (надуть корабельные паруса). Р. Бородулин пишет о героизме, воле, любви к Родине, а С. Руданский – просто о любви, без патриотической патетики.

Кстати, без перевода даются только русскоязычные и украинско-язычные эпиграфы. Например, строки молдавского поэта-песенника Г. Виеру Р. Бородулин переводит на белорусский язык [5, с. 178].

Прозаические эпиграфы – не редкость для Р. Бородулина (а вот у А. Кушнера нет ни одного такого эпиграфа). Например: «*Зямля – калыска розуму, але нельга вечна жыць у калысцы*». К. Э. Цыялкоўскі [10, с. 2]; *На карце ЗША звыш 400 рускіх, беларускіх і ўкраінскіх назваў гарадоў, рэк, паселішчаў. З даведніка* [10, с. 26]; *Слану ў цырку на час халадоў выдаецца літр гарэлкі. З успамінаў былога даглядчыка* [6, с. 19].

В целом можно говорить о том, что А. Кушнер чаще обращается к предшественникам, Р. Бородулин – к современникам. Р. Бородулин часто включает в свои произведения фольклорные тексты, что не характерно для А. Кушнера. При этом Р. Бородулину свойственно маркировать включение фрагментов фольклорных текстов в стихи.

1. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина; науч. ред. Е. А. Купина. – Екатеринбург, Омск: Изд-во Уральского ун-та; Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999.

2. Сидоренко, К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова / К. П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1999.

3. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – 3-е изд. – М.: КомКнига, 2007.

4. Барадулін, Р. Прынамсі [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1977. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/prynamsi.pdf>. – Дата доступу: 23.08.2019.

5. Барадулін, Р. Самота паломніцтва [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1990. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/samota.pdf>. – Дата доступу: 19.08.2019.

6. Барадулін, Р. Журавінка [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1972. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/zhuravinka.pdf>. – Дата доступу: 11.08.2019.

7. Барадулін, Р. Неруш [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1966. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/nerush.pdf>. – Дата доступу: 21.08.2019.

8. Барадулін, Р. Вечалле [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1980. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/vechalle.pdf>. – Дата доступу: 19.08.2019.

9. Кушнер, А. С. Вечерний свет: Стихотворения / А. С. Кушнер. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013.

10. Барадулін, Р. Рунець, красаваць, налівацца! [Электронны рэсурс] / Р. Барадулін. – Мінск, 1961. – Рэжым доступу: <http://www.baradulin.by/wp-content/uploads/2013/12/runiec.pdf>. – Дата доступу: 15.08.2019.

З. К. Беданоква, О. И. Гусевская (Майкоп)

КАТЕГОРИЯ ЭВОКАТИВНОСТИ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ: ПОТЕНЦИАЛ АНТИПОСЛОВИЦЫ

Категория эвокативности в русском языке проявляется в разноуровневых единицах *языка и речи* – от полисемичных, омонимичных и энантиосемичных лексических и грамматических форм до фразеологизмов и паремий, речевых произведений разной сложности. Цель нашего исследования – выявление эвокативной категориальной ситуации для различных речезыковых форм в рамках интерпретации текста антипословицы или раскрытие эвокативного потенциала антипословицы, реализованного в рекламном и художественном дискурсах.

Категориальными основаниями эвокативности являются наиболее общие свойства языка, позволяющие реализоваться категориальной ситуации, характеризуемой как *эвокативная категориальная ситуация*. Под категориальной ситуацией (КС), опираясь на идею функциональной грамматики А. В. Бондарко, мы понимаем «базирующуюся на определенной семантической (семантико-прагматической) категории и соответствующем функционально-семантическом поле типовую содержательную структуру, представляющую собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации» [1, с. 24]. Функционально-семантическое поле эвокативности является двудерным и базируется на двух семантико-прагматических категориях – имплицитности и косвенности (непрямом выражении). В традиционной пословице имплицитность реализуется в назидательном, поучительном характере и косвенно является отражением народной мудрости. В отличие от пословицы смысловое наполнение антипословицы обусловлено, по словам известного американского паремиолога В. Мидера, тем, что они не выражают какой-

либо абсолютной истины и не представляют собою неких универсальных общечеловеческих или специфично национальных установлений [2], а напротив, отличаются «аномальностью» с точки зрения обычного употребления и «девиацией» формального и/или содержательного характера, то есть имплицитность и косвенность традиционной пословицы дополняются новым, отличным от традиционного, чаще противоположным наполнением в процессе интерпретации антипословицы. Профессор В. М. Мокиенко пишет, что «для современной паремиологии ...одной из актуальных задач ... стала фиксация и функционально-стилистическая интерпретация трансформ» или «перелицовок» давно известных паремий [3, с. 4–5], различая таким образом «интерпретацию», то есть план содержания, и «перелицовки», соотносимые с планом выражения. Антипословица противопоставлена пословице по нескольким позициям: 1) по форме – и тогда речь идет о варианте, гибридах или трансформе; 2) по форме и по содержанию, когда рассматриваются деформации.

Суждения о содержании антипословиц разнообразны, это и 1) «критическое противостояние старой мудрости» [2]; и 2) «паремии, обеспечивающие ... полноценную коммуникацию и отражающие специфику народной психологии и философии» [5, с. 5]; и 3) «отражение происходящих в обществе изменений, неприятие и осуждение традиционного понимания миропорядка, суждение, построенное на основе традиционной пословицы и изменяющее ее значение; отрицание утверждаемых пословицей норм и правил поведения, часто высмеивание их или же демонстрация несерьезного к ним отношения» [6, с. 163]; 4) «опровержение устоявшихся стереотипов, создание комического эффекта, нивелирование привычных ментальных клише» [7, с. 258].

В антипословице эвокативность проявляется как биполярное концептуальное пространство с эвокацией «высоких» и «низких» концептуальных полей. Поэтому одна из главных функций эвокативной языковой формы – смехотворчество, противопоставление и подмена высокого и низкого начал, актуализация этих противоположностей в парадоксальности формы плана содержания и в «аномальности» формы плана выражения. Как результат, все когнитивные пространства могут смешиваться в эвокативной форме (речемыслительном акте), создавая ситуацию когнитивного блендинга, контаминации смыслов, опирающихся на то или иное концептуальное пространство [8].

Экспериментальный материал представлен здесь двумя типами эвокативной категориальной ситуации в слотах *ревокации* и *эквивокации* в рекламном и художественном текстах.

Антипословица, безусловно, имеет прецедентный характер и трактуется как блендинг двух форм – актуальной и прецедентной. Сама цитация предполагает, что текст-реципиент одновременно и отрицает текст-донор, трансформируя его, и осуществляет его *ревокацию*, *возрождение* (переозвучивание). Введение в рекламный текст прецедентного высказывания способствует компрессии смысла.

Способы введения прецедентных текстов в рекламу могут быть разными, но в текстах наружной рекламы антипословицы чаще всего встречаются в виде трансформированного цитирования за счет перестановки или замены одного слова (или слов) другим: *Сделал дело – хрусти смело* (чипсы «Лейс»), ср. *Сделал дело – гуляй смело*; *Что немцу дорого, то русскому подарок!* (реклама пива Holsten, построенная на варьировании пословицы), ср.: *Что русскому хорошо, то немцу смерть!* В данном случае деформация текста необходима для реализации идеи рекламной кампании, основанной на том, что любители пива Holsten теперь имеют возможность получить в подарок автомобиль. Ср. также варьирование пословицы *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*: *Лучше «Волга» в руках, чем «Мерседес» в небесах* (автомобили «Волга»); *Лучше пиво в руке, чем девица вдалеке* (пиво «Золотая бочка»). Прецедентность текста в форме плана выражения имплицитно реализует модель выбора товара, а возникновение трансформации, «аномальность» его формы косвенно указывают на основную цель рекламного текста – стимулирование внимания потребителей.

Изредка в рекламном тексте прецедентность как когнитивная категория [9] и эвокативный механизм проявляются как в форме плана выражения (подражание, стилизация), так и в форме плана содержания, когда прецедентный текст усиливает, например, аргументативную силу рекламного слогана: *Держи пиво в холоде, а ноги в тепле* (реклама пива «Бочкарев»), ср.: *Держи ноги в тепле, а голову в холоде*; *Два подарка лучше, чем один*, ср.: *Одна голова хорошо, а две лучше* [10, с. 245].

Таким образом, употребления, построенные на механизме ревокации, создают контаминацию двух фреймов – семантики текста-донора и семантики текста реципиента, получая дополнительную аргументативную суггестивность. В целом же роль антипословицы в рекламном тексте будет усиливаться потому, что минимизация информации, как

один из главных признаков рекламного текста, предполагает обращение к хорошо узнаваемым фактам.

Антипословица в художественном тексте (например, в одностишьях Ольги Арефьевой) реализуется как «актуализация высокого и низкого начал в парадоксальности формы плана содержания и в «аномальности» формы плана выражения» и в результате наблюдается «двусмысленность, экивок и *эквивокация* как соединение и открытость к интерпретативному (вторичному) семиогенезу» [11, с. 40]. Ср.: *Уж зла любовь, ну, а козла все нету...* (интертекст пословицы *Любовь зла – полюбишь и козла.*). Трансформ потенциален для вторичного семиозиса и основан на парадоксальности ситуации антипословицы «любовь зла, потому что ее нет», противопоставленной традиционному не менее эвокативному «любовь зла, потому что она есть». Контаминация текста-донора и текста-реципиента выражает парадоксальное совмещение иронии антипословицы и сарказма пословицы-донора, назидательности пословицы-донора и безысходности в антипословице. В данной речезыковой форме наблюдается варьирование формы, изменение плана выражения, что отразилось в двух противоречиях: 1) между первичным прямым значением языковой формы и вторичными или переносными (метафора и др. тропы); 2) между эксплицитным и имплицитным значением языковой формы (ирония, сарказм и т. д.).

Несколько иное варьирование как плана выражения, так и плана содержания на базе пословицы *Не в деньгах счастье*, где форма прирастает значением не только на базе прецедентного текста, но и на базе первичного трансформа-антипословицы *Не в деньгах счастье, а в их количестве* (1). В результате антипословицы *Деньги счастья не приносят, но успокаивают нервную систему* (2) и *Счастье не зависит от количества денег... Но грустить лучше в «Бентли», чем в маршрутке...* (3) содержат противоречие, которое ведет к поиску нового денотата. В обоих случаях контаминированы перефразированное прецедентное и добавленное умозаключения, что характерно для эквивокации как противопоставлению и балансированию между возвышенным и обыденным, духовным и прагматичным. В этом же ключе эвоцируют такие антипословицы, как *Кто рано встает... тому весь день спать хочется* (ср.: *Кто рано встает, тому Бог подает*); *Делу время, потехе час, – подумал сосед в два часа ночи, отложив дрель, и взял скрипку* (ср.: *Делу время, потехе час*). Когнитивный блендинг концептуального пространства пословицы *Первый блин – комом*, основанный

на понятии «дело», приобретает вторичный семиозис, когда обнаруживается контаминация смысла во второй базовой пословице *Семь раз отмерь – один раз отрежь*, трансформированной эквивокацией в антипословицу, ср.: *Если и седьмой блин получился комом – к черту блины, пекуте комочки*. В этом фразеотексте принцип эвокативной семиотической формы строится на противоречии в плане содержания (однократность–многократность) и противоречивости в плане выражения (контаминация двух пословиц как результат языковой игры).

Рассмотрение подобных употреблений с целью выявления механизма эвокативности позволило сделать следующие выводы: антипословицы «аномальны», с точки зрения обычного употребления, и как эвокативные языковые формы строятся на некоторых «девиациях» формального и/или содержательного характера, что обусловлено:

- нарушениями формы, ведущими к «непрозрачности», фасцинативной аттракции плана выражения;
- противоречием между прямым значением языковой формы и другими его значениями вторичными или переносными (метафора и др. тропы);
- противоречием между значением и денотатом, ведущим к поискам нового денотата;
- противоречием между эксплицитным и имплицитным значениями данной языковой формы (ирония, намек и т. д.).

В основном, в реализации смехопорождающей функции участвуют различные приемы контаминации, в частности, блендинг, построенный на контрастности двух когнитивных пространств – обобщенного (сигнификативного) и частного (денотативного) или образного.

1. Бондарко, А. В. Аспекты анализа глагольных категорий в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 22–26.

2. Mieder, W. Verdrehte Wieseiten: Antispruchwörter aus Literatur und Medien / W. Mieder. – Wiesbaden: Queiie & Meyer, 1998.

3. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб.: Издательский дом «Нева», 2005.

4. Хлебда, В. Пословицы советского народа. наброски к будущему анализу / В. Хлебда // Русистика. – Берлин, 1994, № 1/2. – С. 74–84.

5. Золотоверхая, О. В. Идея активности и ее репрезентация в русском proverbiallyном пространстве: автореф. дис. канд. филол. наук / О. В. Золотоверхая. – Ростов-на-Дону, 2011.

6. Иванова, Е. В. Картина мира в английских антипословицах / Е. В. Иванова // XLIII Международная филологическая конференция. – СПбГУ, 2014. – С. 161–169.
7. Хопияйнен, О. А., Филимонова, Н. В. Деформационные стратегии в образовании антипословиц русского, английского и немецкого языков / О. А. Хопияйнен, Н. В. Филимонова // Язык и культура. – Томск: Изд-во Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2018. – № 42. – С. 258–272.
8. Fauconnier, G. Blending as a Central Process of Grammar / G. Fauconnier, M. Turner // Conceptual Structure, Discourse, and Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 113–129.
9. Моисеенко, Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Моисеенко. – М., 2015.
10. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 4-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
11. Беданоква, З. К. Феномен эвокативности: в поисках определения / З. К. Беданоква // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. – 2015-а. – Вып. 3. – С. 39–49.

Гао Цзюаньли, Н. Н. Скворцова (Минск)

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ФРАЗЕОЛОГИИ РОМАНА МО ЯНЯ «生死疲劳» («УСТАЛ РОЖДАТЬСЯ И УМИРАТЬ»)

Мир фразеологии китайского языка, имеющего многотысячелетнюю историю, огромен и разнообразен, и каждый аспект его исследования, включая переводческий, заслуживает внимания. Этим обусловлен выбор в качестве объекта настоящего исследования фразеологических единиц китайского языка и их переводческих коррелятов. Предмет научного рассмотрения составляют способы, конкретные приемы и средства передачи китайских фразеологизмов на русский язык.

Цель исследования – выявить характерные особенности передачи китайских фразеологических единиц на русский язык в оригинале и переводе романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» [1]. Анализ было подвергнуто более 180 фактов функционирования фразеологизмов в оригинальном тексте романа.

Данному автору и текстовому материалу предпочтение отдано не случайно. Мо Янь – выдающийся китайский романист современности, лауреат Нобелевской премии по литературе. По мнению многих литературоведов, он продолжает грандиозное летописание истории Ки-

тая XX в., уникальным образом сочетая приземленный натурализм и высокую трагичность, хлесткую политическую сатиру и поэтичность художественного вымысла.

Текст романа «Устал рождаться и умирать», написанный за сорок три дня, но существовавший в сознании писателя в течение многих десятилетий, изобилует устойчивыми воспроизводимыми образными выражениями, относящимися в китаистике к фразеологизмам, согласно классификации Ма Гофаня. Фразеологизмы разных типов: чэньюй (成语), яньюй (谚语), суюй (俗语), гуаньюньюй (惯用语), сехоуюй (歇后语) – образуют весьма пеструю (семантически богатую и стилистически разнообразную) палитру фразеологии романа и определяют своеобразие и характерные особенности передачи разнотипных китайских фразеологизмов на русский язык.

Как известно, в шкале «непереводимости» или «труднопереводимости» фразеологические единицы занимают едва ли не первое место [2, с. 179]. «Непереводимость» фразеологии отмечается в числе ее характерных признаков практически всеми специалистами. Между тем фразеологизмы все же «поддаются» адекватной передаче на иностранные языки (включая типологически далекие, разноструктурные) даже в том случае, если в языке перевода нет ни эквивалентов (полное соответствие как в формальном, так и содержательном отношениях: например, рус. *как рыба в воде* и кит. 如鱼得水 ‘как рыба в воде’), ни семантических аналогов (смысловое совпадение при расхождении в компонентах/образах: например, рус. *как небо и земля* и кит. 各不相当 ‘каждый не одинаковый’). В сущности, фразеологизм переводится двумя способами: либо фразеологизмом, и это фразеологический перевод, либо нефразеологизмом (как правило, ввиду отсутствия эквивалентов или семантических аналогов), и это нефразеологический перевод. Однако между этими полярными способами имеется «множество промежуточных, средних решений» [2, с. 183], с которыми связано усложнение этой простой, на первый взгляд, схемы.

Анализ оригинального и переводного текстов романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» показал, что при передаче китайской фразеологии переводчик (И. Егоров) далеко не всегда сохраняет эмоционально-экспрессивное, функционально-стилистическое и даже так называемое «смысловое содержание» оригинального контекста. Несмотря на то что переводчики стараются придерживаться установки «фразеологизм должен переводиться фразеологизмом», в русском тек-

сте доминирует нефразеологический способ передачи китайских фразеологизмов, причем переводчиком использованы семантические и выразительные возможности отдельного слова (как правило, самостоятельные части речи), свободного словосочетания и предложения даже тогда, когда в русском языке имеется не только семантический аналог китайского фразеологизма, но и эквивалент. Так, чэньюй 恍然大悟 (‘вдруг осознать’), соответствующий в русском языке фразеологизму (устойчивому сравнению) «словно пелена падает (упала) с глаз», передан с помощью конструкции «словно прозреть»: 那个鬼卒拍了一下脑袋, 脸上出现恍然大悟般的表情. *Молодой хлопнул себя по лбу, просветлев лицом, словно прозрел.*

Обращает на себя внимание тот факт, что переводчик зачастую «довольствуется» семантическим и стилистическим потенциалом одного слова в противовес различным синтаксическим построениям: словосочетаниям, образованным по типу согласования, управления, примыкания; описательным предикатам, простым предложениям (односоставным и/или двусоставным) с тем или иным видом осложнения или без него, редко – сложным предложениям. Например: 每次提审, 我都会鸣冤叫屈. Чэньюй 鸣冤叫屈 (‘взывать о справедливости и жаловаться на обиду’) передается одним словом – глаголом *жаловаться*: *Всякий раз, когда меня притаскивали на судилище, я жаловался, что со мной поступили несправедливо.* Иногда чэньюй переводится прилагательным или наречием. Ср.: 我的声音悲壮凄凉, 传播到阎罗大殿的每个角落, 激发出重重叠叠的 回声. – *Исполненные скорби, мои слова достигали всех уголков тронного зала владыки ада и раскатывались многократным эхом.* В буквальном переводе чэньюй 重重叠叠 означает «многослойный и многократный». Чэньюй 小心翼翼 (‘осторожно и серьезно’) в контексте 鬼卒小心翼翼地将我安放在阎罗殿前的青石板上, 跪下向阎王报告 [...] передается с помощью наречия *осторожно*: *Демон осторожно опустил меня на зеленоватые плитки перед тронном и склонился в глубоком поклоне [...].* Гуаньюньюй 和事佬 (‘миротворческий человек’) переводится посредством существительного *миротворец*: *挑起了战争的洪泰岳转脸又成了和事佬 [...] – Спровоцировавший все это Хун Тайюэ, чтобы сохранить лицо, превратился в миротворца [...].*

Нефразеологический перевод словосочетанием и предложением показан в следующих примерах: 隧道两壁上, 每隔十几丈就有一对像

珊瑚一样**奇形怪状**的灯架伸出, 灯架上悬挂着碟形的豆油灯盏... – *С обеих сторон на стенах через каждые несколько чжанов [чжан – мера длины, ок. 3,2 м] висели бра причудливой формы, похожие на кораллы, с блюдечками светильников, заправленных соевым маслом.* В буквальном переводе чэньюй **奇形怪状** означает ‘удивительные виды и невиданные формы’.

Словосочетанием передается яньюй **没干亏心事** (‘не совершать плохой поступок’): 我自信平生**没有干过亏心事**. *Ты был уверен в своих силах и за всю жизнь не совершил ничего постыдного.*

Суюй **远日无仇**, 近日无怨 (‘в днях далекого прошлого нет соперника, в последнее время нет вражды’) передается с помощью структуры безличного предложения: 老少爷儿们, 咱们一个村住着, **远日无仇**, 近日无怨, 兄弟有什么对不住你们的地方, 尽管说出来, 用不着这样吧? – *Мы ведь односельчане, почтенные, вражды между нами не было ни прежде, ни теперь. Скажите, если даже обидел чем, стоит ли так поступать?*

Яньюй **井水不犯河水** (‘колодезная вода не помеха речной’) в контексте 我跟人民公社是井水不犯河水 также передан на русский язык предложением: *Я к коммуне никакого отношения не имею, как говорится, есть вода колодезная, а есть речная.*

Случаев фразеологического перевода значительно меньше: лишь десятая часть фразеологических единиц в романе Мо Яня переведена на русский язык посредством фразеологизмов. Например: чэньюй **蒙混过关** (‘обманом преодолеть’) в оригинальном контексте «西门闹, 第一次土改时, 你的小恩小惠、假仁假义蒙蔽了群众, 使你得以蒙混过关 [...]» имеет в тексте-переводе фразеологический коррелят «выйти сухим из воды»: *В первую земельную реформу ты, Симэнь НАО, ввел массы в заблуждение подачками и лицемерием и сумел выйти сухим из воды [...].*

К «промежуточным, средним решениям» перевода фразеологизмов можно отнести случаи, подобные приведенному ниже (включение калькируемого китайского фразеологизма в структуру сложного предложения): 她那几句话通俗易懂又语重心长, 她说: 当家的, 你把她收了吧! **肥水不流外人田**. – *Она-то и уложила Инчунь ко мне в постель, выразившись при этом незамысловато, но многозначительно: «Прими ее, муж мой! Негоже, чтобы удобрение на чужие поля растекалось!».* Гуаньюньюй в оригинальном контексте – **肥水不流外人田** – перево-

дится предложением, которое не относится к фразеологизированным («предложениям фразеологизированной структуры», «синтаксическим фразеологизмам»), но вполне передает характерные черты гуань-юньюй (惯用语 – ‘привычное выражение’) – устойчивого словесного образования, имеющего целостное переносное значение и отличающегося образностью и лаконизмом выражения.

Анализ оригинального и переводного текстов романа показал, что переводчик предпочитает относительную свободу выражения «смыслового содержания» фразеологизма: даже при имеющихся фразеологических соответствиях в русском и китайском языках он выбирает нефразеологический способ передачи фразеологизма. Этот факт подтверждает наблюдение, которое в свое время сделали С. Влахов и С. Флорин: даже при наличии равноценного фразеологического соответствия, приведенного в двуязычном словаре, «приходится иногда искать иные пути перевода, так как этот эквивалент не годится для данного контекста» [2, с. 180].

Перевод на русский язык фразеологии романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» характеризуется следующими чертами.

Во-первых, приемы и средства нефразеологического перевода, используемые переводчиком романа, различны: калькирование (дословный перевод), описательный перевод (перевод не столько самого фразеологизма, сколько его толкования); перевод словом, словосочетанием или предложением. Зачастую соответствие на уровне слова вполне удовлетворяет переводчика.

Во-вторых, «идеальный» перевод – перевод фразеологизма фразеологизмом – оказался практически недостижим, и даже при наличии в русском языке фразеологического эквивалента или семантического аналога китайского фразеологизма переводчик предпочитает нефразеологический перевод. Это объясняется не только характером контекста употребления китайского фразеологизма (его смысловым наполнением и – шире – импликацией, стилистическим своеобразием и т. д.), но и типологическими характеристиками языков (китайский язык относится к изолирующим языкам, он отличается от русского языка по грамматическому строю и лексическому составу, а фразеологическая система включает несколько структурных типов единиц, не имеющих прямых соответствий в русском языке). Кроме того, далеко не последнюю роль в предпочтении того или иного способа передачи китайских фразеологизмов на русский язык (фразеологический/нефра-

зеологический) играет профессиональное мастерство переводчика, в частности знание фразеологического фонда как китайского, так и русского языков.

Таким образом, при передаче на русский язык китайских фразеологизмов, употребленных в романе Мо Яня «生死疲劳» («Устал родиться и умирать»), переводчиком задействованы средства лексического, фразеологического и грамматического уровней языковой системы, однако количественные характеристики типов и видов переводческих соответствий различны. Выбор тех или иных приемов нефразеологического перевода (описательный перевод; калькирование, или дословный перевод; и др.) и языковых средств того или иного уровня (лексический, словообразовательный, синтаксический) зависит от типовых признаков китайских фразеологизмов, условий функционирования и не в последнюю очередь от профессиональной компетентности переводчика, его языкового чутья и мастерства. Преобладание фактов нефразеологического перевода объясняется, на наш взгляд, не только типологическим расхождением двух языков – китайского и русского, но и коммуникативно-переводческими установками: предпочитая относительную свободу выражения «смыслового содержания» китайского фразеологизма, переводчик не стремится обращаться к фразеологическим соответствиям в русском языке, даже если они семантически точны и стилистически адекватны.

1. Мо Янь. Устал родиться и умирать / Мо Янь; пер. с кит. И. Егорова. – СПб.: Амфора, 2014.

2. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980.

А. И. Ковалева (Минск)

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ И РОДУ ЗАНЯТИЙ С РАЗЛИЧНОЙ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Лексико-семантическая группа наименований лица по профессии и роду занятий чрезвычайно обширна и разнородна. Она включает в себя общие наименования лиц по деятельности и наименования, указывающие на определенную сферу деятельности, номинации со значением лица, участвующего в трудовой деятельности, и наименования

представителей нетрадиционных видов деятельности (чародейства, попрошайничества, криминального дела) [1, с. 196; 2, с. 78; 3, с. 40].

Поскольку в процессе номинации в качестве основы для нового наименования может быть выбран любой признак, имеющий отношение к именуемой реалии, а деятель характеризуется по разным параметрам, даже в пределах одного языка реальным оказывается существование ряда полных синонимов, называющих одно и то же лицо по роду занятий и указывающих на различные характеристики выполняемого им действия. В русском языке человек, занятый добычей смолы, именуется *смологодом*, *смоловаром* и *смолокур*ом, так как добыча смолы состоит в разложении древесины на составные части (*перегонка*) путем нагревания (*варение*) и этот процесс сопровождается резким запахом дегтя (*курение*).

В разных языках наименования одних и тех же лиц по роду деятельности могут быть основаны на разных признаках, материальным выразителем которых в структуре производного слова служит его внутренняя форма (далее – ВФ). Сопоставительное изучение наименований лиц по профессии и роду занятий в русском и белорусском языках с точки зрения их ВФ представляет значительный интерес, поскольку позволяет охарактеризовать фрагмент картины мира, связанный с наименованием лиц, в генетически родственных и структурно близких языках.

Материалом данного исследования послужили 162 пары переводных семантических коррелятов – наименований лица по профессии и роду занятий с различной ВФ в русском и белорусском языках, извлеченные методом сплошной выборки из «Русско-белорусского словаря» НАН Беларуси. Анализ семантических коррелятов позволил выявить, что различия в их ВФ не ограничиваются определенной лексико-семантической подгруппой. Переводные соответствия с различной ВФ встречаются среди наименований лиц, занятых в промышленности (рус. *меховщик* – бел. *кушнер*), ремесленной деятельности (рус. *картузник* – бел. *шапачнік*), сельском хозяйстве (рус. *пасечник* – бел. *пчаляр*), непроизводственной сфере (рус. *балаганичик* – бел. *камедыянт*), а также нетрадиционных видах деятельности (рус. *вор* – бел. *зłodзей*).

Тематически различие во ВФ наименований лиц по профессии и роду занятий не ограничено, однако существуют лексические зоны концентрации таких слов. Прежде всего это устаревшая и устаревающая лексика. Пары семантических коррелятов, в которых хотя бы один из компонентов является устаревшим, составляют 34 % от наименова-

ний лиц по профессии и роду занятий с различной ВФ. Данное обстоятельство связано с экстралингвистическими причинами.

Устаревают и выходят из употребления в первую очередь наименования ремесленников и лиц по роду занятий, которые оказываются невостребованными современным обществом [4] (в границах нашего материала это в основном наименования лиц, занятых в сфере услуг): рус. *башимачник* – бел. *шавец*; рус. *трубочист* – бел. *камінар*. Эти виды деятельности и их наименования появились тогда, когда специализация труда не была настолько глубокой, как сегодня. В связи с этим репертуар признаков, которые могли выделить лицо по деятельности среди других и лечь в основу их наименования, широк. Так, побелорусски человек, отвечающий за псовую охоту, именуется словом *лоўчы* (признак «действие»). В русском языке он может также называться *борзятником* по наименованию собак, участвующих в охоте.

Постепенное углубление общественного разделения труда и изменения в технологии производства привели ко все возрастающей специализации деятельности и необходимости в дифференцированном наименовании лиц. Наиболее ярко это выразилось в наименованиях рабочих, занятых на поточном производстве и выполняющих только одну короткую операцию. Как правило, в их наименованиях не отражаются такие признаки, как результат деятельности, место деятельности, внешняя характеристика. Это обусловлено тем, что разные рабочие, участвующие в процессе производства одного продукта, носят унифицированную спецодежду, работают в одном месте и деятельность любого из них не приводит к появлению готового продукта. Если раньше одежду изготавливал *портной*, то сейчас только ее раскроем заняты *настильщик*, *раскройщик* и *комплектровщик*. Главной отличительной чертой рабочих, выполняющих различные операции, является их деятельность. В связи с этим в наименованиях рабочих специальностей, представленных в словаре – источнике материала, преобладают такие признаки, как «деятельность» и «деятельность + объект деятельности». Достаточно однородны по выбору признака – основы наименования и номинации ученых и спортсменов: первые называются по науке / отрасли науки, которую изучают, вторые – по виду спорта, которым занимаются. Вероятность различия ВФ наименований тех лиц, деятельность которых может быть охарактеризована по разным параметрам, гораздо выше, чем тех, которые характеризуются по одной – двум особенностям. Среди вошедших в материал исследования наименований лиц по профессии и роду занятий с различной ВФ нет

ни одного наименования спортсмена и поточного рабочего и обнаружена только одна пара коррелятов, называющих ученого: рус. *естественник* – бел. *прыродазнавец*. При этом наименования поточных рабочих, ученых и спортсменов, регулярно демонстрирующие узкий диапазон признаков, положенных в основу наименования, остаются актуальными. Напротив, устаревают или уже являются устаревшими наименования ремесленников и лиц по роду занятий, характеризующиеся по различным признакам.

Заметное место среди семантических коррелятов, называющих человека по профессии и роду занятий, занимают также оценочные наименования и слова с оценочным компонентом значения, которые в границах данного исследования рационально рассматривать недифференцированно. Они составляют 18 % от всего количества пар семантических коррелятов с различной ВФ. Оценка, свойственная производным словам данной лексико-семантической группы, может быть унаследована ими от их производящих, если эти производящие называют деятельность или ее характеристики, которые традиционно расцениваются языковым коллективом как положительные или отрицательные (рус. *попрошайничать* → *попрошайка*, бел. *рабаваць* → *рабаўнік*). Поскольку в данных наименованиях оценка «растворена» в их денотативном значении, такие наименования лиц по деятельности, как правило, не имеют в языке нейтральных, безоценочных синонимов и выделяют действующий субъект среди других подобных ему субъектов.

В случае, если сама деятельность лица и ее атрибуты не могут быть оценены как явление положительное или отрицательное, оценочность наименований лица по профессии и роду занятий находит свое выражение в суффиксах субъективной оценки (рус. *шоферюга*, *бродяга*, бел. *палітыкан*, *купчык*) либо для оценочного наименования субъекта избирается некоторая характеристика его деятельности, которая не является ни дифференцирующей, ни значимой для понимания сущности данной деятельности. Такие дериваты демонстрируют периферийную мотивацию: рус. *алтыщик* ‘лавочник’.

Оценочные дериваты с периферийной мотивацией заслуживают пристального внимания при анализе номинаций с точки зрения ВФ в сопоставительном аспекте. На примере русского комплекса оценочных наименований лиц с денотативным значением ‘писатель’ и их белорусских соответствий можно продемонстрировать, насколько велика вероятность у слов с периферийной мотивацией иметь ВФ, отличную от ВФ их коррелятов в другом языке. В русскоязычной части пе-

реводного словаря зафиксированы следующие оценочные наименования писателя с периферийной мотивацией: *борзописец*, *бумагомарака*, *бумагомаратель*, *пачкун* и *щелкопер*. В качестве их белорусских соответствий приведены *пэчкаль* и *пісака*. Совпадение ВФ наблюдается только в паре рус. *пачкун* – бел. *пэчкаль*, где оба коррелята – дериваты с периферийной мотивацией, остальные русские наименования переведены как *пісака*.

При анализе русских оценочных наименований писателя можно выявить, что ВФ каждого из них не отсылает к культурно-специфическим явлениям и имеет переводные соответствия в белорусском языке. Однако, несмотря на это, в белорусскоязычной части словаря в четырех случаях из пяти ВФ переводного эквивалента отличается от ВФ русского аналога. Это связано с тем, что как русская, так и белорусская словообразовательные системы обладают широким набором суффиксов субъективной оценки, которые эксплицитно, на морфемном уровне регулярно передают семантику оценки. А ВФ дериватов с периферийной мотивацией подчеркивает факультативные, недифференцирующие черты объекта. Таким образом, во-первых, выбор одних и тех же недифференцирующих характеристик объекта для его наименования в разных языках маловероятен (рус. *щелкопер*; бел. *старац* ‘побирушка’). Во-вторых, деривату с периферийной мотивацией, ВФ которого отсылает к факультативным характеристикам объекта, в языке перевода может соответствовать дериват, суффикс которого регулярно выражает семантику оценки (рус. *борзописец*, *бумагомаратель* – бел. *пісака*). В-третьих, в языке перевода могут отсутствовать оценочные наименования определенных лиц по профессии и роду занятий. В таком случае переводной словарь в качестве эквивалентов оценочных наименований подает безоценочные: рус. *алтынщик* – бел. *гандляр*.

Исследование пар семантических коррелятов – наименований лица по профессии / роду занятий с различной ВФ в русском и белорусском языках позволило выявить следующее.

1. Семантические корреляты лексико-семантической группы «лицо по профессии и роду занятий» с различной ВФ в русском и белорусском языках называют лиц, участвующих в различных сферах общественной деятельности.

2. Зоной концентрации наименований лиц по профессии и роду занятий с различной ВФ в русском и белорусском языках являются те пары семантических коррелятов, в которых хотя бы один из компо-

нентов является устаревшим. В качестве одной из причин значительной доли устаревших слов в корпусе наименований с различной ВФ можно назвать изменения условий и характера труда, влияющих на количество и диапазон признаков, которые могут быть выбраны в качестве основы нового наименования.

Тенденцию к несовпадению ВФ русского и белорусского эквивалентов демонстрируют оценочные наименования лиц по профессии и роду занятий с периферийной мотивацией. Это связано с тем, что характеристики объекта, выбираемые в качестве основы наименования при периферийной мотивации, являются недифференцирующими, а также с тем, что категория оценочности в одном из переводных эквивалентов может быть выражена аффиксально или не выражена вовсе.

1. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 2002. – Т. 1.

2. Мигирина, Н. И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке / Н. И. Мигирина. – Кишинев: Штиинца, 1977.

3. Кузьмин, А. А. Тематические группы лексики, называющие профессии в Викторианский период / А. А. Кузьмин // *Juvenis Scientia*. – 2016. – № 1. – С. 36–40.

4. Желябова, И. В. Профессиональная лексика в динамическом аспекте / И. В. Желябова // *Вестник Ставропольского государственного ун-та*. – 2002. – № 30. – С. 121–128.

Т. А. Козлова (Минск)

УЧЕТ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Слово выполняет номинативную функцию, однако данной функции лексемы недостаточно для обмена информацией, так как, если реципиенту слово знакомо, он не узнает ничего нового, а если он встречается с ним впервые, то оно воспринимается как пустое звуковое единство [1, с. 199]. Коммуникативный подход к значению слова предполагает изучение его лексического значения с учетом синтаксических особенностей единицы, ее функционирования в тексте [2, с. 43]. Минимальной частью текста, для которой характерна относительная коммуникативная самостоятельность, является высказывание, противопоставленное предложению в рамках оппозиции «речь – язык» [1, с. 16].

Функционирование слова в тексте может приводить к актуализации тех сем, которые не эксплицированы в лексикографических источниках, так как последние фиксируют лишь наиболее общее, стандартное представление об объекте. Анализ словоупотреблений языковой единицы позволяет выявить весь набор сем, присущих исследуемой лексеме. По мнению Б. Ю. Нормана, такой подход к семной структуре слова является динамическим и в сравнении с «правилами статичного компонентного анализа» в большей степени соответствует речевой практике индивида [1, с. 41]. Более того, в случае появления единицы в новом нестандартном контексте ее лексическое значение подстраивается под более общий, то есть синтаксический, смысл всей конструкции [3, с. 64].

Рассуждая о взаимосвязи двух основных операций, присущих речевому поведению, – селекции и комбинации, Р. Якобсон говорит, что первая, под которой подразумевается выбор, осуществляется «на основе эквивалентности, подобия и различия, синонимии и антонимии», а вторая предполагает построение предложений и основывается на смежности. «Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации», то есть способствует взаимодействию лексического и синтаксического уровней [4, с. 204].

Необходимость исследования семантики единицы во взаимодействии указанных уровней можно проследить на примере лексем, называющих моральные качества. Абстрактный характер данных единиц обуславливает неполноту при выделении сем с помощью метода компонентного анализа. Так, дефиниция лексемы *совесть*, предлагаемая в Малом академическом словаре [5], позволяет выделить следующие семы: «чувство», «осознанность», «моральная ответственность за свои действия перед собой и другими». При этом анализ 26 словоупотреблений данной единицы (наиболее частотная единица, называющая моральное качество) в повести Г. Медынского «Честь» позволяет расширить приведенный выше перечень сем [6].

Прежде всего, совесть воспринимается как самостоятельная сущность (сема «субъект»): *совесть умолкла, совесть бунтовала, совесть заставила, совесть играла, совесть пищала, совесть выбралась [из подполья], совесть осветила; непокорная совесть; голос совести*. Анализируя различные точки зрения на выделение указанной семы, Б. Ю. Норман приходит к выводу, что она является «точкой пересечения между, скажем, субъектом как функционально-синтаксической позицией и субъектом как семой в составе лексического значения: каждая функция типична для определенного класса лексем» [1, с. 161].

Выражение *совесть заставила* предполагает воздействие на другой субъект, а *долг совести* – наличие обязательств. В ряде случаев совесть выступает в роли антагониста, вследствие чего можно *пойти против совести, убить совесть, обворовать совесть, залить совесть*.

Ряд выражений свидетельствует о наличии совести у человека (*искра человеческой совести, пойти против человеческой совести, отозваться совестью человека*), у группы лиц (*совесть колонии*), у определенных социальных групп (*Ну, насчет совести вы пионерам говорите, а нам это нужно как рыбе зонтик*. Г. Медынский. Честь). Многочисленны примеры, актуализирующие сему «регулятор»: *весы совести, решать по совести, сказать по совести, вынести перед своей совестью и лицом народа, залить совесть*.

Совесть может восприниматься как собственность, а поэтому она подвергается тем же операциям, что и другие материальные объекты: *потерять совесть, продать совесть*.

Лексическое окружение слова позволяет говорить об измеримости совести: *совести не хватило, искра совести, обворовать совесть*. При этом исследуемое моральное качество градуируемо по степени соответствия норме: *совесть нечиста, добрая совесть*.

При исследовании семантики языковой единицы выделение сем производится на основе сущностных характеристик объектов реальной действительности, средством номинации которых служит то или иное слово. Вследствие этого выделяемым компонентам свойственна универсальность [7, с. 21]. Данная мысль подтверждается результатами анализа синтагматических связей других единиц, называющих моральные качества в повести Г. Медынского «Честь».

Лексемы «честь» и «гордость» занимают вторую и третью позиции по количеству словоупотреблений – 21 и 20 соответственно. Контекстное употребление данных единиц позволяет выделить ряд сем, совпадающих с семами, выделенными у лексемы «совесть». Так, общими являются следующие семы: «субъект» и «регулятор» (*гордость не позволяла*), «материальность» (*потерять честь, утерянная честь, лишенный чести*), «принадлежность группе лиц» (*честь отделения, гордость школы, гордость колонии*), «принадлежность определенной категории лиц» (*честь советского человека, «воровская» гордость*), «градуированность» (*честь запятнана, особенная гордость*). Общим для лексем *совесть* и *честь* является возможность вступать в синтагматические связи с другими единицами, называющими моральные качества (*решимость чести, по долгу совести*).

Утверждая, что поэтическая функция языка служит для установления эквивалентности при построении последовательностей, Р. Якобсон проводит разграничение между равенством в лексикографическом описании и равенством в поэзии: «в метаязыке последовательность используется для построения равенств, тогда как в поэзии равенство используется для построения последовательностей» [4, с. 204]. С нашей точки зрения, такой подход правомерен и в отношении сопоставления метаязыка и языка прозаических художественных текстов. Так, на основе дефиниций лексем «честность», «откровенность» и «искренность» можно выделить совпадающую сему «правдивость» и ряд дифференциальных сем. Контекстное употребление указанных единиц позволяет установить отношения комплементарности: *В колонии основа основ – это **честность**, **честность** и **искренность**, все должно быть на виду [...]; Антону доставляло большое удовольствие всматриваться в лицо новичка [...] и рассказывать ему о принципах, по которым живет коллектив: дружбе и товариществе, **честности** и **откровенности**, равенстве и уважении к старшим и друг к другу!* (Г. Медынский. Честь).

Наряду с синонимическими связями, в тексте реализуется антонимический потенциал единиц, репрезентирующих моральные качества: *Она осудила уже, вероятно, не один десяток людей и много раз слышала и правду и ложь, **честность** и **подлость**, раскаяние и хитрость [...]* (Г. Медынский. Честь). К тому же в антонимические отношения вступают единицы, не отмеченные в качестве антонимов в специализированных словарях [8]: *А это и действительно, оказывается, два разных мира [жизнь на воле и в тюрьме]: где **честность** для одного, там **предательство** для другого, все – иное, все – враждебное* (Г. Медынский. Честь). Такое противопоставление становится возможным благодаря семантическому переходу «быть честным → быть правдивым → говорить правду → сделать открытым/явным», с одной стороны, и «предать → выдавать → сделать известным/открытым», с другой стороны. Аналогичным образом можно объяснить противопоставление моральных качеств в следующем высказывании: *Люди то не равны: одни имеют **совесть**, а другие **нахальство***. (Г. Медынский. Честь). Так, семантический переход «нахальство → беззастенчивая наглость → бесстыдство → отсутствие стыда» («чувства моральной ответственности за свое поведение, поступки») возвращает нас к дефиниции лексемы *совесть*. Таким образом подтверждается мысль Ю. Н. Караулова о необходимости не более шести шагов для выстраи-

вания цепочки, связывающей любые два слова в словаре [9, с. 77]. При этом художественный текст помогает выявить те единицы и установить те семантические связи, которые существуют в сознании носителей языка, хоть и не всегда осознаются ими.

Синтагматические отношения в тексте позволяют на основе неполного тождества компонентного состава лексем, называющих моральные качества, установить их иерархию: – *Искренность – основа честности, – сказал он [отчим], начиная ходить по комнате. [...]* Честность – основа всего (Г. Медынский. Честь).

Выявление в тексте общих и дифференциальных сем на основе функционирования единицы, называющей моральные качества, позволяет выявить согипонимы. Так, выражения *и чистота, и строгость; и чистота, и благородство; чистота и святость* позволяют на основе общности семы «нравственность» объединить вышеприведенные лексемы в одноименную лексико-семантическую группу. Лексемы *благородство* и *чистота* имеют общую сему «честность», что позволяет благодаря выражению *дух честности и бескорыстности* говорить о семантических связях между единицами, называющими разные моральные качества, а также об отсутствии четких границ между ними.

Таким образом, исследование семантики единиц при взаимодействии лексического и синтаксического уровней позволяет выявить ряд особенностей, которые недоступны при исследовании единиц на одном уровне. Прежде всего, коммуникативный подход к компонентному анализу позволяет установить семы, которые актуализируются в речи говорящего, но не указаны в дефинициях толковых словарей. При этом выявленные семы актуализируются у ряда лексем, принадлежащих одной лексико-семантической группе. Взаимодействие лексического и синтаксического уровней позволяет выявить новые единицы, вступающие в парадигматические отношения и не фиксируемые специализированными словарями. Лексическое окружение слова помогает установить иерархические отношения между единицами одной лексико-семантической группы, а также установить связи с другими лексико-семантическими группами.

1. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего: от замысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
2. Арутюнова, Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова / Н. Д. Арутюнова // Филол. науки, 1973. – № 3. – С. 42–54.
3. Норман, Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. пособие / Б. Ю. Норман. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.

4. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

5. Малый академический словарь русского языка: в 4 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. – М.: Рус. яз., 1985–1988.

6. Медынский, Г. Честь: повесть / Г. Медынский. – Минск: Народная асвета, 1981.

7. Гинзбург, Р. С. Значение слова и методика компонентного анализа / Р. С. Гинзбург // Иностр. языки в школе, 1978. – № 5. – С. 21–26.

8. Словарь антонимов русского языка: около 3200 антонимических пар / под ред. М. Р. Львова. – М.: Русский язык, 1984.

9. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – 2-е изд. – М.: Либроком, 2010.

К. И. Рагель (Минск)

ПРЕДИКАТНЫЕ НОМИНАЦИИ КАК СРЕДСТВО КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ОНИМОВ

В языковой системе имена собственные являются одним из ключевых понятий. Ученые-лингвисты активно изучают семантическое наполнение данных единиц при функционировании их в контексте, их художественно-изобразительный потенциал и возможности его реализации.

Объект нашего исследования – предикатные номинации, используемые в тексте мемуаров Н. Мандельштам для контекстуальной семантизации имен собственных *Осип Мандельштам* [1] и *Анна Ахматова*.

Общеизвестно, что предикат или группа предикатов семантизирующей конструкции обладают способностью метко и точно характеризовать лицо. Оказываясь внутри такой конструкции, оним испытывает на себе давление контекста, в результате чего в формально пустом семантическом поле онима начинают формироваться разноаспектные смыслы-характеристики, нередко достаточно противоречивые и субъективные.

Предикативные конструкции, сопровождающие и конкретизирующие онимы *Осип Мандельштам* и *Анна Ахматова*, можно охарактеризовать:

- по количеству предикатов;
- по качеству (т. е. по значению);
- по источнику характеристики.

По **количеству** предикатов, входящих в структуру предложения, выделяются конструкции с одним предикатом (60¹ и 65) и конструкции с предикатами, организованными в развернутый однородный ряд (28 и 30).

Развернутые однородные ряды создают голографический, объемный образ поэтов. Именно такие предикатные номинации наиболее глубоко проникают в сознание читателя, т. к. их семантическое, вне-текстовое содержание куда глубже и весомее, чем у ряда прочих семантизирующих оним конструкций: *Ахматова бросилась заниматься хозяйством, мыть кастрюли, стирать белье, подметать, убирать, делать все, от чего обычно уваливала, – так ей хотелось передохнуть и выбраться из течения, которое тащило ее неизвестно куда; Мандельштам являлся аномалией, вредным порождением прошлого, лишним человеком в литературе, где места распределяют высшие инстанции и те, кому это поручено...*

При качественной характеристике (в зависимости от значения) группирующиеся вокруг онимов предикаты можно объединить в следующие тематические группы (по Г. А. Золотовой) [2, с. 57]: предикаты-характеристики (43 и 29), предикаты-отношения (10 и 6), предикаты-действия (15 и 32), предикаты-процессы (10 и 16) и предикаты-качества или свойства онима (10 и 12).

Предикаты-характеристики представляют именуемого как носителя определенных качеств, характеризующих и выделяющих личность из ряда себе подобных: *А. Ахматова могла показаться смирной овцой; Мандельштам обладал внутренним буйством.*

Именно предикаты-характеристики заключают в себе эксплицитные оценки манеры поведения, внутреннего состояния и особенностей характера поэтов.

Примечательно, что предикаты именно этой группы используются автором мемуаров для сопоставления лирической героини Ахматовой с ее масками-ипостасями: *В своих лучших стихах Ахматова – эдакая боярыня, то плакальщица, постница и молевищица, то так проклиная недругов и превозносящая друзей и единомышленников, что любому Никону следовало бы держаться подальше.*

Следует отметить, что предикаты-характеристики в большей степени свойственны ониму *Осип Мандельштам*. В семантической

¹ Здесь и далее все количественные показатели даны в следующем порядке: первый показатель характеризует Осипа Мандельштама, а второй относится к Анне Ахматовой.

структуре оного *Анна Ахматова* преобладают **предикаты-действия**. Объясняется это, на наш взгляд, социальной ролью Н. Я. Мандельштам в жизни Осипа Эмилевича. За годы совместной жизни она детально изучила все особенности характера поэта, что позволило ей использовать разноаспектные предикаты-характеристики.

Предикаты-отношения позволяют автору мемуаров отразить собственное противоречивое отношение к субъектам воспоминаний. Здесь мы можем говорить о характеристике оного со стороны, как бы «другими глазами»: *Ахматова совершенно неухоженная женщина* (Гугова об А. А. Ахматовой).

Предикаты данной группы позволяют представить диаметрально противоположное мнение об одном и том же человеке. Подобное изображение двух поэтов-акмеистов делает их вербальный портрет наиболее полным. Кроме того, читатель получает возможность проследить объективные и субъективные линии в оценках прецедентных для русской культуры личностей. Однако в мемуарном тексте данный тип предикатов встречается довольно редко. Этот факт объясняется тем, что «при рассказе от первого лица изложение приобретает особую доверительность и интимность: рассказчик выпускает нас в свой внутренний мир» [3], а это значит, что мемуарист в большей степени ориентируется на собственное мнение и отношение, нежели на оценку со стороны.

К этой группе семантизирующих конструкций с **предикатами-действиями** относятся контексты с семантикой активного действия и движения. Предикат-действие характеризует оным опосредованно, через производимые им действия. В результате в сознании читателя запечатлевается образ активного, живущего полной жизнью человека. Личность в таком контексте раскрывается с разных сторон, читатель получает сведения об известном человеке, которые не найдешь в научной или учебной литературе: *Ахматова обвинила Волошина в тысяче сплетен-анекдотов про Мандельштама*.

По отношению к Осипу Эмилевичу предикативы данной группы используются только в тех случаях, когда речь идет о молодости поэта или о его литературной деятельности: *Как все тенишевы, О. М. вполне ловко ходил и на лыжах, и на коньках; Мандельштам выступал очень резко и оспаривал самое понятие «научная поэзия»*.

Предикаты-процессы мемуарист чаще всего использует в тех случаях, когда говорит об ахматовской и мандельштамовской манере письма: *Ахматова «работает одним голосом», то есть непрерывно*

вслушивается в него; *О. М. никогда не говорил, что стихи «написаны». Он сначала «сочинял», потом записывал.* Семантика процессуальности в подобных конструкциях осложнена авторскими комментариями, создающими меткую и объемную характеристику, актуализирующими запоминающуюся деталь, которая привлекает к себе особое внимание читателя.

С помощью **предикатов с семантикой качества или свойства** в тексте «Воспоминаний» реализуется особая предикативная качественность, т. е. субъектно-предикатная модель «носитель свойства – свойство»: *Ахматова была стара и беспомощна, и ее окружали претенденты на фантастическое наследство, которое, к счастью, получил сын; Очень Мандельштам обидчивый, подозрительный, заносчивый – вечно спорит, всех учит.*

В зависимости от источника характеристики классификация предикатов семантизирующей конструкции в нашей работе выглядит следующим образом: самопрезентация поэтов (4 и 10), авторская характеристика (16 и 12), взгляд на поэтов со стороны друзей и недоброжелателей (7 и 4).

Так, **самопрезентация** (4 и 10) встречается как по отношению к ониму *Анна Ахматова*, так и по отношению к ониму *Осип Мандельштам*: *«Какая есть, желаю вам другую», – сказала Ахматова...; Мандельштам в разговоре с Анной Андреевной как-то отметил: «Я – акмеист, и трехмерное пространство мне нужно, чтобы строить. А строить можно только в трехмерности».*

Интересно, что Н. Я. Мандельштам при описании самопрезентации Осипа Эмильевича использует конструкцию с косвенной речью, а в случае с Ахматовой воспроизводит ее слова дословно, т. е. вводит в текст конструкцию с прямой речью. Это объясняется тем, что «Воспоминания» написаны уже после смерти того, кому они посвящены.

Встречается в тексте мемуаров и откровенно выраженное **авторское отношение** к субъектам воспоминаний (16 и 12): *Я не назову Ахматову свободным человеком: слишком часто она попадала под власть общих концепций; Я всегда сомневалась, что в юности Мандельштама трясла любовная лихорадка: не тот человек.*

Перед нами прямые авторские характеристики, раскрывающие отношение мемуариста к героям воспоминаний. Здесь автор не довольствуется ролью рассказчика о конкретных событиях, которые происходили в жизни поэтов, он не просто сообщает отдельные факты, он их комментирует, включая в свои комментарии весьма субъективные

оценки, нередко противоречащие официальному мнению. Отметим, что такую роль Н. Я. Мандельштам берет на себя крайне редко. Мемуарист старается придерживаться беспристрастного изложения, но это не всегда ему удается.

Самыми редкими, но по-особому говорящими явлениями в тексте «Воспоминаний» стали **оценки** Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама **со стороны людей дальнего круга** (7 и 4) – завистников, обожателей, хулителей и почитателей.

Так, в «Воспоминаниях» встречаются положительные и отрицательные оценки жизни и творчества поэтов со стороны людей дальнего круга: *Он, наверное, объяснил, кто она: «наш лучший» или «наш старейший поэт»; В доме была присказка: «А кума ела наш хлеб»; Каблуков называл Мандельштама молодым левитом; Господа, читающие Леонтьева и называющие Мандельштама «жидовским наростом на чистом теле поэзии Тютчева», напишут еще не такие статьи о его прозе и стихах.*

Перед автором мемуаров стояла сложная задача – создать портреты живых людей, поэтому в тексте много предикатных номинаций, характеризующих поэтов. С помощью номинаций данного типа Осип Мандельштам и Анна Ахматова выделяются из общей массы, определяется масштабность их личностей, укрупняются разные человеческие качества.

В заключение отметим: нами выявлено 183 примера (19,4 % от общего количества) предикатных номинаций разных типов. Отличительная их особенность в том, что они содержат в своем значении мощный оценочный компонент. Автору мемуаров принципиально важно не только назвать главного героя, но и указать на предикативный (деятельностный или атрибутивный) признак, которым обладает именуемое лицо.

Итогом нашего исследования стала представленная классификация предикативных наименований лица в мемуарном тексте Н. Я. Мандельштам «Воспоминания» и ее качественно-количественное описание.

1. Мандельштам, Н. Я. Собрание сочинений: в 2 т. / Н. Я. Мандельштам. – Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества), 2014.

2. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.

3. Бакастова, Т. В. Имя собственное в художественном тексте / Т. В. Бакастова // Русская ономастика: сбор. науч. статей / Одесский гос. ун-т им. И. И. Мечникова; ответств. ред. Ю. А. Карпенко. – Одесса: ОГУ, 1984.

А. А. Романовская (Минск)

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

В современной духовной жизни важную роль играет культурный аспект словаря, связанный с мифологическими языковыми знаками (именами собственными и нарицательными), а следовательно, с античной культурой. Мифологические имена во многом носят специфический характер. Архаические в смысле осознания далеких эпох, они в малой степени отвечают потребностям повседневного общения, имеют ограниченное употребление во многих жанрах современной литературы. Этим, очевидно, и объясняются позиции словарей русского языка нормативного типа в отношении интересующих нас языковых знаков.

В некоторых случаях ощущается определенная тенденция к номенклатурному ограничению таких единиц и сокращенной подаче соответствующей культурной информации. *Фемида*: служители Фемиды; судьи, служащие суда [1, с. 557]. *Вакханалия*: 1) в античном мире: празднество в честь Вакха – бога вина и веселья; 2) крайняя степень беспорядка, неистового разгула [2, с. 59]. *Ариаднина нить*: о том, что помогает выйти из затруднительного, сложного положения (от имени *Ариадны*, героини греческой мифологии, давшей Тезею клубок ниток, чтобы помочь ему выйти из лабиринта) [2, с. 357]. Наричательное имя *химера*: 1) неосуществимая, несбыточная и странная мечта; 2) скульптура фантастического чудовища [2, с. 748]. Наричательные значения выявляются на основе мифологической семантики соответствующих собственных имен, в которой находят отражение как референциальная (отсылочная) характеристика мифологической реальности (Ариадна, героиня греческой мифологии, давшая Тезею клубок ниток, чтобы помочь ему выйти из лабиринта), так и символический смысл (Ариадна – символ любви/помощи).

Из группы мифологических единиц: о *Απόλλωνας* ‘Аполлон’, η *Θέμιδα* ‘Фемида’, ο *Νάρκισσος* ‘Нарцисс’, ο *Αχιλλέας* ‘Ахилл’, η *Αθηνά* ‘Афина’, η *Αφροδίτη* ‘Афродита’, η *Ψυχή* ‘Психея’, η *Αντίγονη* ‘Антигона’, ο *Ορφέας* ‘Орфей’, η *Ανδρόμεδα* ‘Андромеда’, ο *Ατλάντας* ‘Атлант’, η *Γαλατεία* ‘Галатея’, ο *Ικαρός* ‘Икар’, ο *Πυγμαλίωνας* ‘Пигмалион’, η *Μελπομένη* ‘Мельпомена’, ο *Προμηθεας* ‘Прометей’ – в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1986), например, не зафиксировано ни одного, кроме слова *нарцисс*, но только в значении ‘садовое луковичное растение с белыми или желтыми цветами’ [2, с. 333],

а также *ахиллесова пята* с пометой *книжн.* в значении 'уязвимое место кого-чего-нибудь [из древнегреческого мифа об Ахиллесе, тело которого было неуязвимо во всех местах, кроме пятки]' [2, с. 551].

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (1997) находим лексему *атлант* с пометой *спец.*: мужская статуя в полный рост – архитектурная деталь, заменяющая колонну, пилястр, кронштейн [по древнегреческому мифу о титане, держащем на плечах небесный свод] [3, с. 31]. Заслуживающими особого внимания, на наш взгляд, являются факты присутствия расширенной культурологической информации в дефинициях лексем *Атлант*, *Нарцисс* и фраземы *ахиллесова пята*, в «Современном толковом словаре русского языка» (2002 г.). *Нарцисс* в первом значении: в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, влюбившийся в свое собственное отражение в воде и заколовший себя от этой безнадёжной любви [4, с. 387]; *Атлант*: в древнегреческой мифологии титан, державший на своих плечах небесный свод в наказание за участие в борьбе с богами [4, с. 27]; *ахиллесова пята*: наиболее уязвимое место у кого-либо. По древнегреческому мифу, богиня Фетида, желая сделать своего сына Ахилла (Ахиллеса) бессмертным, окунула его в воды Стикса, держа за пятку, которая осталась единственным уязвимым местом на его теле; от раны в пятку Ахилл погиб [4, с. 659]. Данные факты подтверждают присутствие мифологических имен в языковом сознании и, кроме того, свидетельствуют о возрастании роли культурологического аспекта, связанного с отражением духовной культуры в современном толковом словаре.

Система мифологических имен собственных образует категориальную сферу естественного языка и, кроме того, особый мифологический слой языка. Семантика мифологического имени выявляется на основании мифа, в котором повествуется о происхождении, жизни, деятельности, смерти мифологического персонажа. За именем в мифе закреплено определенное содержание (*Гера* – имя супруги и сестры Зевса, верховной олимпийской богини, дочери Кроноса и Реи [5, с. 275]), на основании которого выявляется семантика имени. Если выявленный смысл содержит прямое указание на денотат, то мы имеем дело с мифологическим именем, обозначающим мифологическую реалию.

Объективное представление о том, как могут определяться такие, например, мифологические реалии, как *Афина*, *Антигона*, *Психея*, складывается при обращении к их греческим дефинициям. Ἀθηνά –

αγαπημένη Κόρη του Δία, Θεά της σοφίας, η οποία έδωσε το όνομα της στην Αθήνα. Προστάτιδα των Ελλήνων στον πολέμο τους με τους Τρώες και ιδιαίτερα του Οδυσσέα ‘Αφίνα – любимая дочь Зевса, богиня мудрости, которая дала имя Афинам. Защитница греков в войне с троянцами и покровительница Одиссея’ [6, σελ. 58; 7, σελ. 155–166; 8, σελ. 82]. Αντίγονη – κόρη οι Οιδίποδα. Όταν σκοτώθηκαν τα δύο αδέρφια της αποφάσισε να θάψει τον Πολυνίκη, αψηφώντας το νόμο του βασιλιά Κρέοντα και αυτό της στοίχισε τη ζωή ‘Антигона – дочь Эдипа. Несмотря на закон царя Креонта, она решила похоронить Полиника, одного из двух погибших братьев, и это стоило ей жизни’ [6, σελ. 59; 8, σελ. 202]. Ψυχή – μια όμορφη κόρη που την ερωτεύθηκε ο γιος της Αφροδίτης, ο Ερως και παρά τις αντιρρήσεις της μητέρας του κατάφερε να την παντρευτεί ‘Психея – одна красивая девушка, в которую влюбился сын Афродиты Эрос. Несмотря на возражения своей матери, он смог жениться на ней’ [6, σελ. 79; 8, σελ. 1993].

Данные описания привлекательны тем, что содержат, с одной стороны, информацию о мифологической реалии (*Αφίνα* – дочь Зевса, *Αντιгона* – дочь Эдипа, *Психея* – красивая девушка, в которую влюбился сын Афродиты Эрос), с другой – информацию, на основании которой имена собственные наполняются символическим содержанием (*Αφίνα* – *богиня мудрости*; *дала имя Афинам*; *защитница греков в войне с троянцами*; *покровительница Одиссея*). Иначе говоря, символическими носителями являются не мифологические реалии, но имена, собственные значения которых замещены символическим (метафорическим) прочтением: *Αφίνα* – символ мудрости, мастерства, справедливости, силы; *Αντιгона* – символ любви, храбрости; *Психея* – символ красоты, любви.

Мифологическое имя становится символом в силу проникновения в его означаемое сконденсированного содержания, отражающего аккумуляцию человеческого опыта, представления о мире в его земном, подземном, небесном существовании. Мифологический вербальный знак, обозначающий объект, персону мифа (действующее лицо) как реалию, наделенную символической функцией, становится символом. Значение символа как элемента культурного кода, представленного в языке вербальным знаком, формируется на основании семного анализа функций реалии (действующего лица) в древнегреческом мифе. Символ *Οδισсей* не указывает непосредственно на самого царя Итаки, а ассоциативно замещает идею ума, дружбы, богоборчества, хитрости и др., заключенную в образном понятии *Οδισсей*.

Античный символ – особый языковой знак, представляющий единство определенного мифологического содержания (означаемого) и его иконического отражения в форме вербально выраженного означающего. Означающее символа – наименование мифологической реалии. Означаемое репрезентирует понятие, основанное на образе и выявляемое посредством метафоры на основе мифа (выявленный смысл не содержит прямого указания на денотат).

В качестве символов не рассматриваются мифологические ипостаси, образы которых принимают на себя символические персонажи. Ипостась *‘ὁλότασις’* понимается как существо (сущность), близко, тесно примыкающее к кому-, чему-либо другому. Ипостасями являются обозначения животных, птиц, существ, названия растений, предметов, в мифологическом значении которых отражены функции и качества самих символических персонажей: ‘бык’ – *Зевс*; ‘олень’ – *Актеон*; ‘паук’ – *Арахна*; ‘собака’ – *Гекуба*; ‘лебедь’ – *Кикн*; ‘соловей’ – *Прокна*; ‘тростник’ – *Сиринга*; ‘гелиотроп’ – *Клития* и др.

Мифологические герои превращаются в явления и предметы природы, включая животных, птиц, насекомых. Так, *Аполлон*, в образе которого отразилось своеобразие греческой мифологии в ее историческом развитии, характеризуется наличием растительных функций, его близостью к земледелию и пастушеству. Тогда *Аполлон* превращается в лавр, дуб, кипарис, пальму, плющ и другие растения. Зооморфизм *Аполлона* проявляется в его отождествлении с вороном, лебедем, мышью, волком, бараном. Но, принимая другие образы, именно сам *Аполлон* продолжает выполнять определенные функции: *в образе ворона указывает, где надо основать город, в образе лебедя обращает в бегство Геракла* и т. д. Иными словами, персонаж является исполнителем функций и носителем качеств, на основании которых формируется семантика *Аполлона* как символа.

Не имеют символического прочтения обозначения мифологических атрибутов символических персонажей: *козлиная шкура* – атрибут *Диониса*; *трезубец* – атрибут *Посейдона*; *эгида* – атрибут *Афины*; *кифара* – атрибут *Аполлона* и др. Атрибуты – это функциональные и атрибутивные рудименты, которые сопутствуют символическому персонажу, указывая на его происхождение, на связь с животным и растительным миром. В античности *Посейдон* – символ могущества, созидания, разрушения. Трезубец является рудиментом *Посейдона*, как и лук, и стрелы *Аполлона*, жезл и крылатые сандалии *Гермеса* и др.

Рудименты – это, по сути, индексальные знаки, в которых мотивированность означающего означаемым носит метонимический харак-

тер. Например, атрибутами *Афины* являются сова и змея, атрибутами *Ареса* являются копьё, горящий факел, собака, коршун. Индексальные знаки указывают на тот или иной персонаж, делая его узнаваемым, отличающимся от других (например, *Музы* различимы по их атрибутам). Несомненным является факт возможности разделения рудиментов на атрибутивные и функциональные. В отличие от атрибутивных рудиментов, которые представляют собой чисто индексальные знаки, функциональные рудименты имеют символический смысл. Однако трезубец, лук, стрелы, крылатые сандалии, а также свирель (Аполлона), флейта (Пана) и др. выполняют функции помощников, а не действующих лиц, поэтому могут рассматриваться как мифологические знаки, обозначающие атрибуты символических персонажей.

Культурный аспект словаря, связанный с мифологическими языковыми знаками (в частности, с собственными именами и именами нарицательными), а следовательно, с античной культурой, играет важную роль в современной духовной жизни. Память античного символа не только хранит, но и традиционно воспроизводит от поколения к поколению культурно значимые смыслы, соотносимые с мифологическими слоями культуры. Символические способности имени собственного восстанавливаются благодаря контексту культуры и истории. Символами становятся не наименования мифологических реалий как таковые, но имена, собственные значения которых замещены символическим прочтением.

1. Словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд. – М.: Рус. язык, 1988. – Т. 4.

2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Рус. язык, 1986.

3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997.

4. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2002.

5. Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М.: Большая Рос. энцикл., 2003. – Т. 1.

6. Θεοί και Ηρώες. Μυθολογικό λεξικό. – Αθήνα: Έκδοσεις Εστρατική, 1996.

7. Καλλεργή, Δ. Οι δώδεκα Αθάνατοι Ολύμπιοι Θεοί / Δ. Καλλεργή. – Αθήνα: Ιδεοθεατρόν, 2004.

8. Μπαμπινιώτη, Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Ερμηνευτικό, Ετυμολογικό, Ορθογραφικό, Συνωνύμων – Αντιθέτων, Κυρίων Ονομάτων, Επιστημονικών όρων, Ακρωνυμίων / Γ. Μπαμπινιώτη. – Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας Ε.Π.Ε., 2002.

**ЛЕКСИКА ЭМОЦИЙ И ЧУВСТВ
В СТИХОТВОРЕНИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА «ОДА» И ЕЕ РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ УКЛОНЧИВОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Лексика, называющая эмоции и чувства в тексте стихотворения [1], немногочисленна: 19 словоупотреблений (18 лексем): I (строфа) – *для радости, и осторожно, и тревожно, плачу*; II – *улыбкою, в ненапряженном, почуяв, горечь*; III – *не огорчить, чувствует*; V – *несчастья, и желчью и слезами, с счастливыми*; VI – *улыбается улыбкою, счастье*; VII – *в... ласковых; для любви*. Более половины словоупотреблений (10 из 19-ти) имеют однокоренные слова в тексте: *улыбкою* (2) – *улыбается*; *горечь* – *не огорчить*; *счастье* – *несчастья* – *с счастливыми*; *почуяв* – *чувствует*; одна словоформа повторяется: *улыбкою* (2); все словоупотребления участвует в формировании симметрии текста. Лексико-семантическая и грамматическая симметрия заключается, во-первых, в равном количестве словоупотреблений, называющих положительные и отрицательные эмоции и чувства и их проявления (по 8: *для радости, улыбкою* (2), *с счастливыми, улыбается, счастье, в... ласковых, для любви* – и *осторожно, и тревожно, плачу, горечь, не огорчить, несчастья, и желчью, и слезами*); во-вторых, в равном количестве неповторяющихся словоупотреблений существительных, называющих положительные и отрицательные эмоции и чувства (по 4: *для радости, для любви, улыбкою, счастье* – *горечь, несчастья, и желчью, и слезами*); в-третьих, в равном количестве предложных форм имени (существительного и прилагательного) – и форм имени и отыменных наречий с повторяющимся сочинительным союзом (по 4: *для радости, для любви, в ненапряженном (свете), в (книгах) ласковых* – и *желчью, и слезами, и осторожно, и тревожно*); в-четвертых, в равном количестве форм имени – и форм отыменных наречий с повторяющимся союзом *и* (по 2: *и желчью, и слезами* – и *осторожно, и тревожно*); в-пятых, в равном количестве предложно-падежных форм существительных чувства и существительных, определяемых прилагательными эмоций (по 2: *для радости, для любви* – *в ненапряженном свете, в книгах ласковых*). Из пяти глаголов чувства лишь один глагол *плачу* не реализует словообразовательные связи *чувствует* (III) – *почуяв* (II); *не огорчить* (III) – *горечь* (II), *улыбается* (VI) – *улыбкою* (II, VI). Словообразовательная «изолированность» словоформы *плачу* в тексте «Оды» символична и неоднозначна: что

обозначено этой глагольной формой – симптом душевного состояния адресанта или ритуальное оплакивание еще здравствующего адресата? Такой ли уж верноподданнической покажется «Ода» Сталину, если принять во внимание и ее заключительную строчку: *его мы слышали и мы его застали*, которая вместе с первой строкой: *когда б я уголь взял для высшей похвалы* – создает «обрамление» текста? Бессмысленность и недолговечность – вот глубинные ассоциации, реализующиеся в первом и в последнем четверостишиях «Оды»: рисунок углем быстро исчезает (уголь осыпается), *воздух расчертить на острые углы* невозможно (как и высечь воду), а *застать* можно лишь того, кто уйдет.

Корреляция фонетического и лексического значений. Обратимся к V строфе, в содержании которой доминирует описание эмоционального состояния лирического героя. Фонетический состав V строфы классифицирован по тем признакам звуков русского языка, которые были определены А. П. Журавлевым с применением принципа шкалы Ч. Осгуда (например: [ж], [ф], [х] – плохие, отталкивающие, страшные; [ш] – плохой, страшный; [ш'ш'] – отталкивающий, страшный; [с] – плохой, отталкивающий; [тс] – плохой; [т'ш'] – низменный; [г] – злобный; [з], [к], [р] – страшные) [2]. Пятая строфа включает 51 сонорный звук с положительной оценкой (13 [н], 8 [н'], 3 [м], 8 [м'], 7 [л], 12 [л']) и 85 звуков, которые оцениваются отрицательно: 33 свистящих – 16 [с'], 8 [с], 4 [з], 2 [з'], 3 [тс]; 29 шипящих – 11 [т'ш'], 9 [ш'ш'], 6 [ш], 2 [ж], 1 [жж]; 23 лабиодентальных глухих и заднеязычных глухих и звонких – 6 [ф], 4 [х], 1 [х'], 9 [к], 3 [г]; 6 дрожащих сонорных [р]. Звуков с отрицательной оценкой в 1,7 раза больше, чем звуков с положительной оценкой. Причем среди звуков, имеющих отрицательную оценку, шипящих и свистящих в 2 раза больше, чем лабиодентальных, заднеязычных, сонорных (62–29); преобладают звуки с более сложной артикуляцией (55–30). В последнем четверостишии пятой строфы (V.3), где речь идет об отчаянии одиночества лирического героя, содержится меньше, чем в V.1 и в V.2, звуков с отрицательной оценкой (29–35–27) и, наоборот, больше, чем в других четверостишиях, сонорных звуков ([м], [м'], [н], [н'], [л], [л']) с положительной оценкой (13–13–21). Во всех трех четверостишиях пятой строфы приблизительно одинаковое количество шипящих (10–10–9); свистящие звуки распределены менее равномерно (12–9–12).

Назовем строки всех трех четверостиший V строфы (V.1, V.2, V.3), которые включают больше всего «отрицательных» звуков, а именно – 10: первая строка в V.1, где речь идет о сосредоточенности на образе

вождя: *сжимаемая уголек, в котором все сошлось*; четвертая строка в V.2, из содержания которой следует семантический вывод о безнадежности заявленного поиска смысла в трагедии происходящих событий: *я разыщу его в случайностях их чада*; третья строка в V.3, главное содержание которой – констатация болезненной одержимости образом вождя: *он все мне чудится в шинели, в картузе*.

Меньше всего «отрицательных» звуков (4) содержится в первой строке V.3, где в уступительной конструкции каждое слово рефлексии – правда об одиночестве поэта, о тоске по друзьям и литературному окружению: *пусть недостоин я еще иметь друзей*.

В V строфе в целом самое насыщенное «отрицательными» звуками – второе четверостишие (V.2): *Я у него учусь, не для себя учась. / Я у него учусь – к себе не зная пощады, / Несчастья скроют ли большого плана часть, / Я разыщу его в случайностях их чада...* В нем уклончивость формируется приемом языковой демагогии, квазириторическим вопросом, анафорической отсылкой, а преодолевается не только с помощью грамматической семантики, но в значительной степени и реконструируемой метафорой (*в случайностях чада несчастий*), в которой лексическая семантика (*чад* – то, что мешает дышать, видеть и четко осознавать происходящее) подкрепляется фонетическим значением. Формально в последних строках четверостиший V.2 и V.3 последовательность шипящих: [ш'ш'] – [т'ш'] – [т'ш']; [т'ш'] – [т'ш'] – [ш'ш'] характеризуется обратной корреляцией.

Семиотическая специфика V.3 такова, что в виртуальной ситуации описания присутствует оппозиция реального (эмоции лирического героя) и виртуального (его видения). Эта оппозиция сопровождается оппозицией отрицательного и положительного (эмоции лирического героя – эмоции вождя: *Пусть недостоин я еще иметь друзей, / Пусть не насыщен я и желчью и слезами. / Он все мне чудится в шинели, в картузе, / На чудной площади, с счастливыми глазами*. Оппозиция сигнификативного аспекта лексического значения и эмоционально-оценочного значения фонетических единиц сконцентрирована в предложно-падежной форме *с счастливыми*, где в результате диерезы и полной ассимиляции удлиняется шипящий: [с ст'ш'] > [с'ш'ш'] > [ш'ш'ш']. В последней строке пятой строфы наблюдается градуальное удлинение шипящего: [т'ш'] – [ш'ш'] – [ш'ш'ш'] (*на чудной – площади – с счастливыми*), что затрудняет фонацию и ассоциируется с усилением угрозы на фоне нарисованной идиллической картинке (явление Сталина лирическому герою). В стихотворении «К немецкой ре-

чи», написанном 8–12 августа 1932 г., за 5 лет до «Оды» (январь–февраль 1937 г.) Осин Мандельштам сам метафорически точно определил роль фонетики в снятии уклончивости поэтического текста: *Звук сужился. Слова шипят, бунтуют...* [3].

Грамматическая симметрия в употреблении лексики чувств и эмоций. Некоторые ритмы поэтического текста задаются собственно лексической и лексико-грамматической семантикой. Лексика чувств и эмоций в «Оде» включает 9 словоупотреблений существительных, 5 – глаголов (4 личные формы и 1 деепричастие), 3 – прилагательных, 2 – адъективных наречий; количество словоупотреблений разных частей речи здесь подчиняется формуле: $n_1 \times 2 - 1$. В центральных падежах стоят 5 словоупотреблений существительных: И. п. (2), Р. п. (2), В. п. (1): *счастье, несчастье, для радости, для любви, горечь*. Эмоции человека и их проявления обозначены 5-ю именами в периферийном Т. п. (*улыбкою /2/, желчью, слезами – /с/ счастливыми*). 5 словоупотреблений тождественны или связаны словообразовательно: *улыбкою* (2), *счастье – несчастья – с счастливыми*. Предложные формы имеют 2 существительных в центральном Р. п. (*для радости, для любви*) и 2 прилагательных в периферийном П. п. (*в ласковых, в напряженном*). Глаголы образуют двойные парные оппозиции: 2 из них – гиперонимы (*чувствует, почуяв*), 2 – называют проявления противоположных чувств (*плачу – улыбается*).

Глаголы эмоций и чувств и специфика их функционирования в тексте. Текст «Оды» содержит 5 глаголов, обозначающих эмоции и чувства: *плачу* (I строфа), *почуяв* (II), *не огорчить* (III), *чувствует* (III), *улыбается* (VI). Из них 3 личные формы (*я... плачу – кто... чувствует, он улыбается*). Антитеза 1 и 3 лица сопровождается антитезой симптомов положительных и отрицательных эмоций (адресанта – и адресата), а прагматика позволяет реконструировать причинно-следственные связи. Гипероним *чувствует* помещен в ряд однородных членов: *кто мыслит, чувствует и строит*. В перечне используется не глагол *думать* со значением объектно-предметно ориентированной умственной активности, а глагол *мыслить*, обозначающий феномен умственной активности как таковой; глагол мышления, в котором, в отличие от глагола *думать*, отсутствует значение ‘заботиться, беспокоиться о ком-чем’. Декларируя единство Сталина с народом, поэт использует не частные номинации для определения функций вождя (*думать о ком-л., заботиться о ком-л., сочувствовать кому-л.*), а общие (*мыслит, чувствует*), не соотносящиеся с объектом мыслей и

чувств (отдельным человеком или народом). Единственный инфинитив (*не огорчить*) употребляется в значении императива (ср.: *не ходить, не бросать, не курить*), но грамматическая семантика повелительного наклонения ослабляется лексической семантикой: переходные глаголы чувств и эмоций определяют минимальное воздействие на прямой объект. При употреблении деепричастия *почуяв* нарушается лексическая сочетаемость (*К которому, к нему, – вдруг узнаешь отца / И задыхаешься, почувяв мира близость*): почувать можно опасность, а не близкого человека. Глагол *задыхаешься* не относится к лексике эмоций и чувств, но речевой и внеязыковой контексты позволяют понять его как номинацию симптома панической атаки, при которой учащается сердцебиение, дыхание становится поверхностным, а субъекту переживания кажется, что он задыхается. Метафора не лжет, потому что, сметая языковые конвенции, обнажает бессознательное: лирическому герою враждебен мир, олицетворением которого является адресат «Оды».

1. Мандельштам, О. Э. Ода / О. Э. Мандельштам // Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 311–313.

2. Журавлев, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.

3. Мандельштам, О. Э. К немецкой речи / О. Э. Мандельштам // Полное собрание сочинений и писем. В трех томах. Том первый. Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – С. 179–180.

О. И. Степанова (Минск)

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ НОЗОЛОГИЧЕСКИХ НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

Категория принадлежности (посессивности) – универсальная языковая категория, которая указывает на отношения, возникающие между владельцем (другими словами, собственником/посессором) и объектом его владения. Посессором обычно является одушевленный субъект. Объектом владения может выступать не только конкретный предмет, но и «действие или качество, представленное языком как своего рода субстанция» [1, с. 203].

Структура данной категории в лингвистике понимается неоднозначно. Узкое понимание посессивности предполагает ситуацию «соб-

ственно владения» – принадлежности неодушевленного объекта одушевленному субъекту. Желательным условием при этом является «отсутствие временных ограничений на отношения посессивности» [2, с. 39]. В более широком понимании, на которое мы ориентировались в данной работе, значение посессивности характеризует отношения посессора и его признака/свойства, а также отношения части и целого – партитивность. Понятие партитивности тесно связано с понятием отчуждаемости/неотчуждаемости (отторжимости/неотторжимости). Установлено, что отношения посессивности чаще всего возникают между человеком и его родственниками; человеком и его материальной собственностью; человеком и культурными/интеллектуальными продуктами его деятельности; организмом человека/животного и его органами/частями.

Ученые неоднократно указывали на связь категорий посессивности и локативности [2, 3, 4, 5], поскольку для реализации отношений принадлежности необходимо «пространственное приближение между посессором и объектом» [2, с. 39].

Значение принадлежности может быть выражено различными языковыми средствами. На лексическом уровне – глаголами *иметь*, *владеть*, *принадлежать*, *обладать* и т. п.; именами существительными *владелец*, *собственник*, *хозяин* и т. п. На грамматическом уровне – при помощи родительного падежа (конструкция «у + родительный падеж») и др. Главную роль в репрезентации посессивной семантики играют разряды притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных.

Мы считаем, что категория принадлежности наряду с категориями предметности, процессуальности, признаковости, компаративности, нумеральности и темпоральности может составлять основу именования русских нетерминологических названий болезней – слов и словосочетаний, которые называют заболевания, однако не являются нозологическими терминами (*волынская лихорадка*, *медвежья болезнь*, *мексиканский тиф*, *лисья короста*, *ленивая смерть*, *черная болезнь* и др.).

Цель работы – определить место категории принадлежности в качестве основы русских нетерминологических нозологических номинаций. Материалом исследования послужили русские производные нетерминологические нозологические наименования в количестве более 1000 единиц, извлеченные методом сплошной выборки из толковых, диалектных, этимологических и исторических словарей [6, 7, 8, 9, 10].

В качестве метода исследования выступает ономазиологический анализ с опорой на номинативное суждение (НС). НС – инструмент познания мотивов возникновения имени [11, с. 37]. Следует отметить, что исследования подобного рода ранее не проводились.

Мы считаем, что категория принадлежности положена в основу образования нозологической единицы в том случае, если привлеченным к именованию оказался признак по принадлежности либо обладанию. Установить, что наименование заболевания возникло с опорой на категорию принадлежности, можно в ходе анализа смысловых отношений между компонентами ономазиологической структуры (ОС) нозологического наименования – ономазиологическим базисом (ОБ) и ономазиологическим признаком (ОП). В ОС наименования категория принадлежности соотносится с ономазиологическим признаком. Количество номинативных единиц, в ономазиологической структуре которых присутствует посессивный ономазиологический признак, в корпусе анализируемого материала невелико. Нами было зафиксировано менее 5 % нозологических единиц подобного рода (*стопа спортсмена*, *конская походка*, *сердце старого сержанта* и т. п.). Все они являются неоднословными. Это соответствует общей тенденции выражения посессивности: «в процессе номинативной деривации признак по принадлежности чаще реализуется аналитически, в неоднословной единице, и значительно реже в однословной» [11, с. 114]. Анализ показал, что данная группа номинаций неоднородна по своему составу. С одной стороны, ее формируют названия болезней, ОП которых соотносится только с категорией посессивности, с другой стороны – номинативные единицы, чей ОП одновременно соотносится с категориями компаративности и посессивности. Проиллюстрируем вышесказанное. Так, ОС номинации *солдатское сердце* в значении ‘военный посттравматический синдром’ выглядит следующим образом. НС: *солдатское сердце* – это сердце солдата. В ономазиологической структуре данного наименования выявляются отношения партитативности (целое – часть). ОБ – *сердце*. ОП выражен притяжательным прилагательным *солдатское*. Аналогичной является ОС наименований *сердце старого сержанта* (‘военный посттравматический синдром’), *стопа атлета* (‘эпидермофития’), *стопа спортсмена* (‘эпидермофития’), *ухо пловца* (‘наружный отит’) и т. п. Мы считаем возможным отнести подобного рода номинации к посессивному номинативному типу.

Обратимся к анализу еще одной подгруппы номинативных единиц, репрезентирующих категорию посессивности. В ее состав входят наи-

менования *птичьи глазки* ('один из видов профессионального дерматоза'), *заячья губа* ('незаращение неба'), *волчья пасть* ('незаращение неба'), *сучье вымя* ('гидраденит'), *куриная слепота* ('гемералопия') и т. п. На наш взгляд, подобного рода наименования формируют компаративно-посессивный тип нозологических нетерминологических единиц, поскольку в основе перечисленных номинаций лежит сравнение пораженного органа или части тела человека с аналогичным органом/частью тела, принадлежащим животному. Так, *тюленья лапа* – это деформация кисти человека, при которой она напоминает плавник тюленя. ОП – *как лапа тюленя*. Иногда симптом заболевания сравнивается со свойством/признаком, характерным для того или иного животного/сверхъестественного существа. Сравним: *рука вампира*, *петушиная походка*, *лошадиная походка*, *конская походка*, *вороньи сапоги*, *куриная слепота* и т. п. Так, *рука вампира* ('гиперкератоз фрамбезийный') – это заболевание, при котором рука больного напоминает руку вампира из-за чрезмерного утолщения рогового слоя кожи, а также множественных высыпаний на коже (чаще на ладонях и подошвах человека). ОП – *как рука вампира*. ОП перечисленных наименований одновременно соотносится с категориями компаративности и посессивности.

Приведенные номинации необходимо отличать от номинативных единиц типа *тигровое сердце*, *собачья лихорадка*, *крысиный тиф*, *кроличья болезнь*, *заячья болезнь*, *львиная болезнь*, *болезнь оленьей мухи* и др. Анализ смысловых отношений в ОС подобного рода наименований указывает на то, что их ОП соотносится с категорией предметности либо с категорией компаративности. Например, *тигровое сердце* ('паренхиматозная дистрофия') – это болезнь, при которой сердце человека из-за того, что на его разрезе под эндокардом различимы тонкие желто-белые полосы, напоминает шкуру тигра. ОП – *как тигр*. *Львиная болезнь* ('лепра') – это болезнь, при которой лицо человека напоминает морду льва. ОП – *как лев*. ОП в обоих примерах имеют компаративную природу. ОП номинаций *мышинная лихорадка* ('геморрагическая лихорадка с почечным синдромом'), *заячья болезнь* ('туляремия') и под. соотносятся с категорией предметности и указывают на переносчика заболевания. ОП – *от мыши / от зайца*.

Необходимо отметить, что в основе процесса возникновения номинативных единиц, репрезентирующих категорию посессивности, почти всегда лежит метонимия («пораженный орган – название болезни»), а зачастую и метафора. Следовательно, посессивность положена в основу метонимического переноса.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что, несмотря на значимость категории посессивности для русской нозологической номинации, посессивный номинативный тип не отличается особой многочисленностью. Более того, данная категория как основа именования заболевания выступает чаще всего в сочетании с категорией компаративности. Ономасиологический признак в структуре наименований болезней последовательно реализует лишь одно из значений категории принадлежности – паритативности.

1. Цейтлин, С. Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком // Семантические категории в детской речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iling.spb.ru/grammatikon/mater/dr2007/pdf/tseytlin_dr2007.pdf. – Дата доступа: 10.10.2019.

2. Heine, B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization / B. Heine. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 39.

3. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / под ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996.

4. Seiler, H. Possession as an operational dimension of language / H. Seiler. – Tübingen: Gunter Narr, 1983. – P. 4.

5. Милованова, М. В. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-posessivnosti-problemy-opredeleniya-i-struktury>. – Дата доступа: 10.10.2019.

6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/> – Дата доступа: 10.10.2019.

7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 15-е изд. – М.: Русский язык, 1984.

8. Филин, Ф. П. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=88556&p=1>. – Дата доступа: 10.10.2019.

9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1.

10. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.slovorod.ru/etym-cher>. – Дата доступа: 15.09.2018.

11. Трофимович, Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности: моногр. / Т. Г. Трофимович. – Минск: БГПУ, 2003.

А. В. Сульжук (Минск)

ЗАПОЛНИТЕЛИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЛАКУН КАК АНАЛИТИЧЕСКИЕ НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Вопрос о разных номинативных средствах возникал не раз. Так, основной языковой единицей, которая выполняет номинативную функцию, в первую очередь признавалось слово. В лингвистической литературе выделялись и другие, более сложные номинативные средства – словосочетание, предложение. Меньше внимания уделяется возможности аффиксов выполнять номинативную функцию.

Заполнители лакун – это средства компенсации, структурный диапазон которых варьирует от предложно-падежных сочетаний до сложных конструкций: простых и сложных словосочетаний, фразеологизмов.

В данной статье проводится анализ заполнителей лексических лакун как аналитических единиц на материале русского и украинского языков. Источником языкового материала послужил «Новейший русско-украинский, украинско-русский словарь (100000 слов)» А. Ю. Петраковского [1].

Заполнители лексических лакун – номинативные единицы, всегда более сложные, чем слово. Они представлены следующими структурными типами.

Заполнители лакун – простые словосочетания. Основное количество заполнителей лакун – простые словосочетания, большинство которых представлено глагольными сочетаниями. Это значит, что среди слов, которым соответствуют заполнители лакун, больше всего глаголов; приблизительно половина из всех случаев в межъязыковых соответствиях цельнооформленный номинант – раздельнооформленный номинант: укр. *батькувати* – рус. *быть отцом*, укр. *гайдамакувати* – рус. *быть гайдамаком*, укр. *гіршати* – рус. *становиться хуже*, укр. *мірошникувати* – рус. *быть мельником*, укр. *кочегарити* – рус. *работать кочегаром*; рус. *соучаствовать* – укр. *брати участь*, рус. *молебствовать* – укр. *правити молебень*, рус. *сачковать* – укр. *ловити сачком*.

Среди русских глагольных заполнителей лакун большинство составляют сочетания с зависимым существительным и прилагательным, среди украинских – с зависимыми наречием и существительным. Наличие зависимого компонента в виде той или иной части речи, ско-

рее всего, обусловлено словообразовательной структурой цельно-оформленной номинации.

Второе место по количеству занимают субстантивные сочетания: укр. *науковець* – рус. *научный сотрудник*, укр. *кукурудзиння* – рус. *стебли кукурузы*, укр. *пасльонина* – рус. *ягода паслена*; рус. *краснуха* – укр. *червона висипка*, рус. *свинчак* – укр. *сульфід свинцю*, рус. *чернота* – укр. *чорна хвороба*, рус. *сгущенка* – укр. *згущене молоко*.

Значительно меньше адъективных словосочетаний: укр. *баюристий* – рус. *покрытый лужами*, укр. *великорозмірний* – рус. *большого размера*, укр. *весільна* – рус. *свадебная песня*; рус. *мутоновый* – укр. *з овчої шкури*, рус. *слабонервный* – укр. *із слабкими нервами*.

Наречных словосочетаний немного меньше, чем адъективных: укр. *вогкувато* – рус. *немного влажно*, укр. *гіршає* – рус. *становиться хуже*, укр. *запізно* – рус. *слишком поздно*, укр. *зарання* – рус. *рано утром*; рус. *втридорога* – укр. *втричі дорожче*.

Словосочетания с другими словами в качестве главного слова представлены отдельными примерами, из которых в русском языке преобладают причастные словосочетания, что для украинского языка нехарактерно: укр. *дримливий* – рус. *наводящий дремоту*, укр. *знепритомнілий* – рус. *потерявший сознание*, укр. *кетяжистий* – рус. *покрытый гроздьями*, укр. *можновладці* – рус. *власть имущие*; рус. *впелхават* – укр. *перехоплюючи рукою*, рус. *п'ятью* – укр. *п'ять разів по*.

Заполнители лакун – сложные словосочетания. Заполнителей лакун – сложных словосочетаний немного: меньше ста в украинском языке, в русском же около пятидесяти. Ср.: укр. *близнючка* – рус. *близнец женского пола*, укр. *валовий* – рус. *сделанный из пакляных ниток*, укр. *вапнярка* – рус. *печь для выжигания извести*, укр. *ватагувати* – рус. *быть старшим над чабанами*, укр. *закарткувати* – рус. *разместить карточки в алфавитном порядке*; рус. *беспокоящий* – укр. *який завдає клопоту*, рус. *главенствующий* – укр. *який має зверхність*, рус. *жаждущий* – укр. *який хоче пити*, рус. *кривоглазый* – укр. *сліпий на одне око*.

Словосочетания чаще, чем другие раздельнооформленные наименования были в центре внимания ученых, которые обращали внимание на номинативную функцию этих языковых единиц.

Заполнители лакун – сложные словосочетания с определительным комплексом. Такие конструкции наблюдаются только среди русских заполнителей лакун. В качестве определительного комплекса может выступать:

а) дополнительная определительная часть: укр. *капустище* – рус. *место, на котором росла капуста*, укр. *картоплище* – рус. *место, с которого был снят картофель*;

б) причастный оборот: укр. *заноза* – рус. *палка, скрепляющая ярмо на шее вола*, укр. *запаска* – рус. *род женской одежды, заменяющей юбку*, укр. *калганівка* – рус. *водка, настоянная на калгане*, укр. *копанка* – рус. *яма, вырытая для собирания воды*, укр. *купина* – рус. *зелень, растущая на кочке*.

Сложные номинативные единицы с причастным оборотом могут быть легко трансформированы в номинативные единицы с дополнительной определительной частью (укр. *купина* – рус. *зелень, растущая на кочке* – *зелень, которая растет на кочке*) или (не всегда) в словосочетания (укр. *копанка* – рус. *яма, вырытая для собирания воды* – *яма для воды*).

Иногда правая часть подобных сложных конструкций может эллиптироваться. Конструкции именно такого типа соответствуют русским причастиям: рус. *бредущий* – укр. *який голить*, рус. *зимующий* – укр. *який зимує*, рус. *проходящий* – укр. *який проходить*.

Заполнители лакун – предложно-падежные сочетания. Таких заполнителей лакун 5 в украинском языке и 26 в русском. Ср.: укр. *безгрунтовий* – рус. *без почвы*, укр. *вдиковижу* – рус. *в диковинку*, укр. *велінням* – рус. *по велению*, укр. *загалом* – рус. *в общем*, укр. *навколішках* – рус. *на коленях*; рус. *взаимы* – укр. *у позику*, рус. *понаслышке* – укр. *з чуток*.

Заполнители лакун – слова с отрицанием: укр. *легковажити* – рус. *не беречь*, укр. *незчутися* – рус. *не заметить*, укр. *нівроку* – рус. *не сглазить бы*, укр. *нізащо* – рус. *ни за что*, укр. *нічичирк* – рус. *ни гу-гу*.

Заполнители лакун – фразеологизмы: укр. *беляндрасити* – рус. *лясы точить*, укр. *братки* – рус. *анютины глазки*, укр. *вирій* – рус. *теплые края*, укр. *грицики* – рус. *пастушья сумка*, укр. *залізниця* – рус. *железная дорожка*; рус. *жемчужница* – укр. *перлова слойка*, рус. *курслеп* – укр. *куряча сліпота*, рус. *сабельник* – укр. *вовче тіло*.

Заполнители лакун – слова с соединительной связью. Такие примеры есть только в русском языке и их только 4: укр. *белебень* – рус. *возвышенное и открытое место*, укр. *верейка* – рус. *плетенка для овощей и фруктов*, укр. *квітчатися* – рус. *украшаться цветами и зеленью*, укр. *молодиця* – рус. *молодая и замужняя женщина*.

К рассмотренным типам номинативных единиц примыкают языковые средства – **заполнители лакун, соответствующие неполнознач-**

ным словам, которые не обладают самостоятельной номинативной функцией. В отличие от неполнозначных слов и словосочетаний эта функция в них связана и проявляется в большей или меньшей степени только в контексте. Такие примеры есть только в русском языке, и их всего 4: укр. *аби* – рус. *лишь бы*, укр. *абощо* – рус. *что ли*, укр. *начебто* – рус. *будто бы*, укр. *отож* – рус. *так вот*.

Таким образом, из всех рассмотренных типов заполнителей лакун украинскому языку не присущи третий, седьмой и, в значительной степени, второй, что свидетельствует, с одной стороны, о большем аналитизме русского языка в сравнении с украинским языком, с другой – о семантической емкости тех украинских слов, наиболее подробно передать значения которых могут только русские многокомпонентные синтаксические конструкции. Наличие последних и обусловлено семантической емкостью украинских слов. Правда, если учитывать существование украинских заполнителей лакун, которые соответствуют русским причастиям, и понаблюдать за их функционированием, то можно заметить, что из двух одинаковых по содержанию текстов (украинского и русского) украинский более развернутый, чем русский. Это связано с высокой частотностью использования причастий в русском языке и с невысокой – в украинском. Тем не менее, еще раз подчеркнем, что вопрос о переводе причастий на украинский язык требует, на наш взгляд, отдельного рассмотрения, потому что передача их придаточным предложением – только одна из форм межъязыковой трансформации. «Большой аналитизм русского языка просматривается не только на фоне украинского языка, но и на фоне других славянских языков: белорусского, чешского, словацкого, польского, болгарского, сербского» [2, с. 97]. Мы, безусловно, понимаем, что наш вывод о большем аналитизме русского языка в сравнении с украинским языком основывается на сопоставлении фрагментов языков, а не на их глобальном сопоставлении. Это является хоть и одним, но важным фактором в пользу такого вывода. Он делается на основании того, что заполнители лакун русского (украинского) языка – единственно возможные соответствия цельнооформленных номинаций украинского (русского) языка, который имеет и аналитические номинации в качестве синонимов к основным номинативным средствам – словам: укр. *вапнярка* – *піч для випалювання вапна* – рус. *печь для выжигания извести*. Таких единственно возможных аналитизмов больше в русском языке.

Заметим, разговор идет об аналитических номинациях – заполнителях лакун, за которыми два языка имеют в целом одинаковый набор

номинативных средств. «Основные способы номинации... являются, видимо, универсальными (или почти универсальными) и занимают центральное место в системе номинативных средств в принципе любого языка. И специфика словаря, таким образом, обеспечивается не только индивидуальным набором тех или иных способов наименования, сколько их неодинаковой удельной массой в рамках разных языков» [3, с. 45]. Большая часть цельнооформленных номинаций в каких-нибудь лексических зонах одного языка в сравнении с другим и свидетельствует именно о неодинаковой удельной массе в языках сопоставления, например слов с определенным суффиксом, а не об отсутствии в одном из них суффиксальных образований как средств номинации.

1. Петраковский, А. Ю. Новейший русско-украинский, украинско-русский словарь (100 000 слов) / А. Ю. Петраковский. – Харьков: Проминь, 2012.

2. Роўда, І. С. Рознаўзроўнёвая намінацыйная адпаведнасць беларускай і рускай моў (у сувязі з праблемай лексічных лакунаў) / І. С. Роўда. – Мінск: БДУ, 1999.

3. Журавлев, А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке / А. Ф. Журавлев. – М.: Наука, 1982.

А. В. Тучинский (Минск)

КАТЕГОРИЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТИ: РУССКИЕ МОТИВИРОВАННЫЕ НОМИНАЦИИ

Концептосферы близких по происхождению и культуре народов могут в определенных сегментах совпадать, что в условиях постоянного взаимодействия языковых картин мира проявляется в переносе культурных концептов, которые находят отражение в реалиях конкретного языка.

В случае отсутствия концепта в культуре соизучаемого языка его трансляция на этот язык осложняется вследствие межъязыковой лексической лакунарности, т. к. отсутствие концепта влечет за собой отсутствие однозначной лексической единицы в другом языке. Такая ситуация наблюдается при переводе **мотивированных** реалий, под которыми понимают обозначение в языке лексической единицей культурного концепта, существующего исключительно в данном языке и данной культуре. Основным критерием выявления мотивированных реалий является факт отсутствия явления или предмета в националь-

ной культуре принимающего языка: то, что присутствует в культуре и номинировано в языке людей одной национальности, не всегда присутствует в культуре людей другой национальности.

Мотивированные русские единицы безэквивалентной лексики в отношении французского и английского языков являются ярким выразителем национального колорита русской (шире – славянской) культуры. При знакомстве француза или англичанина с белорусской/русской действительностью возникает необходимость формирования у них соответствующего концепта, который способен облегчить восприятие сообщения. Так, французское и английское мышление не знакомо с концептом «щи», поскольку сам предмет в их культурах отсутствует. Если возникает необходимость упомянуть данный концепт в речи, французы и англичане либо используют в своей речи варваризм, называя *щи* по-русски, либо прибегают к описательному обороту типа *russe kasha*. На этом основании культурный концепт «щи» отнесен к абсолютным мотивированным реалиям русского языка [1, с. 317]. В данную группу вошли также следующие ЛЕ: *kasha* – *kacha* ‘plat populaire russe à base de bouillie de sarrasin, de millet etc.’, *пельмени* – *pelmenis* ‘sorte de ravioli russes’, *пирожки* – *pirojki* ‘sorte de petits pâtés farcis de viande, de légumes, de pommes etc.’. В условиях изучения французского языка как второго иностранного важно было установить, что данные ЛЕ являются абсолютными реалиями и по отношению к английскому языку: *kasha* (*dish of cooked grain*), *gruel*; *pelmeni* (*kind of ravioli*), *meat dumplings*; *pasty*, *patty*, *pie*.

Абсолютные реалии славянской жизни должны быть особым образом актуализированы в сознании переводчика. Приведем некоторые примеры: «*катюша*» ‘appellation familière de la lance-fusées multiple, mounted multiple rocket launcher’, *зачем* ‘épreuve, interrogation, examen blanc, test de contrôle, credit test’, *нанупоса* ‘cigarette russe (de tabac brun malodorant), cigarette (of Russian type with cardboard mouthpiece)’, *Гулаг* ‘direction générale des camps (camp de travail forcé en URSS)’, *каравай* ‘большой круглый хлеб’, *блат* ‘blat ‘l’influence, les relations, le piston; protection, pull, by backstair(s), influence’, *номенклатура* ‘nomenclature, la liste secrète de ceux qui détiennent des postes clefs et qui sont sélectionnés par les chefs du Parti, nomenclature’, *одноколейка* ‘chemin de fer à une voie, single-track’, *прописка* ‘règlement soviétique qui consiste à avoir sur sa carte d’identité l’indication du domicile fixe; permis de résidence, registration of residence permit’.

Исследуемая лексика включает единицы, в которых наиболее ярко выражена специфика русской национальной картины мира и которые связаны с историей страны, значимыми военными событиями, названиями лиц, памятными местами, памятниками архитектуры:

– история страны: *Аврора* ‘военный корабль, крейсер Балтийского флота, команда которого приняла активное участие в Октябрьской революции 1917 г.’, *Андреевский флаг* ‘флаг Военно-Морского Флота Российской Федерации, представляет собой белое полотнище, пересеченное по диагонали двумя синими полосами, образующими косой крест, который называется *Андреевским* в честь апостола Андрея Первозванного, распятого, по христианскому преданию, на косом кресте’, *Белая гвардия* ‘наименование военных формирований контрреволюционного Белого движения, боровшихся в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) против советской власти’, *«Варяг»* ‘один из лучших крейсеров Российской империи начала XX в.’, *Георгиевский крест* ‘один из наиболее чтимых в Российской армии орденов’, *икона* ‘в христианской религии живописное изображение Бога, святого или святых; предмет поклонения’, *кремль* ‘внутренняя крепость в старинных русских городах’, *Кремлевские куранты* ‘часы на Спасской башне Московского Кремля’, *Кунсткамера* ‘первый музей России’, *оттепель (эпоха)* ‘образное наименование периода относительной демократизации и либерализации общественной жизни в СССР, начавшегося после смерти И. В. Сталина (1953 г.) и продолжавшегося до начала 60-х гг.’, *перестройка* ‘период реформ и преобразований в общественно-политической, экономической, научной и культурной жизни Советского Союза (1985–1991 гг.)’;

– значимые военные события: *Бородино (Бородинское сражение)* ‘крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 г. между русской армией под командованием генерала М. И. Кутузова и французской армией Наполеона I Бонапарта, состоялось 7 сентября (26 августа по старому стилю) 1812 г. у села Бородино, в 125 км. на запад от Москвы’, *«кровавое воскресенье»* ‘день расстрела царскими войсками мирного шествия рабочих Петербурга с петицией к царю 9 января 1905 г.; начало Революции 1905–1907 гг.’, *Куликовская битва* ‘битва русского войска с монголо-татарским, состоялась 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле в верховьях реки Дон, считается началом освобождения Руси от монголо-татарского ига’, *Курская битва* ‘одна из крупнейших битв Великой Отечественной войны, проходила с 5 июля по 23 августа 1943 г. в районе Курска и Белгорода’;

– названия лиц: *большевик* ‘последователь большевизма – леворадикального политического течения, для которого характерны бескомпромиссность и нетерпимость к инакомыслию’, *губернатор* ‘глава исполнительной власти некоторых административно-территориальных единиц (республики, области)’, *западники* ‘последователи западничества – направления русской философской и общественной мысли, сложившегося в 40-е – 60-е гг. XIX в., выступали за развитие России по западноевропейскому пути’, *передвижники* ‘художники-реалисты, входившие в крупнейшее в России второй половины XIX в. демократическое творческое объединение «Товарищество передвижных художественных выставок» (1870–1923 гг.)’.

Среди подобных номинаций обращают на себя внимание историзмы, использование которых в современном русском языке ограничено: *боярин* ‘крупный землевладелец, представитель высшего слоя феодалов в Древней Руси; высший чин (звание) государственного чиновника в Московской Руси в XV–XVII вв.’, *варяги* ‘древнерусское название выходцев из Скандинавии’, *«враг народа»* ‘политический термин, в 1930–1950 гг. в СССР обозначавший человека, подозреваемого или обвиняемого в антисоветской деятельности’, *декабристы* ‘дворянские революционеры, члены тайных обществ, поднявшие восстание против самодержавия и крепостничества в декабре 1825 г.’, *Великая княгиня* – жена великого князя, в конце XVIII в. титул великая княгиня перешел также к дочерям царствующего монарха’, *Великая княжна* – незамужняя дочь члена императорского семейства’, *князь* ‘в IX–XVI вв. на Руси предводитель войска и правитель какой-либо области; затем – глава феодального государственного образования – княжества, позднее – почетный наследственный дворянский титул (звание)’, *кулак* ‘богатый крестьянин, частный собственник, систематически использующий наемный труд’, *царевна* ‘дочь царя’, *царь* ‘титул монарха; лицо, носящее этот титул’.

В эту группу включены также наименования руководителей армии и флота: *атаман* ‘выборный командир нерегулярного, независимого от государственной власти военного отряда, в России XVIII – начала XX вв. – назначаемый или выборный командир казачьего войска или отряда (*войсковой атаман*), а также начальник казачьего поселения – станицы (*станичный атаман*), *ермак* ‘казачий атаман, предводитель войска, победившего сибирского хана Кучума, в результате чего Сибирь вошла в состав Русского государства’;

– памятные места: *Арбат* ‘улица в центре Москвы между площадью Арбатские ворота и Смоленской площадью’, *Валаам* ‘самый большой остров из группы Валаамских островов в северной части Ладожского озера’, «*Золотое кольцо*» ‘кольцевой туристический маршрут, проходящий по древним городам и центрам народных ремесел Северо-Восточной Руси, в которых сохранились уникальные памятники истории и культуры России’, *Красная площадь* ‘центральная, главная площадь Москвы рядом с Кремлем’;

– памятники архитектуры: *Зимний дворец* ‘дворец в центре Петербурга на реке Неве’, *Исаакиевский собор* ‘один из крупнейших православных храмов и главный храм Петербурга, памятник архитектуры позднего классицизма’, *Московский Кремль* ‘древнейшая часть Москвы, крепость в центре города, красивейший архитектурный ансамбль, местопребывание Президента Российской Федерации’, *Пушкинский музей* ‘разговорное название Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина – одного из крупнейших музеев зарубежного изобразительного искусства в России, второго по значимости после Эрмитажа’, *Смольный* ‘архитектурный ансамбль Петербурга, включающий Смольный монастырь и Смольный дворец’, *Храм Василия Блаженного* ‘неофициальное название Покровского собора, стоящего на Красной площади в Москве, уникального памятника архитектуры’, *Эрмитаж* ‘Государственный Эрмитаж – один из крупнейших художественных музеев мира’.

Данная лексика, имея исторически обусловленные морально-этические, социально-исторические и культурно-этнические причины, восходит, как правило, к глубинам русского сознания, его верованиям, традициям и мифологии, передавая принятые в русском социуме культурные концепты. Такие номинации связаны с историей страны, значимыми военными событиями, памятными местами, памятниками архитектуры, которые, безусловно, оказывают существенное влияние на формирование русской языковой картины мира. Среди них преобладают однословные (*Бородино*, *Валаам*, *оттепель*) и двусловные (*Георгиевский крест*, *Исаакиевский собор*, *Крещение Руси*, *Пушкинский музей*). Выделение таких групп носит констатирующий характер и демонстрирует не столько качественный и системный характер, сколько количественные показатели распространенности данных реалий в языке, что обусловлено целым рядом экстралингвистических факторов.

1. Тучинский А. В. Культурные концепты славянского мира как инструмент подготовки специалиста в области межкультурной коммуникации в Рес-

публике Беларусь / А. В. Тучинский // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы 13-й Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 20 фев. 2018 г.: в 3 ч. – Минск: РИВШ, 2018. – Ч. 2. – С. 315–319.

2. Россия. Большой лингвострановедческий словарь. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. АСТ-Пресс. 2007.

А. Н. Федоринчик (Минск)

ОЦЕНОЧНО-ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТОВ «ГРУСТЬ», «ПЕЧАЛЬ» И «СТРАХ» В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА И В. БРЮСОВА

Концепты «Грусть», «Печаль» и «Страх» играют важную роль в раскрытии специфики русской языковой картины мира и поэтического творчества Б. Пастернака и В. Брюсова. Исследованию данных концептов посвящены работы И. А. Волостных [1], А. В. Гостевой [2], В. О. Ключевского [3], Е. Е. Стефанского [4] и др. Е. Е. Стефанский, сопоставляя эмоции *грусть* и *печаль*, отмечает, что «в русской картине мира *грусть* как более интимное, личностное и спонтанно возникшее чувство (см. возможность употребления данной лексики в дативных конструкциях типа *Мне грустно*) противопоставлена *печали* как чувству, закономерно вызываемому смертью близкого человека или разлукой с ним. Печаль (по крайней мере генетически) – это коллективное и не зависящее от воли и настроения отдельной личности чувство. В силу того что это своего рода иная форма контакта с умершим, печаль может осмысливаться в русской лингвокультуре и как светлое чувство. <...> Таким образом, в русской лингвокультуре эмоция *печали*, выражающая уныние в связи со смертью близкого человека, до сих пор воспринимается как эмоция в значительной степени коллективная (ср. невозможность использования лексики *печаль* в дативных конструкциях типа * *Мне печально*)» [4, с. 21]. А. Д. Шмелев констатирует, что «*грусть* и *печаль* по-разному концептуализируют мир эмоций. *Грусть* – это преходящее настроение человека, когда он не может или не хочет веселиться. Она обычно имеет наблюдаемые проявления и может вызываться внешними причинами, однако эти причины не составляют существа *грусти*: *грустит* человек сам. *Печаль* – это эмоциональное состояние, вызванное реакцией на внешнюю ситуацию, которая *печалит* субъекта» [5, с. 51]. Ю. Д. Апресян определяет *страх* как «неприятное чувство, подобное ощущению, какое бывает при холоде; он возникает, когда человек (или другое живое существо) воспринимает объект, который он оценивает или ощущает как опасный для себя и в контакт с которым он не хотел бы входить. В состоянии

страха человек бледнеет, у него учащается сердцебиение, прерывается голос и возникает желание сжаться, спрятаться, убежать от опасности» [6, с. 53]. Ученые относят *страх* к первичным эмоциям, которые «предполагают не только интеллектуальную оценку какого-то положения вещей как плохого или хорошего для субъекта, сколько непосредственное ощущение, что оно таково» [6, с. 53].

Значима в исследовании поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова оценочно-ценностная составляющая концептов «Грусть», «Печаль» и «Страх». В ходе анализа ядерного и периферийного содержания названных концептов выявлены положительная, отрицательная и сенсорная оценки *грусти*, *печали* и *страха*. *Печаль* у поэтов наделяется положительной и отрицательной оценкой. Положительная оценка *печали* отражена в характеристиках ее качественных свойств. Так, в поэтических текстах Б. Пастернака *печаль* ассоциируется с весной, преобразованием и обновлением жизни, со светом и чистотой: *О ангел залгавшийся, сразу бы, сразу б, / И я б опол тебе чистой печалью!* [7, с. 100], в поэтических текстах В. Брюсова – со светом и красотой: *Ко мне ты вошла, хороша, как печаль*, [8, с. 234]. Продуктивно представлена отрицательная оценка *грусти*, *печали* и *страха* посредством синонимических (*грусть*: уныние (Б. Пастернак, В. Брюсов); *печаль*: скорбь (Б. Пастернак, В. Брюсов), горечь (Б. Пастернак), горесть (В. Брюсов); *страх*: жуть, испуг, кошмар, ужас (Б. Пастернак, В. Брюсов)), метафорических и метонимических репрезентаций. Активно реализованы метафорические модели (далее М–модели) и концептуальные метафоры (далее К–метафоры), манифестирующие патологические признаки отрицательных эмоций. Так, у Б. Пастернака и В. Брюсова присутствует М–модель «печаль – болезнь», которая репрезентирована посредством К–метафор *печаль – боль*: *Нет, не я вам печаль причинил* [7, с. 83], *печаль – приступ болезни*: *Помешай мне, попробуй. Приди, покусись потушить / Этот приступ печали, гремющей сегодня, как ртуть в пустоте Торричелли* [7, с. 101], *печаль – страдание*: *Что тебя мучит, задумчивый воин: / Слава и смерть иль любовь и печаль?* [8, с. 341]. В поэтических произведениях Б. Пастернака выявлена М–модель «грусть – болезнь», которая реализована посредством К–метафоры *грусть – страдание*: *Не спите днем. Пластается в длину / Дыханье парового отопления. / Очнувшись, вы очутитесь в плену / Гнеющей грусти и смертельной лени* [7, с. 224], в поэтических произведениях В. Брюсова репрезентирована М–модель «страх – болезнь», которая раскрывается посредством К–метафоры

страх – страдание, отражающей ассоциативную сему ‘слезы’: *Этот стих, этот вскрик – отзвук: выплакать / Страх, что враг камень в лоб загонит* [8, с. 137]. Кроме этого, в поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова отрицательная оценка *страха* представлена М–моделью «**страх – война**», отражающей социальные признаки эмоции, связь *страха* со смертью: *Ну что ж еще? Что ты припер их / К стене, и стер с земли, и страх / Твой порох выдает за прах?* [7, с. 260]; *Не сможет позабыться страх, / Изборождавший лица. / Сторицей должен враг / За это поплатиться* [7, с. 303]; *Изведав мглы блаженств и скорби, / Победы пьяность, смертный страх,* [9, с. 214]. В поэзии В. Брюсова данная М–модель репрезентирована К–метафорами **страх – препятствие**: *Стоящим гордо исполином: / Ты к светлым вел его годинам / Чрез войны, чрез тоску и страх* [9, с. 245], **ужас – несвобода**: *Не так ли мы, в сем мире дольном / Иного мира ловим тень / И рвемся в ужасе невольном / Вступить на вышнюю ступень* [8, с. 262].

Во многих текстах представлена сенсорная оценка отрицательных эмоций. Данная оценка отражает вещественные признаки *печали* и *страха*, которые манифестированы М–моделью «**печаль – вещество**» посредством К–метафор **печаль – ртуть**: *Помешай мне, попробуй. Приди, покусись потушить / Этот приступ печали, гремящей сегодня, как ртуть в пустоте / Торричелли* [7, с. 101], **печаль – горячее вещество**: *Вместо жгучей печали – сон, как осень, тягучий!* [8, с. 504], а также М–моделью «**страх – вещество**», которая у Б. Пастернака репрезентирована К–метафорой **страх – газообразное вещество**: *Гроза близка. У сада пахнет / Из усыхающего рта / Крапивой, кровлей, тленьем, страхом* [7, с. 32], у В. Брюсова – К–метафорой **ужас – яд**: *Там тот же ужас в сменах света, там / Из той же чаши черплют яд поэты* [8, с. 114]. К тому же оценочность отрицательных эмоций у В. Брюсова раскрывается через перцептивные признаки, которые представлены М–моделями «**печаль – восприятие**» посредством К–метафор **печаль – смертный зов**: *Но смертный зов моя печаль* [9, с. 77], **печаль – отзвук**: *С отзвуком нежной печали / Речи любовью звучали* [8, с. 353], «**страх, ужас – восприятие**» посредством К–метафор **ужас – глас**: *Ужасным гласом возопил* [9, с. 76]; **ужас – грохот**: *Ужасный грохот пробежал* [9, с. 218]. В других контекстах перцептивные признаки контаминируются с социальными признаками К–метафорами **страх – ропот**: *Все кажется, под страшный ропот боя, / Что старый мир разрушиться готов* [8, с. 336], **страх – голос** («Стихи о голоде»): *Этого страшного голоса / Не перекричат ника-*

кие трубы [8, с. 156]. К тому же сенсорность *грусти*, *печали* и *страха* раскрывается в поэзии В. Брюсова в метонимических дескрипциях акциональных эмоциональных реакций *тихая речь*, *шепот* – *грусть*: *Расслышу с грустью я, как ты, клонясь всем телом, / Прошепчешь мне: молись!* [9, с. 13], *вздохи* – *печаль*: *Печальных женщин воздыханья, / Мужчин угрюмые слова*, – [9, с. 75], *прорицания* – *страх*: *Я слышал про старость. Страшны прорицанья!* [7, с. 64], *угроза* – *страх*: *Что ж мне страшиться грозящего Орка?* [9, с. 249] и др.

Не менее важны в исследовании концептов «Грусть», «Печаль», «Страх» ценностные характеристики отрицательных эмоций, которые раскрываются в контекстах, иллюстрирующих онтологические признаки *грусти*, *печали* и *страха*. В поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова данные признаки эксплицированы М–моделью «*грусть* – *судьба* (*участь*)»: *Но грусть одиноких мелодий / Как участь бульварных семян, / Как спущенной шторы бесплодье, / Вводящее фиалку в обман* [7, с. 266], в поэзии В. Брюсова названная М–модель репрезентирована посредством К–метафоры *грусть* – *познание жизни*: – *Юноша! грустную правду тебе расскажу я: <...>* [9, с. 250]. Онтологические признаки *печали* и *страха* манифестируются только в у В. Брюсова посредством М–моделей «*печаль* – *судьба* (*жребий*)»: *Будут в печальной судьбе / Думы мои о тебе* [9, с. 388]; *Что за жребий завтра выну / Я в мятущемся Париже? / Мне неизвестную печаль / Или стертую медаль?* [8, с. 299] (лексема *жребий* ассоциируется с судьбой и содержит коннотативную сему ‘игральная карта’), «*страх* – *сущность жизни*» посредством К–метафоры *страх* (*ужас*) – *судьба*, имеющей К–сему ‘пророческий сон’: *Вещий ужас* [8, с. 61]. В брюсовских контекстах *печаль* является неотъемлемой частью жизни, выступает как всеохватывающее чувство: *Везде – восторг, во всем – печаль!* [8, с. 14], *страх* связан с судьбой: *И нам был чужд пред долей страх, / Мы были рады мигам горя* [8, с. 356]; *Чтоб не страшила больше – и Судьба!* [8, с. 27], *ужас* – с процессом существования (жизнью): *Все тот же ужас бытия* [9, с. 294].

Таким образом, оценочно-ценностная составляющая концептов «Грусть», «Печаль», «Страх» отражает специфику реализации отрицательных эмоций в поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова, актуализируя значимость названных концептов в характеристике индивидуально-авторской картины мира художников слова.

1. Волостных, И. А. Эмоциональные концепты «Страх» и «Печаль» в русской и французской языковой картинах мира (лингвокультурологический

аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И. А. Волостных; Тамбовский гос. технический ун-т. – Краснодар, 2007.

2. Гостева, А. В. Страх / ужас / А. В. Гостева, О. В. Сулемина // Русские литературные универсалии (типология, семантика, динамика) / отв. ред. А. А. Фаустов; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. – С. 274–369.

3. Ключевский, В. О. Грусть / В. О. Ключевский // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1990. – С. 427–444.

4. Стефанский, Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е. Е. Стефанский; Самарская гуманитарная академия. – Волгоград, 2009.

5. Шмелев, А. Д. Грусть и печаль: сходства и различия / А. Д. Шмелев // Русская речь, № 1, – М.: Наука, 2014. – С. 44–51.

6. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Том II. – С. 33–350.

7. Пастернак, Б. Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА – КНИГА», 2008.

8. Брюсов, В. Собрание сочинений: в 7 т. / П. Г. Антокольский [и др.]. – М.: Худож. лит. – 1974. – Т. III: Стихотворения 1918–1924, стихотворения, не включенные В. Я. Брюсовым в сборники 1891–1924, поэма «Египетские ночи».

9. Брюсов, В. Собрание сочинений: в 7 т. / П. Г. Антокольский [и др.]. – М.: Худож. лит. – 1973. – Т. II: Стихотворения 1909–1917.

А. В. Хизниченко, Л. Б. Крюкова (Томск)

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПЕРЦЕПТИВНОГО ОБРАЗА СИРЕНЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Одним из самых продуктивных способов изучения идиостиля в рамках лингвоперсонологического подхода является описание и анализ лексических единиц со значением того или иного типа чувственного восприятия и специфики их функционирования в творчестве конкретного автора. Разработка словаря перцептивных образов является логическим продолжением проведенных ранее семантических исследований, нацеленных на выявление идиостилевых черт в творчестве Б. Л. Пастернака [1, с. 131–174 и др.].

Предлагаемый словарь относится к авторским словарям, в которых актуализируется семантико-стилистический аспект функционирования языковых единиц со значением восприятия. Разработчики опираются на идею, описанную в «Словаре поэтических образов» Н. В. Павлович: «каждый образ существует в языке не сам по себе, а в ряду других –

внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов – и вместе с ними реализует некий общий для них смысловой инвариант, т. е. модель, или парадигму» [2, с. 29].

Перцептивные единицы, рассматриваемые в рамках художественного дискурса, могут быть определены как языковые средства выражения перцептивного (художественного) образа, а основанием для классификации становится модус перцепции: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус. В поэзии серебряного века перцептивные языковые единицы являются не только частотными, но и принципиально значимыми в процессе смыслового развертывания художественного произведения. Многие из них становятся «ключами», «кодами» к раскрытию важнейших для поэтической «вселенной» образов и понятий.

Согласно определению С. Ю. Лавровой, *перцептивный образ* – это «ментальный оценочный образ, физиологической основой которого является сенсорная составляющая», «одна из форм субъективного образа, получающего конкретное лексико-грамматическое наполнение в индивидуально-авторской модели мира субъекта» [3, с. 44].

Словарь перцептивных образов становится инструментом систематизации перцептивных единиц в творчестве Б. Л. Пастернака.

Образ *сирени* относится к наиболее ярким и знаковым перцептивным образам, встречающимся в поэзии Б. Л. Пастернака, таким как *соловей, гроза, свеча, поцелуй* и др., проходит через все периоды творчества и репрезентируется средствами различных языковых уровней (прежде всего, лексического и синтаксического).

Создание словарной статьи «Перцептивный образ *сирень*» предполагает работу с непереводаемыми стихотворениями Б. Л. Пастернака [4], в которых методом сплошной выборки выявлены контексты с соответствующей семантикой. В процессе работы используются методы лексикографического, семантического и контекстного анализа, элементы лингвистического и стилистического анализа художественного текста.

Сирень в поэзии Б. Л. Пастернака – это комплексный полимодальный образ (наряду с образами *дождя, города, сада, слез, рыданий* и др.), воплощающий впечатления (ощущения) от двух органов чувств, поэтому он включен в разделы «зрительное восприятие» («подраздел «цвет») и «восприятие запаха».

Чтобы всесторонне описать перцептивный образ, необходимо охарактеризовать его по трем основаниям: план содержания (ограниченный круг перцептивных единиц); план выражения (систематизация с учетом морфологического признака); функциональная нагрузка (собственно идиостилевой аспект).

Наиболее частотной языковой единицей, репрезентирующей образ *сирени*, является лексема-маркер *сирень*. Основное словарное значение не включает сему «восприятие», но имеет «косвенные указания» на такую возможность – «высокий декоративный кустарник сем. маслиновых, с бледно-лиловыми или белыми душистыми цветками, собранными в большие кисти» [5, т. 4, с. 98].

Лексема *сирень* входит в ряд так называемых маркеров восприятия (*соловей, гроза, роза* и др.), демонстрирующих индивидуально-авторские особенности образной системы Б. Л. Пастернака. Статус маркера приписывается лексеме в двух случаях: если она является универсальным символом того или иного типа восприятия, закрепленным в национальной языковой картине мира, или же лейтмотивным, частотным образом в пределах творчества художника, демонстрирующим регулярную связь с перцептивной семантикой в контекстах и названиях стихотворений. Маркеры включаются в фоновые высказывания и являются опорными точками, способными отослать читателя к тому или иному образу [6].

В узусе лексема *сирень* содержит три дополнительных оттенка значения (помимо основного – растение): 1) цветовой признак, отсылающий к зрительному восприятию – *бледно-лиловые или белые цветки*; 2) одоративный признак – *душистый* («издающий сильный, приятный запах; ароматный, пахучий» [5, т. 4, с. 457]; 3) размерный признак – *большие кисти*.

В поэзии Б. Л. Пастернака *сирень* регулярно проявляет цветовой и одоративный признаки, однако очевидна многоплановость образа, ассоциативность и наращение смыслов в каждом отдельно взятом стихотворении. Перцептивный образ *сирень* эксплицирован соответствующей языковой единицей в 11 контекстах, и еще в 3 контекстах – другими единицами. В соответствии со структурой словарной статьи (см. [7, с. 50]), представим следующее описание.

Сирень

– *сирень* (11), *кисть* (3), *ветвь* (1);
– *лиловый* (в т. ч. *лиловатый, лилогогроздый*) (3); *сиреневый* (2); *белый* (1); *седой* (1).

1) «Шагни, и еще раз», – твердил мне инстинкт, / И вел меня мудро, как старый схоластик, / Чрез девственный, непроходимый тростник / Назрелых деревьев, **сирени** и страсти («Марбург», 1916);
2) Там, озаренный, как покойник, / С окна блужданьем ночника, / **Сиренью** моет подоконник / Продрогший абрис ледника «Я спал. В ту

ночь мой дух дежурил...», 1917); 3) Ты в ветре, веткой пробующем, / Не время ль птицам петь, / Намокая воробышком / **Сиреневая ветвь!** («Ты в ветре...», 1917); 4) Зеркальная все б, казалось, нахлынь / Непотным льдом облила, / Чтоб сук не горчил и **сирень** не пахла, – / Гипноза залить не могла («Зеркало», 1917); 5) Меркла **кисть сирени**. В это / Время он, нарвав охапку / Молний, с поля ими трафил / Озарить управский дом. («Гроза моментальная навек», 1917); 6) Гроза, как жрец, сожгла **сирень** / И дымом жертвенным застлала / Глаза и тучи, расправляй / Губами вывих муравья («Наша гроза», 1917); 7) Это ведь значит – пепел **сиреневый**, / Роскошь крошеной ромашки в росе, / Губы и губы на звезды выменивать! («Сложна весла», 1917)); 8) И вдруг объявляется отдых, / И всюду бросают дела: / Далекая молодость в сотах, / **Седая сирень** расцвела! («Сирень», 1927); 9) И чуть наполняет повозка / Раскатистым воздухом свод, / **Лиловое** здание из воска, / До облака вставши, плывет («Сирень», 1927); 10) И тучи играют в горелки, / И слышится старшего речь, / Что надо **сирени** в тарелке / Путем отстояться и стечь («Сирень», 1927); 11) А ночь войдет в мой мезонин / И, высунувшись в сени, / Меня наполнит, как кувшин / Водюю и **сиренью** («Летний день», 1940, 1942)); 12) **Сиренью**, двойными оттенками / **Лиловых и белых кистей** / Пестреющей между простенками / Осыпавшихся крепостей («Трава и камни», 1956); 13) Двери с лестницы в сени, / Смех и мнений обмен. / Три корзины **сирени**. / Ледяной цикламен («Вакханалия», 1957); 14) Пронесшейся грозюю полон воздух. / Все ожило, все дышит, как в раю. / Все роспуском **кистей лилогогроздых** / **Сирень** вбирает свежести струю («После грозы», 1958).

Комментарий: **Сирень** – яркий и мощный по своему эстетическому воздействию и смысловому наполнению художественный образ, (чаще всего при описании сирени репрезентированы одоративный и цветовой признаки). Отмечается использование синестезии: в описании **сирени** одновременно подчеркивается ее бело-лиловая окраска, а также свежий запах. Связь **лилового** с **сиренью** проявляется в этимологии (от фр. *lilas* – «сирень») и зафиксирована в словаре: «светло-фиолетовый, цвета сирени или фиалки» [5, т. 2, с. 183].

Языковые единицы, составляющие лексико-семантическое поле **сирень**, способствуют смысловому развертыванию текста, участвуют в композиционной организации отдельных стихотворений и проявляют характерные черты авторского идиостиля. Например, в стихотворении «Сирень» (1927) центральный образ репрезентирован лексемой **сирень** и лексемой **лиловый**.

Определение *сиреневый* в поэзии Б. Л. Пастернака является многозначным, совмещает в себе цветовую характеристику и характеристику принадлежности кустарнику *сирень* (то же и в узусе, ср.: 1. *Прил. к сирень*. 2. Бледно-лиловый, цвета сирени [5, т. 4, с. 98]: *сиреневая (ветвь)* (3), *сиреневый пепел* (7). Изобразительно-выразительные средства, используемые автором в соответствующих контекстах: метафоры (2, 7, 9), сравнения (3), эпитеты (8), окказионализмы (14).

Метафора *лиловое здание из воска* в стихотворении «Сирень» коррелирует с образом лирического героя в стихотворении, написанном на 5 лет раньше: *Я вишу на бере у творца / Крупной каплей лилового воска* («Сон в летнюю ночь», 1922): лиловый цвет чернил «перекликается» с лиловым цветом *сирени*, т. е. реализуется важная для поэзии Б. Л. Пастернака идея связи природы и искусства.

Будучи частью растительного, природного мира, *сирень* тесно связана с другими ключевыми для творчества поэта перцептивными образами – *грозы, дождя и сада (цветения, весны)*: запах *сирени* вплетается в послегрозовую воздух, наполняющий мир свежестью, символизирующий полноту жизни («Ты в ветре, веткой пробуешь...», «После грозы» и др.).

Образ *сирени* появляется впервые в стихотворении «Марбург» в 1916 г. (*сирень* упоминается и в письмах Б. Л. Пастернака как символ судьбоносного немецкого городка, подробнее: [8, с. 107–108]), затем в пяти стихотворениях программного сборника «Сестра моя – жизнь...» (являясь, по словам Н. В. Лаврентьевой, «центром цикла» как «избранный представитель сада» [8, с. 109]) и еще в одном произведении 1917-го года. Становится центральным образом уже названного стихотворения «Сирень» 1927 г. и далее встречается в самом конце творческого пути в сборнике «Когда разгуляется».

«В раннем творчестве цветочный символ наделен значением перехода, рубежа и счастливых ожиданий, а в позднем – предупреждение приближающихся потерь и утраченных надежд. <...> В отличие от традиции русской классической литературы и литературы «серебряного века», Б. Л. Пастернак вновь и вновь с помощью образа сирени вводит в поэзию и прозу символику возрождения и вечной жизни. Подобное значение образ сохранит в романе «Доктор Живаго» [8, с. 107–109].

Таким образом, *сирень*, являясь одним из ключевых перцептивных образов в творчестве Б. Л. Пастернака, приобретает статус поэтиче-

ского символа, реализующего идею неразрывной связи природного и человеческого мира.

1. Корычанкова, С. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности / С. Корычанкова, Л. Крюкова, А. Хизниченко / Впо: МУ, 2016.
2. Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. В 2 т. / Н. В. Павлович / М.: Эдиториал УРСС, 2007. – Т. 1.
3. Лаврова, С. Ю. Говорящий как Наблюдатель: лингвоаксиологический аспект / С. Ю. Лаврова / Череповец: ЧГУ, 2017.
4. Пастернак, Б. Л. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / Б. Л. Пастернак. – Л.: Сов. писатель, 1990.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
6. Двизова, А. В. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б. Л. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Двизова. – Томск, 2014.
7. Хизниченко, А. В. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б. Л. Пастернака / А. В. Хизниченко, Л. Б. Крюкова // Вопросы лексикографии. – 2018. – № 13. – С. 44–57.
8. Лаврентьева, Н. В. Образ сирени в творчестве Б. Л. Пастернака / Н. В. Лаврентьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. – № 6. – Ч. 2. – С. 107–110.

ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ду Дзюань (Лоян)

АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Абстрактные имена существительные в грамматической системе русского языка занимают особое место. При семантической характеристике данной группы имен акцент обычно ставится на таких признаках, как «отвлеченность» и «неконкретность». По определению, данному в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, абстрактные имена – это «существительные, выражающие понятия, обозначающие действие или признак в отвлечении от действителя или носителя признака, и поэтому противопоставляемые конкретным существительным» [1, с. 465]. На морфологическом уровне абстрактные имена существительные включаются в класс слов с анумеральной семантикой, на синтаксическом – их относят к строевым единицам с пропозитивной семантикой, появившимся в языке в результате компрессии и функционирующим в простом предложении в качестве репрезентанта придаточного предложения [2, с. 81]. Что же касается словообразовательного уровня, то абстрактные имена существительные включаются в сферу конструктивного словообразования как единицы, упрощающие синтаксическое построение речи [3, с. 199], а при общей характеристике словообразовательной системы их, как правило, относят к языковым единицам с невысоким словообразовательным потенциалом.

Мы решили исследовать деривационную активность/пассивность абстрактных имен существительных на материале тематического поля «Духовный мир человека: сознание, мораль, чувства» и либо подтвердить, либо опровергнуть данное утверждение.

Материал для нашего исследования мы выбирали из «Русского семантического словаря» [4]. Всего было извлечено и проанализировано

1855 абстрактных имен существительных. В результате первичного анализа языкового материала мы установили, что релевантными для характеристики абстрактных лексем в словообразовательном аспекте являются следующие моменты: а) производность/непроизводность; б) первичность/вторичность лексического значения (прямое или переносное); в) наличие/отсутствие или, наоборот, формирование живых словообразовательных связей с однокоренными словами. Ориентируясь на данные признаки, мы выделили 10 групп абстрактных лексем с различными семантическими и словообразовательными характеристиками.

В первую группу входят непроизводные абстрактные имена существительные, для которых абстрактное значение является первичным (248): *гений, глава, девиз, дух, идея, интеллект, интерес, логика, мораль, память, проблема, секрет, сенсация, фантазия, честь, ум, юмор* и др. Данные слова реализуют свою способность выступать в качестве производящих и обладают словообразовательным потенциалом, проявляющимся в той или иной степени.

Вторая группа состоит из непроизводных имен существительных, для которых абстрактное значение из сферы «Духовный мир человека» является вторичным: в словарной статье занимает позицию 2/3 (191). Среди них есть не только собственно абстрактные (в первичном значении), но и конкретные, вещественные лексемы: *боль* – 2. ‘тяжелое нравственное переживание, страдание’; *торжество* – 3. ‘чувство радости, полного удовлетворения’; *струна* – 4. *перен.*, ‘черта, особенность характера’; *туман* – 4. *перен.* ‘неясность, смутность мыслей, представлений’. В словообразовательном отношении подобные лексемы ведут себя по-разному, но производные от них, как правило, образуются.

В третьей группе объединяются производные абстрактные имена существительные, занимающие определенную позицию в словообразовательном гнезде, но не замыкающие словообразовательную цепочку, а дающие новые производные как на синтагматическом, так и парадигматическом уровнях (323): *ум* – ***разум*** – *разумный* – *разумно* – *неразумно*; *судить* – *рассудить* – ***рассудок*** – *рассудочный* – *рассудочно*; *рвать* – *надорвать* – ***надрыв*** – *надрывный* – *надрывистый*; *чувять* – ***чувство*** – *чувственный* – *чувственность*; ***чувство*** (ступень 1) – (ступень 2) *чувственный, бесчувственный, чувствовать*; *порыв* (ступень 3) – (ступень 4) *порывистый, порывчивый, порывчатый, порывный*.

Четвертая группа формируется производными абстрактными именами существительными с нулевым словообразовательным потенциалом. В словообразовательном гнезде они замыкают словообразовательные цепочки и не дают новых производных (938). Как правило, это слова с суффиксами *-ниј/-ениј* -, *-тиј*-, *-ость*-, *-от*-, *-к*-, *-иц*-, *-изм*-, *-ств*-, *-циј/-ациј*-, с нулевым суффиксом, префиксом *не*-, сложные имена существительные – *артистизм*, *бунтарство*, *выпад*, *зablуждение*, *надлом*, *озарение*, *открытие*, *профанация*, *путаница*, *реализм*, *решение*, *слепота*, *неизвестность*, *неосведомленность*, *мироощущение*, *миропонимание*, *жизнелюбие*.

В пятую группу мы включили одиночные слова (60) – *акция*, *апломб*, *версия*, *гонор*, *достояние*, *мерехлюндия*, *очертание*, *реминисценция*, *умозрение*. В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова они занимают особое место и характеризуются как слова-одиночки, которые при условии появления социального заказа легко «обрастают родней» и реализуют свои словопорождающие возможности [5, с. 870].

Шестая группа состоит из лексем, для которых интересующее нас абстрактное значение является не основным, а переносным. В словообразовательном гнезде они вписываются в словообразовательные цепочки, но семантическая соотносительность с производными, находящимися на следующей ступени, по линии переносного значения отсутствует (15). Так, например, у слова *шарик* отмечено переносное значение ‘голова, рассудок’ (прост., шутл.) – *Шарики не работают у кого-н.* (о том, кто плохо соображает). *Шариками покрутить* (подумать, поразмыслить). Производные у слова *шарик* в словообразовательном словаре отмечены (*шариковый*, *шарикоподшипник*), но ни в одном из них нет абстрактных сем, т. е. слово *шарик*, употребляясь в переносном значении, имеет нулевой словообразовательный потенциал. Или: слово *хор* входит в тематическое поле «Духовный мир человека» на уровне переносного значения ‘единодушное мнение, оценка многих лиц’ и является вершиной гнезда как непроемкая лексема, связанная отношениями словообразовательной мотивации с однокоренными словами. Однако значения производных первой и второй ступени в основном ориентированы на прямое значение слова *хор* (‘певческий коллектив, исполняющий вокальные произведения’). Ср.: *хорист* – ‘певец хора’, *хорал* – ‘религиозное многоголосное песнопение’, *хормейстер* – ‘руководитель хора, хоровой дирижер’ [6, т. 4, с. 619–620].

В седьмую группу входят слова, которые в «Словообразовательном словаре русского языка» включаются в словообразовательные гнезда, но на синтагматическом уровне связей с другими производными не имеют, т. е. обладают нулевым словообразовательным потенциалом (28). Однако в «Русском семантическом словаре» в словарных статьях, посвященных этим словам, отмечены их производные (28): *аргументация* – *аргументационный*, *дискотека* – *дискотечный*, *мизантропия* – *мизантропический*, *правдоискательство* – *правдоискательский*, *универсиада* – *универсиадный*. Словообразовательный потенциал данных слов реализуется в основном в направлении атрибутивных лексем.

В восьмой группе объединяются абстрактные имена, не учтенные в «Словообразовательном словаре русского языка», но включенные в «Русском семантическом словаре» в интересующее нас тематическое поле (98), причем в словарных статьях у многих из них указаны и однокоренные лексемы, деривационные связи которых не всегда устанавливаются однозначно. См.: одиночные слова – *достоевщина*, *киномания*, *менталитет*, *мировосприятие*, *нонконформизм*, *перерождение*; однокоренные слова, связанные отношениями словообразовательной мотивации – *инаугурация* – *инаугурационный*, *тусовка* – *тусовочный*, *харизма* – *харизматический*; однокоренные слова с неоднозначно определяющимися мотивационными отношениями: *карьеризм* – *карьеристский* (логичнее: *карьерист* – *карьеристский*); *концепт* – *концептуальный* (в «Словообразовательном словаре русского языка» иные мотивационные отношения – *концепция* – *концептуальный*).

В девятую группу мы включили абстрактные существительные, у которых на уровне «Русского семантического словаря» наблюдается развитие словообразовательного потенциала (28). Так, в «Словообразовательном словаре русского языка» лексемы *разгадка*, *поддавки*, *эпатаж* являются конечными звеньями словообразовательных цепочек, а в «Русском семантическом словаре» у них отмечены производные *разгадочный*, *поддавковый*, *эпатажный*.

И наконец, десятая группа состоит из абстрактных лексем, словообразовательные связи которых, на наш взгляд, нуждаются в корректировке (46). В частности, в «Словообразовательном словаре русского языка» лексема *внимание* организует самостоятельное словообразовательное гнездо, хотя семантическая связь с глаголом *внимать* еще ощущается носителями языка. Лексема *проект* в том же словаре интерпретируется как производная от *проект*, хотя оснований для это-

го мы не видим (скорее, это фонетический вариант). Нередко отношения словообразовательной мотивации произвольно устанавливаются и в «Русском семантическом словаре», где в одной словарной статье объединяются *деспотизм – деспотический, максимализм – максималистский, стяжательство – стяжательский, рационализм – рационалистический, шкурничество – шкурнический*.

Итак, первичная обработка языкового материала показала, что абстрактные имена существительные из тематического поля «Духовный мир человека» представляют весьма разнородную в словообразовательном аспекте группу лексем. Среди них выделяются не только пассивные, но и активные в словообразовательном отношении единицы. Особый интерес в нашем материале вызывают непроемные абстрактные имена существительные, отмеченные в «Словообразовательном словаре русского языка» как одиночные лексемы с нулевым словообразовательным потенциалом, и производные лексемы с неоднозначно интерпретируемыми мотивационными отношениями. Количество первых, возможно, уменьшится при привлечении данных современных словарей, изданных в конце XX – начале XXI века. Что же касается вторых, то это весьма сложный для исследования пласт лексики, словообразовательный потенциал которой во многих случаях определяется весьма субъективно.

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС. – 2004.

2. Благочинава, Т. Конструкции с абстрактными существительными в русском языке конца XVIII – начала XIX века / Т. Благочинава. – *Studia Rossica Posnaniensia*. – Poznan: Wydawnictwo naukowe. – 2003. – С. 81–88.

3. Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М., 2004.

4. Русский семантический словарь: толковый слов., систематизир. по кл. слов и значений: в 6 т. / Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз., Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2002–2007. – Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество: 30 000 слов и фразеол. выражений / авт.-сост.: М. В. Ляпон [и др.]; ред. А. С. Белоусова. – 2003.

5. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. / А. Н. Тихонов. – М.: Русский язык, 1985.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.

М. В. Каравашкина (Москва)

«СУДЬБА ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ЛИШЕНА ПЕРСПЕКТИВ»?

Поводом для написания статьи стало предположение академика В. В. Виноградова: «Судьба притяжательных лишена перспектив» [1, с. 200]. Эта мысль была им высказана более семидесяти лет назад в первом издании книги «Русский язык. Грамматическое учение о слове». Вероятно, причиной этого высказывания послужили наблюдения ученого над особенностями употребления этих слов в современной ему речи.

Можно ли говорить о том, что современное состояние языка подтверждает эту идею?

Наблюдая за речью современной молодежи, автор настоящей статьи подметил одну интересную особенность. Очень часто молодые люди заменяют конструкции «притяжательное прилагательное или притяжательное местоимение + существительное (гл. слово)» на словосочетание «существительное или личное местоимение в родительном падеже со значением принадлежности + существительное (гл. слово)». О своих наблюдениях автор рассказал в статье «Об употреблении притяжательных прилагательных и местоимений в речи современной молодежи» [2, с. 93–100]. Современный молодой человек скажет не «мамин брат», а «брат мамы», а словосочетание «у моей подруги» может быть заменено в разговорной (именно в разговорной!) речи на «у меня у подруги». Причем конструкции с двумя родительными принадлежности нередко разбиваются на две предикативные единицы: «У меня у мамы был брат. Он был архитектором».

Еще более интересные наблюдения можно сделать, проанализировав употребление, а точнее, неупотребление притяжательных в речи дошкольника и современного младшего школьника. При проверке развитости и готовности детей дошкольного возраста к обучению в школе логопеды просят образовать притяжательные прилагательные. Так, например, во многих пособиях можно встретить изображение нескольких животных и нескольких хвостов. Ребенку предлагается соединить картинки и ответить на вопрос, чей это хвост (см., например: О. Б. Иншакова «Альбом для логопеда» и другие пособия). При этом верным считается ответ, в котором употреблено притяжательное прилагательное. То есть нужно сказать «беличий хвост», а не «хвост белки». Эти задания, как правило, вызывают затруднения у детей, а в не-

которых случаях ребят даже заставляют заучивать «правильные» формы, которые потом в живой речи употребляться не будут.

То есть мы видим, что идеи академика В. В. Виноградова подтверждаются практикой современной устной речи. В связи с этим мы задали вопрос: почему все это происходит, какою силою движутся эти преобразования? Скорее всего, в языке, в самой категории притяжателности уже заложена возможность такого развития.

Сразу необходимо оговориться, что мы признаем и понимаем все трудности классификации имен прилагательных. Внести какую-либо ясность в данный вопрос не входит в задачу настоящей статьи. Считаем нужным отметить, что Г. А. Хабургаев, например, говорил: «В плане общей лексической семантики относительные прилагательные тесно связаны с притяжательными, поскольку притяжательность – частный случай отношения» [3, с. 178].

Академик В. В. Виноградов, напротив, противопоставлял притяжательные прилагательные всем остальным. Он отмечал, что по типу склонения и по функции они резко отличаются от других и сама прилагательность их условна. Эти прилагательные и местоимения *мой, твой, тот, этот* и др. не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством указания на него самого или на его владельца. Они выполняют функцию указания (в широком смысле слова), а не качественного определения. В данном случае слова *сестрин, нянин, дядин* противопоставлены словам *лошадиный, куриный, соловьиный*. Слово *отцов* обозначает принадлежность отцу, а *отцовский* – не притяжательность, а качественное отношение к кому-либо [1, с. 192–193].

В данной статье под термином «притяжательные прилагательные» мы будем понимать прилагательные, обозначающие принадлежность к какому-либо конкретному лицу или животному, и остановимся на прилагательных, образованных с помощью суффиксов *-ин* и *-ов*.

Очень интересно, что уже в грамматиках первой половины XIX века (например, у Н. И. Греча) притяжательные личные (или частные), происходящие от имени одного живого существа (*женин, львов*), противопоставлялись родовым, или общим (*женский, львиный*) [4, с. 76–77]. Об этом же писал и Г. П. Павский [5, с. 41–42].

То есть притяжательные прилагательные несут функцию индивидуализирующего, обособляющего указания на принадлежности одному существу, единичному обладателю. И в этом, на наш взгляд, кроется одна из причин разрушения их формы. Общности качества проти-

востоит значение индивидуализирующего выделения предмета. Может быть, противопоставление по сути, по семантике, рождает расподобление по форме? На эту мысль нас натолкнуло очень тонкое замечание А. М. Пешковского: «В прилагательных типа «братнин», «отцов» суффиксы *-ин* и *-ов* обозначают прямую принадлежность (не просто отношение), а значение это само по себе связано с отвлечением от тех или иных качеств; мы ими указываем, что предмет, всецело, со всеми своими качествами, каковы бы они ни были, принадлежит другому предмету (вернее, указанному основой имени существительного другому единичному лицу)» [6, с. 103].

Притяжательные прилагательные на *-ин* и *-ов* застывают на стадии указательных слов, обозначающих единичного владельца. Это очень узкий круг употребления. Причина разрушения таких форм, может быть, кроется и в этом. Например, в словосочетании «мамин стул» прилагательное не обязательно обозначает именно принадлежность маме. Это может быть и просто любимый мамой стул, и стул, на который мама обычно ставит свою сумку, и т. д. Поэтому появляется «стул мамы», а по аналогии «брат мамы» вместо «мамин брат». Если вспомнить задания, которые вызывали затруднения у современных дошкольников, то можно сказать, что в речи детей прослеживается та же закономерность: словосочетание «хвост белки» они интуитивно выбирают потому, что здесь обозначена не индивидуальная принадлежность, а общий признак. Словосочетания, в которых в качестве зависимого слова употреблено существительное в родительном падеже, обозначают типичность, характерность.

Тенденция такой замены прослеживается в произведениях русской классической литературы с начала XIX века. А есть ли у таких замен причины, не связанные с внутренним устройством языка? На наш взгляд, здесь можно наблюдать тенденцию к общему упрощению речи. Прилагательные привносят в речь красочность, образность, если их убрать, получается только констатация факта. Возможно, конструкции с двумя существительными получили столь широкое распространение в современной речи еще и потому, что выполняют свою функцию – короткое сообщение, содержащее только конкретную информацию.

Наблюдая за употреблением притяжательных прилагательных или существительных в родительном падеже, А. Н. Стеценко писал о том, что форма родительного падежа предпочтительней, так как позволяет

употребить конкретизирующее притяжательное местоимение: дети *его* сестры, подруга *моей* жены. То есть в таких словосочетаниях притяжательность рассредоточена по двум словам [7, с. 57]. В современной же разговорной речи мы все чаще слышим, что и второе притяжательное слово, местоимение, заменяется на родительный падеж личного: «У меня у сестры дети ходят в музыкальную школу», «У него у жены есть подруга».

На наш взгляд, при замене притяжательного прилагательного или местоимения на родительный падеж существительного или личного местоимения происходит смещение смыслового акцента во всем предложении. Например: «Я сегодня не приду. У меня у мамы день рождения». Говорящий таким образом оправдывается: он что-то может или не может сделать по какой-то причине. Заметим, что позиция начала предложения, позиция актуализации, требует постановки скорее имени в косвенном падеже (или местоимения), а не притяжательной формы. Говорящему в данном случае не важна принадлежность, ему важно собственное «я» и возможность убедить окружающих в своей правоте.

Быстрое распространение и частотность подобных конструкций в современной разговорной речи может служить иллюстрацией научных идей Ю. Д. Апресяна о перемещении фокуса внимания лингвистики на языковые значения как связанные «с фактами действительности не прямо, а через отсылки к деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке» [8, с. 630], в результате чего появляется «основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков» [8, с. 630]. Также, по мнению ученого, представления о человеке выступают в качестве естественной точки отсчета для гораздо большего количества языковых значений, чем это было принято считать ранее, при этом язык не только антропоцентричен, но и эгоцентричен значительно более, чем признается в настоящее время.

Есть и еще одна тенденция в современном языке, которая позволяет существовать заменам такого типа. Н. С. Валгина отмечает, что в современном русском синтаксисе предложные сочетания часто приходят на смену беспредложному управлению [9, с. 263]. В современном русском языке предлогов и предложных сочетаний гораздо больше, чем было в языке древнерусском. Исследователь считает, что предлоги помогают дифференцировать значения, передаваемые при помощи падежных форм [9, с. 265]. Не знаем, можно ли в конструкции

ях типа «у меня у мамы день рождения» говорить о дифференциации значений, но именно современная ситуация с очень активным употреблением предлогов «поддерживает» их в разговорном языке.

А. П. Ушакова отмечает, что в современном русском языке находят употребление имена прилагательные, которые имели малое распространение и в ранний период существования русского языка или возникли достаточно поздно: «к мужниной зарплате» (К. Лагунов. «Завтрак на траве») или «мужнего смокинга» (М. Арбатова. «Визит не старой дамы») [10, с. 47–50]. Но подобные формы очень редки, они носят характер литературной игры, маски и не могут быть свидетельством какой-либо тенденции.

Современная же разговорная речь, на наш взгляд, полностью подтвердила правоту предположения академика В. В. Виноградова.

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1947.

2. Каравашкина, М. В. Об употреблении притяжательных прилагательных и местоимений в речи современной молодежи / М. В. Каравашкина // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2013. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической юбилейной конференции (Санкт-Петербург, 12–14 декабря 2013 г.). – СПб., 2014. – С. 93–101.

3. Хабургаев, Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена / Г. А. Хабургаев. – М.: МГУ, 1990.

4. Греч, Н. И. Практическая русская грамматика / Н. И. Греч. – СПб., 1834.

5. Павский, Г. П. Филологические наблюдения. Рассуждение второе / Г. П. Павский. – СПб., 1850.

6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М., 1956.

7. Стеценко, А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. – М., 1972.

8. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2.

9. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М., 2001.

10. Ушакова, Н. А. О своеобразии конструкций притяжательности в произведениях Н. А. Лухмановой / Н. А. Ушакова // Лексикология и лексикография: Материалы 32-й международной конференции. Русский славянский цикл. – СПб., 2004. – С. 47–51.

**ТЕАТР И КИНО В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУССИЯХ
НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ:
ЖАНРОВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ
ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗЛИЧИЙ В МОДАЛЬНЫХ СПЕКТРАХ**

Категория модальности отражает различные отношения действий, событий и фактов к объективной действительности. Модальность принадлежит к числу базовых прагматических категорий мышления и языка, которая в разных формах присутствует в разных языках. В настоящее время исследования модальности многочисленны, разнообразны и разноречивы. Это связано с многообразием способов выражения категории модальности и широким спектром модальных значений. Широта и разноплановость категории модальности связана с тем, насколько многолико она проявляется в нашей жизни. Если люди планируют действия, строят догадки, высказывают предположения, отдают приказы и распоряжения, просят или советуют, выражают желания, упрекают, то они делают как раз то, что имеет отношение к категории модальности. Модальность относится к понятийным категориям, а значит, открывает связи между явлениями, принадлежащими разным языковым уровням.

Категория модальности была выделена и изучена сначала в логике, именно логиками были разработаны широкие модальные категории, тем самым задана смысловая область модальности. Настоящее исследование построено на синтезе логического и лингвистического понимания модальности путем установления корреляции между категориями модальности логики и разрядами языковых средств, используемых для выражения категории логической модальности в речи. Paul Portner в книге «Модальность» (2009) справедливо отмечает, что «базовое понимание предмета модальной логики неопределимо для лингвистов, изучающих модальность, потому что некоторые из первых теоретически точных представлений о семантике модальных выражений (высказываний) были разработаны в рамках модальной логики. Классическая модальная логика не является семантической теорией языковой модальности, но основные идеи модальной логики можно адаптировать в целях лингвистического анализа. При рассмотрении новых семантических теорий модальности модальная логика выступает важным эталоном оценки» [2, с. 45–46] (перевод наш. – В. К.).

Если обратиться к толкованиям лексемы *модальность* в словаре С. А. Кузнецова, логическое и лингвистическое определения представят как очень близкие, но с одним четким различием. Модальность в логике – это «категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания»; модальность в лингвистике – это «грамматическая категория, выражающая формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т. п. отношение говорящего к содержанию высказывания» [1, с. 550]. Назначение категории модальности одинаково как для лингвистов, так и для логиков, однако для языковедов важен состав языковых средств, выражающих модальные значения. Объединяя лингвистическое и логическое понимание модальности, в настоящей работе можно выделить следующие категории модальности: 1) грамматическая модальность: а) ирреальная модальность повелительного и сослагательного наклонений; б) особая модальность вопросительных предложений; в) модальность согласия и несогласия; 2) познавательная модальность в ее двух разновидностях: эпистемическая (*знаю, допускаю, верю*) и алетическая (*возможно, конечно, скорей всего*); 3) аксиологическая (оценочная): *хорошо, плохо, приятней* и др.; 4) деонтическая модальность (*можно, нельзя, запрещено* и др.); 5) телеологическая модальность речевых актов, выражающих разные намерения говорящего (эмоциональное состояние; побуждение к действию или запрет его; поддержание контакта (при помощи принятых формул речевого этикета); 6) метаязыковая модальность, т. е. комментариев (суждение, оценка) по отношению к своей или чужой речи или по отношению к коммуникативному поведению кого-то из участников ситуации общения, который реализуется посредством а) речевых актов; б) вводных слов и оборотов (*как говорили ранее, по его словам, так сказать*).

Материалом исследования послужили 8 фрагментов сетевых ток-шоу с участием актеров и 8 фрагментов интернет-комментариев к ним или ток-шоу такого же формата на русском и английском языках. Объем одного фрагмента 1000 слов (в сумме знаменательных и служебных). Собеседники в русских и английских ток-шоу не касаются острых политических тем, социальных проблем, модераторы не «копаются» в личной жизни приглашенных актеров, не переходят на личности, что обуславливает умеренную полемику, экспрессию, отсутствие инвектив. В центре внимания – театрально-кинематографические темы, которые одновременно и профессиональны и общеинтерес-

ны, а на периферии находятся житейские, семейно-бытовые, в некоторых случаях развлекательно-сплетнические вопросы.

Результаты исследования показали, что бо́льшая насыщенность модальными значениями характерна для русских интернет-текстов. Тем не менее коэффициент насыщенности модальными значениями русских интернет-дискуссий отличается незначительно от английских текстов (соответственно 0,26 vs 0,21). Общий показатель насыщенности модальными значениями интернет-текстов составляет 0,23, то есть примерно четверть объема текста.

Насыщенность модальными фактами выше в русских и английских интернет-комментариях по сравнению с ток-шоу. Этот показатель более существенный в русском материале (0,31 vs 0,25). Преобладание модальных значений в русском материале в целом и в каждом рассматриваемом жанре свидетельствует о том, что русские коммуниканты более свободны, естественны и эмоциональны в проявлении своих чувств, эмоций и переживаний.

Для русских текстов обоих жанров количественная иерархия разрядов модальных значений имеет следующий вид:

- 1) аксиологическая модальность;
- 2) телеологическая модальность речевых актов;
- 3) модальность акцентирования;
- 4) грамматическая модальность;
- 5) познавательная модальность;
- 6) метаязыковая модальность;
- 7) деонтическая модальность.

Для английских текстов обоих жанров количественная иерархия модальных значений такова:

- 1) аксиологическая модальность;
- 2) телеологическая модальность речевых актов;
- 3) познавательная модальность;
- 4) грамматическая модальность;
- 5) модальность акцентирования;
- 6) метаязыковая модальность;
- 7) деонтическая модальность.

Таким образом, количественная иерархия модальных значений в русских и английских текстах (независимо от жанра) отличается незначительно. Как в русском, так и английском материале максимально представлена аксиологическая модальность и телеологическая мо-

дальность (в первую очередь, оценочных РА). Отсюда следует, что рассматриваемые интернет-тексты максимально прагматичны и направлены на собеседника. На последнем и предпоследнем месте в обоих языках находятся метаязыковая и деонтическая модальности соответственно. Третье место в количественной иерархии занимает познавательная модальность в английских интернет-дискуссиях и модальность акцентирования в русском материале. Широкая представленность познавательных значений в речи английских коммуникантов смягчает процесс коммуникации, делает его менее категоричным, ненавязчивым, помогает избежать возможных конфликтов и прямого воздействия на собеседника.

Картина насыщенности модальными значениями основных модальных разрядов в четырех подкорпусах сетевых текстов отличается от представленной выше.

Для русских текстов ток-шоу и комментариев количественная иерархия модальных значений такова.

Ток-шоу:

- 1) модальность акцентирования;
- 2) аксиологическая модальность;
- 3) грамматическая модальность;
- 4) иллокутивная модальность речевых актов;
- 5) познавательная модальность;
- 6) деонтическая модальность;
- 7) метаязыковая модальность.

Интернет-комментарии:

- 1) иллокутивная модальность речевых актов;
- 2) аксиологическая модальность;
- 3) грамматическая модальность;
- 4) модальность акцентирования;
- 5) познавательная модальность;
- 6) метаязыковая модальность;
- 7) деонтическая модальность.

Для английских интернет-текстов рассматриваемых жанров количественная иерархия разрядов модальных значений имеет следующий вид.

Ток-шоу:

- 1) познавательная модальность;
- 2) аксиологическая модальность;
- 3) модальность акцентирования;

- 4) иллокутивная модальность речевых актов;
- 5) грамматическая модальность;
- 6) метаязыковая модальность;
- 7) деонтическая модальность.

Комментарии:

- 1) аксиологическая модальность;
- 2) иллокутивная модальность речевых актов;
- 3) метаязыковая модальность;
- 4) грамматическая модальность;
- 5) познавательная модальность;
- 6) модальность акцентирования;
- 7) деонтическая модальность.

Жанр определяет высокую степень эмоционально-экспрессивной насыщенности интернет-комментариев и более спокойный и сдержанный характер ток-шоу. Отсюда более высокий удельный вес аксиологических модальных значений, иллокутивных речевых актов, модально маркированных вопросов, разнообразных средств экспрессивизации оценочных значений, метаязыковых оценочных речевых актов в русских и английских комментариях. Воздействие на эмоции выступает как первичная и непосредственная цель авторов сетевых комментариев.

Лингвокультурологический фактор в значительной степени определяет количественную представленность и употребление выделяемых модальных значений. В английской культуре ценится проявление положительных эмоций, которые говорящий может и не испытывать, демонстрация хорошего настроения, создание дружелюбной атмосферы общения. Отсюда гиперболизированная эмоциональная оценка собеседника, его качеств и действий. Это приводит к значительному преобладанию положительных оценок, усилительных лексем в речи английских коммуникантов по сравнению с русскими собеседниками. Принадлежность текстов к разным национально-культурным традициям влияет на соотношение форм ирреальных наклонений (сослагательного и повелительного), согласия и несогласия, эпистемических глаголов знания и мнения, деонтических глаголов позволения и долга, отрицательных и положительных аксиологических лексем и оценочных речевых актов (в том числе метаязыковых).

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.

2. Portner, Paul. Modality / Paul Portner. – Oxford: Oxford University Press, 2009.

А. А. Соловьева (Минск)

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ДЕРИВАТОВ В СОСТАВЕ ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ (КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ)

Предметом исследования являются общеупотребительные русские и английские экономические обозначения в ономасиологическом аспекте. **Задачи** данного исследования:

1) выявить состав ономасиологических разрядов лексики, используемой в широкой (в том числе непрофессиональной) коммуникации на экономические темы;

2) охарактеризовать в количественном и качественном отношении лексическое наполнение ономасиологических разрядов экономической лексики;

3) выявить ономасиологические различия между русской и английской экономической лексикой;

4) выявить внутриязыковые и социально-культурные факторы, обусловившие выявленные различия.

Принципы выявления корпуса общеупотребительных обозначений. В исследуемом русском и английском корпусах сперва было отобрано по 100 частотных непроеизводных экономических обозначений (далее ЭкТ). Материалом для работы послужили 100 русских обозначений денег и платежей, извлеченных из «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова 2000 г. (далее Кузн). Кроме того, был использован «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» 2011 г. (отв. ред. Н. Ю. Шведова). При отборе материала исследования возникали некоторые трудности, связанные с определением того, относится ли та или иная лексема к полю обозначений денег, платежей и финансовых операций. Эта задача решалась на основе метода компонентного анализа словарных дефиниций. Этот метод направлен, прежде всего, на исследование содержательной стороны слова и, в свою очередь, позволяет определить, насколько то или иное слово является подходящим для исследуемого подкорпуса. Если в толковании того или иного слова присутствует хотя бы одна лексема, бесспорно принадлежащая полю «деньги, платежи финансовые операции» (например, *деньги, платить, купить, расход, доход, одолжить, банк, процент, облигация* и т. п.), то есть основания включить проблемное слово в исследуемое поле.

Например, лексическая единица *стипендия* в Кузн определяется как 'регулярное денежное пособие, выдаваемое государством, общественным фондом, частной организацией учащимся в специальных учебных заведениях и на курсах с отрывом от производства' [1, с. 1269]. В описании данного слова имеется словосочетание *денежное пособие*, показывающее, что данная лексема может быть включена в подкорпус «деньги и платежи». Лексическая единица *льгота* в Кузн определяется как 'полное или частичное освобождение от соблюдения установленных законом общих правил, выполнения каких-л. обязанностей' [1, с. 508]. В описании данной лексемы нет ни одного входящего в данное поле слова, поэтому эта лексема в состав исследуемого лексикосемантического поля включаться не может. Отобранный методом компонентного анализа список лексем был сокращен до сотни на основании частотности их употребления. 100 самых частотных русских производных финансовых обозначений были ранжированы по убыванию по данным Онлайн частотного словаря русского языка Ляшевской, Шарова. Материалом для работы также послужили 100 самых частых английских ЭкТ, извлеченных из «Collins English Dictionary, HarperCollins Publishers» (Далее Coll). Данный словарь является одним из самых полных онлайн-словарей общего языка [750 тыс. слов]. Кроме того, Coll был использован для характеристики частоты употребления ЭкТ. По Coll было определено 100 первых по частоте производных ЭкТ. Частота использования слов в Coll представлена диаграммой, указывающей, что обозначение ЭкТ входит в 1000, 4000, 10000 или 30000 самых употребляемых слов из Coll. Так, отобранные лексемы входят в 4 % самых употребляемых слов в Coll ($750000 = 100 \%$, $30000 = x$). Семантизация английских производных лексем была выполнена при помощи Нового большого англо-русского словаря под редакцией Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой (далее Апр). Отнесенность той или иной лексемы к полю ЭкТ устанавливалась путем компонентного анализа словарных дефиниций. При исследовании содержательной стороны слова было определено, насколько оно является подходящим для исследуемого подкорпуса. Если в первых трех толкованиях того или иного слова (представленного в Coll) присутствует хотя бы одна лексема, бесспорно принадлежащая полю ЭкТ (а именно: *money* 'деньги', *pay* 'платить', *buy* 'купить', *sell* 'продать', *payment* 'платеж', *income* 'доход', *lend* 'одолжить', *bank* 'банк', *cost* 'стоить, стоимость', *price* 'цена', *owe* 'быть в долгу', *debt* 'долг', *share* 'акция, доля',

get ‘получать’, *services* ‘услуги’, *goods* ‘товары’, *market* ‘рынок’, *allowance* ‘денежное пособие’, *loan* ‘заем’, *obtain* ‘получать’, *receive* ‘получать’, *finance* ‘финансы, финансировать’, *financial* ‘финансовый’), то есть основания включить проблемное слово в исследуемое поле.

Как выявлялись все их дериваты?

Морфемные дериваты, образованные от 100 русских непроизводных ЭкТ, были выявлены по данным анализа словообразовательных гнезд в Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова. Морфемные дериваты английской сотни непроизводных обозначений выявлялись при помощи Collins English Dictionary.

Семантические дериваты как в русском, так и английском исследуемом корпусе выявлялись внутри той же части речи, что и непроизводное слово на материале Кузн и Coll.

Конверсивы отбирались в результате деривации, осуществленной на основе изменения частеречной парадигмы слова на материале Кузн и Coll.

Фраземы в русском исследуемом корпусе извлекались из заромбовой части в Кузн, в английском исследуемом материале извлекались фраземы с пометой *idioms* в Collins.

Количественные характеристики основных ономаσιологических разрядов русской общеупотребительной экономической лексики.

Частотные непроизводные русские обозначения были проанализированы с точки зрения происхождения. Так, соотношение исконных и заимствованных слов составляет 17 % – 83 %. Помимо этого, был проанализирован частеречный состав 100 частотных непроизводных русских экономических обозначений: субстантивы – 90 %, глаголы – 6 %, адъективы – 4 %.

Среди выявленных дериватов, образованных от 100 русских непроизводных обозначений, были выделены ономаσιологические разряды дериватов с их количественным соотношением. Общее количество производных обозначений составило 297 единиц, из них 76,1 % морфемных дериватов, 10,7 % семантических дериватов, 13,2 % фразем и речевых формул.

Количественные характеристики основных ономаσιологических разрядов английской общеупотребительной экономической лексики.

Частотные непроизводные английские обозначения были проанализированы с точки зрения происхождения. Так, соотношение исконных и заимствованных слов составляет 24 % – 76 %. Помимо этого, был проанализирован частеречный состав 100 частотных непроизвод-

ных английских экономических обозначений: субстантивы – 80 %, глаголы – 16 %, адъективы – 4 %.

Среди выявленных дериватов, образованных от 100 русских производных обозначений, были выделены ономасиологические разряды дериватов с их количественным соотношением. Общее количество производных обозначений составило 350 единиц, из них 64,7 % морфемных дериватов, 9,1 % семантических дериватов, 17,7 % конверсивов, 2,8 % фразем и речевых формул.

Ономасиологические различия между русской и английской общеупотребительной экономической лексикой обозначений.

При сопоставлении ономасиологических разрядов русских и английских ЭКТ были выявлены определенные сходства и различия. Как среди английских, так и среди русских ЭКТ преобладают заимствования (76 % и 83 % соответственно). Анализ частеречного состава показал, что в обоих корпусах среди частотных производных ЭКТ преобладают субстантивы, однако в русском корпусе их на 10 % больше, чем в английском. 16 % от сотни производных составляют английские ЭКТ, русских производных глаголов в исследуемом корпусе меньше. Адъективы русские и английские имеют равную долю – 4 %. Для большей наглядности ономасиологические различия представлены в Таблице 1.

Табл.1.

Количественное соотношение ономасиологических разрядов производных слов в составе общеупотребительной русской и английской экономической лексики

Ономасиологические разряды производных слов		Русский корпус	Английский корпус
1	Производные обозначения	100 (100 %)	100 (100 %)
2	Соотношение исконных и заимствованных слов	17 % – 83 %	24 % – 76 %
Частеречный состав			
1	Субстантивы	90 %	80 %
2	Глаголы	6 %	16 %
3	Адъективы	4 %	4 %
4	Наречия и проч.	–	–

При сопоставлении ономасиологических разрядов дериватов также был выявлен ряд сходств и различий. Число общего количества дериватов преобладает в английском языке (350 и 297 единиц соответственно). Количество семантических дериватов русских и английских ЭКТ не сильно разнятся (10,7 % и 9,1 % соответственно). Доля фразеоло-

логических дериватов в русском исследуемом корпусе существенно разнится с долей английских фразеологических дериватов. Для большей наглядности количественное соотношение ономаσιологических групп дериватов (производных обозначений) в составе общеупотребительных русских и английских экономических обозначений представлено в таблице 2.

Табл. 2.

Количественное соотношение ономаσιологических групп дериватов (производных обозначений) в составе общеупотребительных русских и английских экономических обозначений

Ономаσιологические разряды дериватов		Русский корпус	Английский корпус
Общее количество производных обозначений		297 (100 %)	350 (100 %)
1	Морфемные дериваты	226 (76,1 %)	236 (67,4 %)
2	Семантические дериваты	32 (10,7 %)	32 (9,1 %)
3	Конверсивы	–	62 (17,7 %)
4	Фраземы и речевые формулы	39 (13,2 %)	10 (2,8 %)

Таким образом, количественное соотношение ономаσιологических разрядов непроеизводных слов и ономаσιологических групп дериватов показало, что русский и английский исследуемый корпус ЭкТ схожи во многих аспектах: преобладание заимствований, значительная доля субстантивов и малая доля адъективов, преобладание морфемных дериватов, равное количество семантических дериватов. Однако различия в исследуемых корпусах также зафиксированы: существенно различие в долях фразеологических дериватов (в русском на 10 % больше); в английском корпусе ЭкТ 17,7 % занимают конверсивы.

1. Большой толковый словарь русского языка (130000 слов и выражений) / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Спб.: Норинт, 2000.

С. Г. Хвесько (Гродно)

**УСЕЧЕНИЕ КАК МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО
ОТСУБСТАНТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С СУФФИКСОМ -СТВ- (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

В современном русском языке при образовании существительных среднего рода с помощью суффикса **-ств-** используются разнообразные морфонологические средства формальной модификации как про-

изводящей (мотивирующей) основы, так и словообразовательного форманта для обеспечения их сочетаемости в структуре производной основы. Основным линейным морфонологическим средством модификации производящей основы перед суффиксом **-ств-** в структуре производных существительных является усечение.

Цель данной статьи – представить систематизированное описание усечения как линейного морфонологического средства отсубстантивной деривации существительных с суффиксом **-ств-** в современном русском языке. Материалом исследования являются 714 словообразовательных пар, извлеченных из лексикографических источников различных типов – словообразовательных, морфемных, нормативных и толковых словарей русского языка [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Согласно проведенному исследованию $\approx 10\%$ производных отсубстантивных существительных с суффиксом **-ств-** имеют в современном русском языке усеченную производящую основу. Иначе говоря, усечение, или элизия [10, с. 55], производящей субстантивной основы перед суффиксом **-ств-** наблюдается в каждой десятой словообразовательной паре.

Усекаемыми перед суффиксом **-ств-** финалями производящих основ являются **-#ц-, -ин, -#к, -й, -ник, -ик, -изм.**

В абсолютном большинстве случаев усекаемые финали производящей основы являются морфами или субморфами, а само усечение, согласно терминологии Д. Ворта [11], имеет статус фономорфологического (морфонологического). Морфонологическое усечение является средством организации морфемной последовательности в пределах основы производного слова, когда усекается морф определенной морфемы, или субморф, или сочетание «последняя фонема морфа + морф», например, *граждáн(и́н)* → *граждáн-ство*, *начáль(ник)* → *начáльство*, *свящ-én(и-ик)* → *свящén-ство*. Элизия данного вида маркирует сферу синтагматики языковых знаков и определяется правилами морфотактики. Фонологические усечения по характеру реализации приближаются к чередованиям фонем, и в первую очередь, к чередованию материально выраженной фонемы с фонологическим нулем. Усечения этого вида не только обеспечивают синтагматику морфем в пределах производной основы, но и предопределяют явление алломорфии, т. е. фонологические усечения маркируют как сферу морфемной синтагматики, так и сферу морфемной парадигматики. В русском языке фонологическое усечение субстантивной производящей основы перед суф-

фиксом **-ств-** выявлено только в одной словообразовательной паре: это элизия финали **-й-** в случае *канá[л' (й)а]* (орфогр. *канáлья*) → *канáль-ство*.

Усекаемые финали производящих основ являются посткорневыми и субститутивными: в структуре производной основы они заменяются на другой морф, а именно на суффикс **-ств-** [12, с. 99]. В современном русском языке усечение может быть не единственным морфонологическим средством модификации структуры основы производного существительного с суффиксом **-ств-**. В большинстве случаев усечению сопутствуют фонологические альтернации, например, *бояр'(ин)* → *бояр-ство*, стяжение фонем, например, *господ'(ин)* + **-ств-** → *госпó[ц]тво* (орфогр. *госпóдство*), интерфиксация и вокализация словообразовательного форманта, например, *языч(ник)* → *язычество*.

В большинстве случаев перед суффиксом **-ств-** усекается финаль **-#ц-** (примерно 50 % от всех случаев усечения субстантивных производящих основ) и **-ин** (примерно 25 % от всех случаев усечения субстантивных производящих основ), например: *берклиáн(ец)* → *берклиáнство*, *мальтузиáн(ец)* → *мальтузиáнство*, *ницшеáн(ец)* → *ницшеáнство*, *фихтеáн(ец)* → *фихтеáнство*; *дворян(ин)* → *дворянство*, *крестьян(ин)* → *крестьянство*. Усечение этих финалей происходит относительно регулярно, что дает возможность сформулировать следующие морфонологические правила:

1) перед суффиксом **-ств-** в структуре производных существительных усекается финаль **-#ц-** основ таких производящих существительных, которые сами являются производными и имеют словообразовательное значение 'лицо, носитель предметного значения' [13, с. 178], например, *берклиáн(ец)* → *берклиáнство*, *мальтузиáн(ец)* → *мальтузиáнство*, *ницшеáн(ец)* → *ницшеáнство*, *фихтеáн(ец)* → *фихтеáнство*. В случаях типа *богобóрец* → *богоборчество*, *ста́рец* → *ста́рчество* усечение производящей основы не реализуется; ср. также *наро- дово́л(ец)* → *народовóльство* и *народовóлец* → *народовóльчество*;

2) перед суффиксом **-ств-** в структуре производных существительных усекается финаль **-ин-** основ таких производящих существительных, которые сами являются производными и имеют словообразовательное значение 'лицо, носитель предметного значения' [13, с. 178], например, *дворян(ин)* → *дворянство*, *крестьян(ин)* → *крестьянство*, *мещан(ин)* → *мещáн-ство*, *пурита́н(ин)* → *пурита́нство*, *славян(ин)* → *славя́нство*. В случаях типа *стари́шнá* → *стари́йство* усечение производящей основы не происходит.

Элизия финалей **-#к-**, **-й-** производящих субстантивных основ – менее продуктивное явление (приблизительно 8 % случаев усечения), и это связано с тем, что участие таких основ в деривации существительных с суффиксом **-ств-** лексически ограничено в современном русском языке, например, *свин' (й)á* → *свѣйн-ство*, *потóм(ок)* → *потóм-ство*.

Усечение производящей основы за счет морфемы **-#к-** или субморфов, формально тождественных этим морфам, происходит регулярно, но морф **-ок-** морфемы **-ок-**, который является частью корня, под элизию не подпадает, например, *потóм(ок)* → *потóмство*, но *знатóк* → *знатóчество*, *прорóк* → *прорóчество*. Следует отметить, что усечение финалей **-ник-** происходит нерегулярно, *начáль(ник)* → *начáльство*, но *взяточник* → *взяточничество*, *шкóльник* → *шкóльничество*, а также *мошѣн(ник)* → *мошѣнство* и *мошѣнник* → *мошѣничество*.

И наконец, усечение финалей **-изм-**, **-ик-**, **-ник-** представлено единичными случаями, это также объясняется слабой лексической представленностью существительных с соответствующими характеристиками основ в деривации субстантивов с суффиксом **-ств-**, например, *эпикуре(ѣзм)* → *эпикурѣй-ство*, *прáздн(ик)* → *прáзднество*, *начáль(ник)* → *начáльство*.

Нестандартным для лингвистической интерпретации случаем усечения субстантивной производящей основы перед суффиксом **-ств-** является элизия финали **-й-**: [*свин' (й)á*] (орфогр. *свинья*) → *свѣйн-ство* (с чередованием *н' ~ н*). Статус усекаемого сегмента **-й-** определяется в зависимости от того, как характеризуется соответствующая производящая основа с точки зрения ее членимости. Если основу *свин' й-* считать нечленимой, следует признать: усекаемый перед суффиксом **-ств-** сегмент **-й-** является последней фонемой корневого морфа, а само усечение имеет статус фонологического. Если основу существительного *свинья* рассматривать как формально членимую, в структуре которой выделяется субморф **-й-** (ср.: *свинопáс*, *свинáрь*, *свѣйнский*, *свѣйнтус*, *свинѣушник*), происходящий от суффикса **-й-** (отметим, что данный суффикс имеют в своей структуре существительные женского рода, производные от существительных мужского рода, например, *бегѣн' -й-а* ← *бегѣн* (ср.: *свин' -й-á* ← **свин*), то следует признать, что в русском языке образованию существительного *свѣйнство*, как и образованию однокоренных слов, сопутствует морфонологическое усечение производящей основы.

Таким образом, факторами реализации морфонологического усечения производящих основ в процессе деривации отсубстантивных

существительных с суффиксом **-ств-** в современном русском языке являются: 1) словообразовательный фактор – реализация усечения выявляет зависимость от словообразовательных характеристик производящих основ; 2) лексический фактор – продуктивность усечения перед суффиксом **-ств-** определяется лексическим потенциалом (или количественным составом) производящих существительных с определенными морфемными и словообразовательными характеристиками основы.

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000.
2. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / А. А. Зализняк. – М.: Рус. яз., 1987.
3. Кузнецова, А. И. Словарь морфем русского языка: около 52 000 слов / А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 1986.
4. Русско-белорусский словарь: в 3 т. / под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебкі; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы АН Беларусі, Ін-т языкознання ім. Якуба Коласа. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: БелЭН, 1993. – Т. 1: А–Л.
5. Русско-белорусский словарь: в 3 т. / под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебкі; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы АН Беларусі, Ін-т языкознання ім. Якуба Коласа. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: БелЭН, 1993. – Т. 2: Л–П.
6. Русско-белорусский словарь: в 3 т. / под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебкі; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы АН Беларусі, Ін-т языкознання ім. Якуба Коласа. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: БелЭН, 1993. – Т. 3: П–Я.
7. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1985.
8. Ульянова, О. А. Словообразовательный словарь современного русского языка / О. А. Ульянова. – М.: Аделант, 2013.
9. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт [и др.], 2008.
10. Касевич, В. Б. Морфонология / В. Б. Касевич. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986.
11. Ворт, Д. К типологии усечения / Д. Ворт // Очерки по русской филологии / Д. Ворт; перевод с англ. К. К. Богатырева. – М.: Индрик, 2006. – С. 86–95.
12. Улуханов, И. С. О видах усечения основ мотивирующих слов в русском словообразовании / И. С. Улуханов // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова / Академия наук СССР, Ин-т русского языка; отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Наука, 1975. – С. 95–113.
13. Кароткая граматыка беларускай мовы: у 2 ч. / навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – Ч. 1: Фаналогія. Марфаланогія. Марфалогія.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Е. Г. Лукашанец (Минск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА

Методологическая культура, которая в современном мире считается необходимым условием проведения любого научного исследования, предполагает (при изучении языкового явления) ответы на некоторые вопросы. Среди этих вопросов самыми важными, по-видимому, являются следующие: что представляет собой объект исследования? каковы его границы и как он соотносится с близлежащими явлениями? как следует называть это явление языка, какие термины наилучшим образом отражают его природу? что должно составлять материал исследования и каковы его источники? какими методами надо изучать это явление, какие технические приемы применять?

Когда речь идет о языковых данных, достаточно хорошо изученных, решение указанных выше проблем уже в значительной степени отражено в лингвистических работах. Однако при исследовании относительно новых явлений – в частности, интернет-сленга, – получаемые результаты могут зависеть в немалой степени от того, как именно исследователь представляет себе сущность объекта исследования.

Между тем анализ научной литературы по русскоязычному интернет-сленгу показал, что разработка теоретической базы здесь находится еще в зачаточном состоянии. Нет единства в терминологическом обозначении интернет-сленга: кроме данного термина, являющегося наиболее распространенным, используются еще и такие, как «компьютерно-сетевой диалект», «сетевой жаргон», «сетез». Встречаются и термины, которые, на наш взгляд, просто неверны. Такая путаница нам кажется неслучайной: она отражает неясное понимание исследователями места данной подсистемы в общем пространстве современного русского языка. Недаром в проанализированных нами работах почти нельзя найти внятных определений интернет-сленга, и чаще всего имплицитно подразумевается, что интернет-сленг – это социолект.

Под социолектом обычно понимается «совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе» [1, с. 30]. Однако вряд ли можно говорить о наличии социальной группы «интернет-пользователей», тем более что со временем, по-видимому, границы этого сообщества будут совпадать с границами общества в целом.

Поэтому, на наш взгляд, следует считать интернет-сленг не типом социолекта, а стилем языка, т. е. открытой системой ненормативных средств экспрессивного характера. Такое понимание восходит к англистике, а в русистике конца XX – начала XXI в. почти в таком же смысле употребляется термин «общий сленг / жаргон».

Таким образом, устанавливаются следующие методологические требования к отбору языковых явлений, служащих объектом для исследования интернет-сленга. Во-первых, это средство коммуникации не **кого**, а **где**. Во-вторых, признается принципиальная нечеткость границ этого явления, которые могут быть сужены только для прагматических нужд какого-либо исследования. Например, можно говорить о сленгах хакеров, геймеров, сеошников как о составных частях интернет-сленга.

Несмотря на декларируемую размытость границ интернет-сленга, нам кажется абсолютно неправомерным расширять их до границ интернет-коммуникации в целом. В Сети используются различные средства общения, задействованы разные подсистемы языка. Это, прежде всего, литературный язык во всех его стилях, это разговорно-просторечные слои, это элементы социолектов, не связанных напрямую с Интернетом, это, в конце концов, обценная лексика. Поэтому приравнивать интернет-сленг к языку интернета, как это иногда делается, методологически неверно.

До сих пор мы обсуждали проблему «кто» – теперь обратимся к проблеме «что», т. е. к проблеме семантического пространства интернет-сленга. По-видимому, к нему следует отнести слова, обозначающие понятия, связанные с Интернетом: *псто* ‘вид сообщения в блоге или форуме, то же, что пост’. И здесь встает еще один важный вопрос: как отграничить интернет-сленгизмы от интернет-терминов? Попытка такого отграничения сделана авторами словаря [3] (там выделены разделы «Слова и выражения», содержащие сленговые единицы, и «Термины»; впрочем, сам редактор словаря признает условность такого деления). Тем не менее, по-видимому, есть различия между *гыгыгы*, *ниасилил*, *кароч*, с одной стороны, – и *аватар*, *подкаст* и *хештег*, с другой. В то же время, как и во всех терминосистемах, здесь наблю-

дается пополнение терминов за счет профессиональных сленгизмов или всякого рода неформальных обозначений (в частности, отнесенные в раздел «Слова и выражения» *троллить*, *флейм* и *флуд*, на наш взгляд, целесообразнее было бы поместить в разделе «Термины»).

По-видимому, другой важной лексико-семантической группой интернет-сленга следует считать междометия – обозначения смеха (*лол*, *гыгыгы*, *ржунимагу*), удивления (*вротмненоги*), других разнообразных эмоций (*ептить-коптить*, *фигасе*, *жжюш*). Такие выражения в сжатой, концентрированной форме выражают целый спектр скрытых эмоциональных смыслов, поэтому удобны для неформальной интернет-коммуникации.

Наконец, последний пункт, который следует обсудить, говоря о критериях выделения интернет-сленга, – это проблема «как», т. е. проблема формальных признаков интернет-сленгизмов. И с этой точки зрения ключевым моментом является характер интернет-коммуникации, совмещающей в себе, как утверждается в многочисленных современных исследованиях, устную и письменную формы общения. Поэтому явно сленговый характер носят те лексические единицы, создание которых каким-либо образом связано с графикой. Во-первых, это слова, которые представляют собой орфографические искажения общелитературных слов: *фсотне*, *превед*, *низачот* и проч. Во-вторых, это единицы, содержащие небуквенные знаки: *КГ/АМ*, *АД2*, *про100*. В-третьих, сюда же мы отнесем слова, явившиеся результатами своеобразных игр с переключением клавиатур: *бНОПНЯ*, *ЗЫ*, *лытдыбр*. В четвертую группу объединяются сленгизмы, которые представляют собой труднопроизносимые сочетания звуков: *ВздрЪжне*, *Попячтса*, *жывтоне*. К ним, по-видимому, примыкает пятая группа – сокращения, которые также практически вряд ли могут быть озвучены: *пжл* («пожалуйста»), *УЧННР* («Удар Чака Нориса Ногой с Разворота»).

Возможно, что и англицизмы также маркируют интернет-сленг – на основании того, что информационные технологии проникали в русскоязычные страны с Запада: *детектед* «констатация явления или факта», *лук* «вид, внешний облик». Наименее сленгово отмечены в этом смысле собственно русские слова: аффиксальные производные или же результаты семантической деривации (*ванговать* «предсказывать» ← *Ванга*, *жесть*).

Из вопроса о границах и сущности интернет-сленга логично вытекает и вопрос о выборе источника его исследования, а также – методов сбора материала. Прежде всего, безусловно, можно собирать сленго-

вый материал непосредственно на различных сайтах, в особенности связанных с разными субкультурами или с неформальными группами интернет-пользователей. Понимаем, что этот путь труден, хотя, на наш взгляд, именно он обеспечил бы исследователя наиболее релевантными данными.

Следующий метод – поиск по слову. Он может быть осуществлен в различных поисковых системах и корпусах, но лишь касательно тех сленгизмов, которые не омонимичны словам общелитературного русского языка (например, поиск вышеупомянутого англицизма *лук* заставил бы лингвиста вручную отбирать примеры только со значением ‘вид, внешность’).

Поиск по общепринятым поисковым системам (типа Яндекс, Гугл) нам представляется малопригодным вследствие дублирования сайтов и большого количества «информационного мусора». Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), напротив, не подходит из-за малой представленности в нем соответствующих текстов интернет-коммуникации. Наиболее адекватные результаты может дать ГИКРЯ (Генеральный интернет-корпус русского языка).

Однако поиск по слову возможен только как дополнительный метод: он «работает» при условии, если слова сленга уже известны лингвисту. Первичный же отбор материала может осуществляться, в частности, по словарям, в которых зафиксированы интернет-сленгизмы. Можно выделить три типа таких словарей. Прежде всего, это словари, размещенные в Сети обычно с соответствующим названием («Словарь интернет-сленга» и т. п.) и, как правило, не имеющие авторства. Скорее всего, они были составлены любителями, нелингвистами. Материал таких словарей должен быть тщательно проверен, потому что они обычно содержат не только сленгизмы, но и термины Интернета, а также некоторые другие лексические единицы. Один такой источник, например, носит название «Интернет жаргон. Словарь Интернет терминов» (!) и включает, по большей части, компьютерные термины и профессионализмы: *Укроп – модем Ascorp*, *Уних – ОС UNIX*, *Уснуть за роелем – уснуть перед компьютером лицом на клавиатуре (на лице остаются отпечатки клавиш)*, *Утиль (Утили) – утилиты* и т. д. Интернет-сленг в этом словаре представлен только т. н. «олбанским языком».

Второй тип лексикографических источников составляют словари, созданные лингвистами. Для русского языка наиболее известны работы М. А. Кронгауза (или под его редакцией) [2–3]. Это достаточно ав-

торитетные источники, хотя первый из них ограничен материалом только одного типа интернет-сленга.

Третий тип словарей – онлайн-словари сленга и разговорной лексики. Статьи в них создаются самими пользователями – носителями сленга, и это делает их действительно важными лексикографическими источниками: «рефлексия носителей языка при изучении сленга является одним из важнейших источников информации о семантике той или иной лексики» [4, с. 95]. Из русскоязычных словарей самым подходящим нам кажется Teenslang: в нем производится теггирование слов по отнесенности к определенным сферам употребления и/или к носителям сленгов. В частности, из этого словаря отбираются сленгизмы, помеченные следующими тегами: *интернет*, *каменты*, *хакеры*, *вконтакте*, *геймеры* и др., что создает достаточно цельную картину современного интернет-сленга.

Кроме того, для проверки данных словарей могут использоваться и социолингвистические методы: опросы, анкетирование и т. д.

Таким образом, методологический базис современных исследований интернет-сленга должны составлять следующие положения: признание особой природы интернет-сленга (не как социолекта, а как языкового регистра), отграничение его от сленгов социальных групп, связанных с компьютерами, IT-технологиями, с одной стороны, и от социальных подсистем, не имеющих отношения к Интернету, при одновременном понимании возможности взаимодействия этих подсистем; тщательный отбор материала, обладающего определенными формальными и семантическими характерными чертами; обращение к разным источникам, в первую очередь словарям, созданным лингвистами, и онлайн-словарям сленга и разговорной лексики, с последующей проверкой данных с помощью ГИКРЯ и анкетирования носителей сленга.

1. Беликов, В. И. Социолингвистика: учебник / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Изд. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001.

2. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского / М. А. Кронгауз. – М.: АСТ, 2013.

3. Словарь языка интернета.ru / М. А. Кронгауз [и др.]; под ред. М. А. Кронгауза. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016.

4. Зайдес, К. Д. Об одном новом слове русскоязычной интернет-коммуникации: опыт лексикографического описания / К. Д. Зайдес // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 2 (8). – С. 93–107.

А. С. Мирошниченко (Гродно)

**СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА
В ЖУРНАЛИСТСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ В КОНТЕКСТЕ
КОНЦЕПТУАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИЗДАНИЯ**

Проблематика статусной маркированности языковых и речевых единиц является одной из самых интересных в современной лингвистике. Социальный статус как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения», является «сквозным понятием» ряда языковедческих дисциплин – прежде всего, социолингвистики и лингвистической прагматики [1, с. 5].

Статусно-ролевая стратификация общества не теряет своей актуальности в глобальной «деревне», поскольку связана с такими ключевыми категориями, как нормативно-ценностные представления о социальной деятельности, стиль жизни, ролевые модели поведения, социальный престиж и другие. В языковой картине СМИ неизбежно отражаются представления носителей языка о структуре социального пространства и ее динамике. Для публицистического дискурса последних десятилетий XX века характерны «концептуальная, оценочная и языковая свобода» [2, с. 12], усиление личностного начала, рост роли автора как носителя определенных социальных и этических идей. Все это обуславливает вариативность номинативных единиц со статусной семантикой, активизацию импликационных связей в их значениях.

В статье рассматриваются особенности функционирования социально-статусных номинаций лица в языке белорусских СМИ: республиканских «СБ. Беларусь сегодня» (СБ), «Народная газета» (НГ), «Звезда» (З), «БелГазета» (БГ), «Город женщин» (ГЖ) и «Женский журнал» (ЖЖ), региональных «Гродзенская праўда» (ГП), «Вечерний Гродно» (ВГ), «Астравецкая праўда» (АП), «Ашмянскі веснік» (АВ), «Дзянніца» (Д), «Светлы шлях» (СШ), «Лідская газета» (ЛГ).

Репертуар социально-статусных номинаций лица, используемых журналистами в текстах СМИ, а также частотность и характер употребления лексических единиц обнаруживают зависимость от концептуально-аксиологической концепции издания и его типологических признаков. Так, в соответствии с признаком «территория распространения» белорусские СМИ делятся на республиканские и региональные, что определяет и другие различия между этими типами изданий.

Для региональной прессы характерны «оповседневнивание новостей и регулярное обращение к здравому смыслу и социальным практикам повседневности; усиление утилитарной составляющей в разнотематической информации» [3, с. 2], вместе с тем «многие "новации" современного медиатекста (субъективация, драматизация, разговорность, раскованность, увлечение языковой игрой, повышенная метафоричность и т. п.) настороженно принимаются в районной газете или вообще отрицаются ей» [3, с. 6].

Наблюдения за речевой практикой региональных изданий показали, что в публикациях местных газет в роли важного стратификационного признака, определяющего оценку позиции человека как обладающей более высоким или низким статусным престижем, используется признак «отношение к труду»: *Паціскаючы мазолістую працавітую далонь Віктара Зянонавіча, адразу зразумеў, што перада мной стаіць сапраўдны гаспадар зямлі, той, хто сэрцам і душой адданы прафесіі хлебараба* (Д. 27.07.2018). В региональных изданиях при необходимости обозначения героев публикаций частотно использование положительно окрашенных единиц, характеризующих лицо именно по его участию в трудовой деятельности: *труженики села, труженики полей, сельгасвытворцы, хлебарабы*, напр.: *Уборочная кампанія – по-настасяцему жаркое время для тружеников села* (СШ. 22.07.2019); *Чествование тружеников села и агропромышленного комплекса продолжилось* (ЛГ. 17.11.2018).

Республиканская пресса более чутко и оперативно реагирует на изменения в различных сторонах жизни общества, часто отражает новое в культуре мегаполиса. Так, заимствованные лексемы *трендсеттер, инфлюенсер, байер*, пришедшие в публицистический дискурс из маркетингового сленга, актуализируют в текстах республиканских СМИ стратификационный признак «способность влиять», используются для наименования людей, которые обладают лучшей информированностью, задают тенденции, выступают в роли лидеров мнений и, как следствие, получают более высокий социальный статус: *В последние годы культурные трендсеттеры с громкими именами – от Андриаса Лиены до Юрия Баимета и Владимира Сивакова – все чаще приезжают в Минск...* (СБ. 19.08.2017); *Большое благородное дело реализовали известные культуртрегеры, трендсеттеры, миссионеры и просто светские львы Олег Лукашевич и Александр Алексеев...* (НГ. 26.01.2018); *Инфлюенсеры говорят, что это нужно было сделать еще*

позапрошлым летом, но лучше поздно, чем никогда (ГЖ. 09.07.2018); *Регулярно привозим свои коллекции в Париж, где знакомимся с байерами и получаем заказы* (ГЖ. 19.03.2019). При этом в региональных СМИ при описании тех же событий предпочтительными оказываются более привычные для аудитории наименования *звезда, маэстро, мэтр, мастер, знаток*, актуализирующие стратификационный признак «быть лучшим, выдающимся в своей профессиональной сфере», напр.: *В большом концерте примут участие обладатели премии «Грэмми» камерный ансамбль «Солисты Москвы» под управлением маэстро Юрия Башмета* (ГП. 16.10.2018); *Выступления известных артистов и настоящих звезд мирового уровня* (АП. 16.04.2019).

Впрочем, прекаризация труда и изменения в трудовой и профессиональной идентификации представителей различных групп населения отражаются и на языке региональных газет. Так, слово *селебрити* прочно вошло в лексикон журналистов – его использование отмечено не только в республиканских, но и в региональных СМИ: *Их посещают селебрити (известные и цитируемые люди из сферы экономики, культуры, науки и развлечения)* (БГ. 31.01.2011); *В этой категории «селебрити» она и просуществовала всю свою недолгую и довольно пеструю жизнь...* (З. 23.10.2017); *Ведущие буквально «Позвали на крышу» интересных людей Гродненского региона, и не только уже известных, но и тех, которые пока не стали селебрити* (ГП. 05.10.2018); *Пятнадцать мировых селебрити в Германии, США и Канаде первыми получили посвященные им и напоминающие о малой родине футболки* (ВГ. 27.06.2018).

По типологическому признаку «характер аудитории» различаются специализированные и универсальные издания, и если в первых частотны терминологические единицы, соответствующие требованиям конкретности и точности обозначения предмета разговора, то во вторых предпочтительны слова с более широкой, диффузной семантикой, многозначные и обладающие оценочностью. Например, вместо наименований *потребитель, резидент, субъект торговли*, широко распространенных в специализированных профессиональных и деловых изданиях, в общественно-политических и информационно-развлекательных журналах используются лексемы *покупатель, гражданин, предприниматель*.

Перифраза *слуга народа* используется журналистами, как правило, с иронией и нередко заключается в кавычки. Такая особенность

наименований лица характерна для республиканских СМИ, но не свойственна региональным и местным газетам, которые в силу территориальной ограниченности и, соответственно, более коротких социальных связей отказываются от использования иронии в адрес руководителей различного уровня: *Говорят, чиновники – **слуги народа**. Беда в том, что народ в эту аксиому часто не верит* (СБ. 03.06.2010); *Возможно, это заставит «**слуг народа**» быть ответственным и работать эффективно* (СБ. 15.11.2007); *В белорусской системе символов и ритуалов правящий слой – послушный «**слуга народа**», поэтому принять непопулярное решение он может исключительно с подачи самого народа («по просьбам трудящихся»)* (БГ. 14.03.2016).

Лексема *управленец* также обнаруживает различные варианты употребления. Если в республиканских СМИ данная лексема содержит в себе оценочный компонент (как правило, отрицательный), напр.: *Он подчеркнул недопустимость практики перевода «провалившихся» **управленцев** на другую руководящую работу* (СБ. 21.05.2009); *У крепкого **управленца** всегда имеется под рукой какой-нибудь «План сезонной уборки снега в зимний период». Увы, ресурсов для его реализации традиционно не хватает.* (БГ. 25.01.2016), то журналисты региональных СМИ используют это слово как нейтральное или с положительной коннотацией: *Будущий **управленец** Алексей Станилевич в своей работе анализировал внешнеэкономическую деятельность...* (АВ. 04.04.2014); *А коллектив редакции уверен, что они есть у каждой женщины, будь то **управленец**, представительница образования, медицины, строительства или труженица села* (АП. 14. 08.2016).

Статусная оппозиция актуализируется в противопоставлении *представитель власти – простой (обычный) человек*, напр.: *Большие проблемы **простого человека**. С чем идут на прием к **председателю** Могилевского облисполкома* (СБ. 07.03.2014); *Благодаря широкому распространению интернета и социальных медиа **простые люди** получили небывалые доселе возможности влиять на **сильных мира сего*** (БГ. 02.07.2019); *Главная наша задача – забота о **простом человеке**. Люди ждут от **депутатов** помощи* (АП. 24.04.2018).

Основанием для статусной стратификации может служить наличие либо отсутствие у лица тех или иных качеств, например: наличие профессионального знания: ***Профессионала** вряд ли проведешь. **Простого человека** можно напугать своей неадекватностью, в т. ч. напуганной...* (БГ. 25.11.2013); состояние здоровья: *Как видите, на мне сего-*

дня комфортные штаны, но они такие, что их может надеть и тот, кто передвигается в коляске, и обычный человек... (АП. 18.05.2017); финансовые возможности: *Стоимость процедуры доступная – новыми услугами пользуются обычные люди со средним достатком* (СБ. 04.05.2017).

В языке СМИ мы наблюдаем актуализацию статусной семы в статусно-нейтральных номинациях (*человек, люди*). Многие из статусных номинаций лица, используемых в газетных текстах, относятся к идеологемам, отличительной особенностью которых является коннотативная амбивалентность: такие лексемы могут транслировать позитивную либо негативную оценку в зависимости от контекста. В целом журналисты республиканских СМИ более свободны в выражении собственной позиции, поэтому палитра используемых в печатных изданиях национального уровня социально-статусных номинаций отличается большим разнообразием. Региональным СМИ свойственна приверженность традиционным ценностям, среди которых стоит отметить особое почтение к носителям высокого социального статуса. В языке районных СМИ оказываются мало востребованными социально-статусные номинации с негативной оценкой, но вместе с тем активно используются речевые штампы.

1. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

2. Стернин, И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка / И. А. Стернин. – Воронеж, 2004.

3. Пивоварчик, Т. А. Коммуникативные и речевые практики региональных СМИ: социолингвистический аспект / Т. А. Пивоварчик // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 4 (31). – С. 1–9.

Е. В. Михайлова (Минск)

«МУЗЫКА» КАК ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЙ КОНЦЕПТ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О. А. СЕДАКОВОЙ

О. А. Седакова – известная российская поэтесса, лауреат многих литературных премий. Рассмотрим реализацию темы музыки в ее произведениях из сборников «Избранное» (СПб., 2018) [1] и «Путешествие волхвов. Избранное» (М., 2005) [2].

«Возможный мир» О. А. Седаковой особенный во всех отношениях. Поэтесса воплощает мировоззренческую метафору «жизнь – сад»:

Это сад мой стоит надо мною [1, с. 7]; *Я тоже из тех, кому больше не надо, // и буду стоять, пропадая из глаз, // стеклянной террасой из темного сада...* [1, с. 10]. В предисловии к своей книге «Сад мироздания» О. А. Седакова пишет о важности темы сада для своего творчества: «Мысль о книге, в которую собраны стихи о саде, принадлежит художнику Татьяне Ян. Художнику и – как и я – хозяйке и работнице деревенского сада. Мы выбрали стихи, в которых сад присутствует явно. Во многих других он как бы держится в уме. Дневной, ночной, видимый, невидимый сад...» [3]. Она любит ночь – таинственное время суток – и дорогу, символизирующую жизнь: *Я скажу, а ты не поверишь, // как люблю я ночь и дорогу...* [1, с. 22]. В ее поэтическом мире очень много неясного, порой соединяются противоположные по значению понятия: *И она* [сказка – Е. М.] *лежит, как тихий вход // в темный сад, откуда свет идет...* [1, с. 16].

Жизнь, по мнению О. А. Седаковой, наполнена страданием: *О, жить – это больно...* [1, с. 15]. Она утверждает главенствующую роль Бога в мире: *Или скажешь, кто меня обидел? // Нет таких, над всеми Бог единый. // Кому нужно – дает Он волю, // у кого не нужно – отбирает* [1, с. 21], его всеведение: *Люди меня слушать не будут, // Бог и без рассказов знает* [1, с. 22]. В стихотворении «Детство» поэтесса пишет, что Бог пришел к ней в раннем детстве из сада: *Кажется или правда? – // кто-то меня увидел, // быстро вошел из сада // и стоит улыбаясь. // ... // Ты не забудь меня, Ольга, // а я никого не забуду* [1, с. 25]. У поэтессы свой взгляд на проблему счастья: *И никто не бывает счастливым. // Но несчастных тоже немного* [1, с. 23]. Она пишет о неизбежности смерти: *На горе зеленой сады играют // и до самой воды доходят, // как ягнята с золотыми бубенцами. // Белые ягнята на горе зеленой. // А смерть придет, никого не спросит* [1, с. 28].

Концепт «музыка» является главным стимулом порождения музыкально-поэтического текста и, следовательно, дискурсообразующим концептом, он актуализирует новые дискурсивные смыслы. «Музыка» – концепт культуры и эмоциональный концепт. Он связан с концептами «поэзия», «эмоции», «чувства». В русской и белорусской поэзии с выражением эмоций и чувств соотносится в основном вокальная и инструментальная музыка.

Поскольку отношения концепта и дискурса «...носят ... взаимосвязанный характер: тот или иной тип дискурса "впитывает" в себя определенные концепты, а концепты, "пропитываясь" духом дискурса,

к которому они принадлежат, обладают способностью управлять коммуникацией, порождая вокруг себя определенный дискурс» [4, с. 15], музыкально-поэтический дискурс концентрируется вокруг опорного (термин В. З. Демьянкова) [5, с. 7] концепта «музыка». Этот концепт состоит из ядра и периферии. Ядро данного концепта – понятие о музыкальном звуке и его экспликациях – объектах, создающих его (музыкальных инструментах), облекающих его в определенную форму (музыкальных жанрах), объединяющих произведения при помощи приемов и средств музыкальной выразительности (направлений, стилей), соотносящих характер звука с положительным либо отрицательным полюсами эмоциональной сферы человека. На периферии концепта «музыка» – его различные дополнительные значения, информация о возможности прикладного использования концепта и образов и понятий, соотносящихся с ним. Образы, связанные с музыкой, понятны и близки людям различных национальностей, поскольку их содержание имеет общечеловеческую основу. Концепт «музыка» обладает разнообразным эмоциональным содержанием: от мажорного (с различными модификациями) до минорного (с большим количеством оттенков).

Музыкально-поэтический дискурс проявляется в следующих ситуациях: 1) в случае единства музыки и поэзии, 2) при выражении концепта «музыка» в стихотворениях на любые темы, 3) в стихах на музыкальные темы, 4) в музыкально-поэтических произведениях. Стихи о музыке могут быть следующими: 1) описывающими музыку во всех формах ее существования – сочинение, исполнение и восприятие музыки, 2) соотносящимися с музыкой в плане авторских размышлений.

Концепт «музыка» в поэзии О. А. Седаковой реализуется уже в названиях поэтических произведений: «Горная колыбельная» [1, с. 14–15], цикл «Старые песни» [1, с. 21–57], «Походная песня» [1, с. 33], «Давид поет Саулу» [1, с. 63–65], «Элегия, переходящая в реквием» [1, с. 135–142], «Песенка» [1, с. 187] и др. Но наиболее яркое воплощение он получает в стихотворении «Музыка» [1, с. 212–214]. Музыка для О. А. Седаковой – это что-то выше человеческого понимания, она не принадлежит композиторам, создавшим ее, а относится к вечности: *...я различаю звуки – // звуки не звуки: // прелюдию к музыке, которую никто не назовет: моя, // ибо она более чем ничья...* [1, с. 212]. Все записи музыки, попытки ее упорядочить ничего не значат на фоне ее трансцендентной природы: *музыка, у которой ни лада ни вида, // ни*

кола ни двора, ни тактовой черты, // ни пяти линеек, изобретенных Гвидо: // только перемещения недоступности и высоты [1, с. 212]. Музыка имеет власть над людьми: Музыка, небо Марса, звезда старинного боя, // где мы сразу же и бесповоротно побеждены // приближеньем вооруженных отрядов дали, // ударами прибоя, // первым прикосновеньем волны [1, с. 212–213]. Поэтесса подчеркивает временную природу музыкального искусства («Музыка – это транзит» [1, с. 213]; *Все пройдет, все пропадет, все мягко, мягко стелет... // Но прежде усыпления, // прежде ускоряющегося соскальзывания с высоты – // знаменитый походный оркестр...* [1, с. 213]) и то, что каждый человек воспринимает музыку по-своему: *И каждый – ее дирижер. // Ну, валяй, моя музыка! сначала эти, // как они? струнные, все вместе* [1, с. 213–214]. Природа жизни – другая, отличающаяся от природы музыки: *И теперь: // клетот лавы в жерлах действующего вулкана, // стрекот деревенского запечного сверчка, // сердце океана, стучащее в груди океана, // пока оно бьется, музыка, мы живы...* [1, с. 214]. Музыка – характеристика жизни: *Хорошо бывает рано утром: // за спиной гудят рожки и струны, // впереди еще лучшие играют* [1, с. 42]. Она олицетворяется: *Я северную арфу // последний раз возьму // и музыку слепую, // прощаясь, обниму: // я так любила этот лад, // этот свет, влюбленный в тьму* [1, с. 84]. Музыка у нее очень разная, она может иметь характеристики, противоречащие ее сущности, с одной стороны, она является для поэтессы звуковым феноменом, с другой – зрительным, музыка создается струнными, клавишными и духовыми инструментами: *Неслышимая музыка звучней. // Собрав мирьяд рассеянных лучей, // она для нас играет за углом // огромным зажигательным стеклом. // И нравится ее простая весть // о том, что все не здесь – и снова здесь, // что искрится хрусталик слуховой, // как снежный порошок в бездне меховой... // Что это, арфа, клавиши? мой друг, // ничто нам не напомнит этот звук. // То в Альпах непроглядная пурга, // то легкий дух трубит в свои рога* [2, с. 105–106]. В стихотворении «Утешная собачка» [1, с. 98–100] музыка ассоциируется с водой: *...надежные мосты // над речкой музыки нетрудной – // ее легко заучишь ты* [1, с. 98].

О. А. Седакова использует следующие группы музыкальных терминов (как в прямом значении, так и метафорическом): музыкальные жанры и их составляющие (*колыбельная (горная), песня, песнопенье,*

хорал, марш (военный), припев (горащие) и др.); музыкальные инструменты и их части (струны, дуда, лира (сухая), труба, рожок, арфа, клавиши, рога, рожок (пастушеский), туба (классическая), горн (военный), горн (неодолимый), горн сострадания, струны (загробные), арфа (северная), свирель, флейта (костяная), флейта (деревянная) и др.); элементы теории музыки (звук, звучанье, звон, созвучия, звукоряд (родной), аккорд, нота и др.); глаголы музыкальной деятельности (допеть, звучать, играть, трубить, спеть, отпеть, петь и др.). Преобладают названия музыкальных инструментов – объектов, создающих музыку.

Поэтесса пишет о звуке, подчеркивая его значительные возможности: *Какой же друг? Я говорю: мой друг – // и вижу: звук описывает круг, // потом другой, и крутит эту нить, // отвыкнув плакать, перестав просить* [1, с. 114]. Звук боя часов у нее символичен: *И триста лет лежать себе в пыли – // и вдруг звучать, как бой часов вдали* [2, с. 104]. Понятие струны очень важно для поэзии О. А. Седаковой: *... (ты слышишь, как струны мои хороши?)* [1, с. 63]. Природа струн и звезд – из иных миров: *Строят струны, звезды беспокоят. // Струны их и звезды ничего не стоят, // все они отвернуты от нас* [1, с. 178]. В ее поэтическом мире существует хорал безнадежности: *Кто день за днем, как нищий в поездах, // с притворными слезами на глазах // в ворованную шапку собирал – // тот, безнадежность, знает твой хорал. // Он знает это зданье голосов, // идущее в черновике лесов // все выше, выше – и всегда назад* [1, с. 114]. Образ звона у поэтессы очень сложен: *...Позади него [опустошенья – Е. М.] – // миллионом спичек чиркнув, вещество // расходится на лица и дома, // столбы, как их расставила чума, // простые арки, плаванье и звон...* [1, с. 115]. Поэтесса пишет о бытии, включая в число форм его реализации и музыкальный жанр: *Существование – смутное стекло. // Военный марш или роман Лакло...* [2, с. 91]. Музыкальные инструменты в ее поэтическом мире очень разные: *сухая лира сверчка* [1, с. 68], *цвница внутреннего ветра* [1, с. 70], *инструменты музыкальной боли* [1, с. 150]; они способны олицетворяться: *И чучело альпийского орла // за перевалом бренности земной, // словно рожок, беседует со мной* [2, с. 102], проявлять свою волшебную сущность: *...что нет такой злой минуты, // ... // что над нею дух не заиграет, // как чудесная дудка над кладом...* [1, с. 38]. Труба – особый инструмент в поэтическом мире О. Седаковой, в стихотворении «Золотая труба. Ритм Заболоцкого» [1, с. 75–76] именно она возвещает приход счастья [1, с. 75].

Таким образом, «музыка» является дискурсообразующим концептом в поэтических произведениях О. А. Седаковой, поскольку благодаря его реализации в ее поэзии образуется уникальный музыкально-поэтический дискурс, в рамках которого музыка предстает неземным явлением с глубокой сущностью, которая до конца не может быть познанной, а образы элементов, создающих и воплощающих ее (музыкальных инструментов, музыкальных жанров и т. д.) имеют настолько сложное семантическое содержание, что перестают восприниматься как выразители определенного вида искусства. Поэтесса воплощает феномен музыки при помощи как лингвистических, так и литературных средств.

1. Седакова, О. А. Избранное: стихотворения / О. А. Седакова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.

2. Седакова, О. А. Путешествие волхвов. Избранное / О. А. Седакова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Логос, Итака, Русский путь, 2005.

3. Седакова, О. А. Сад мироздания / О. А. Седакова. – М.: Арт-Волхонка, 2014.

4. Островская, Т. А. Взаимодействие концептов и дискурса в исследовании дискурса элиты / Т. А. Островская // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы V Междунар. юбилейной науч. конф., Минск, 6–7 дек. 2012 г.: в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, УО «Мин. гос. лингв. ун-т»; редкол.: О. А. Полетаева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Ч. 1. – С. 14–17.

5. Тетради новых терминов / Гос. комитет СССР по науке и технике Акад. наук СССР, Всесоюзный центр переводов науч.-техн. лит. и документации; отв. ред. И. П. Смирнов. – М.: Всесоюзный центр переводов, 1982. – № 39. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. – Вып. 2. Методы анализа текста / сост. В. З. Демьянков.

Н. А. Михальчук (Могилев)

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И. БРОДСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИНТЕРВЬЮ И БЕСЕД С ПОЭТОМ)

Антропоцентрическая парадигма лингвистики XX века включает несколько разных, но взаимосвязанных направлений, среди которых выделяется коммуникативная лингвистика, – ее определяет интерес к человеку в ракурсе его процесса коммуникации. В рамках антропоцентрического подхода диктуется необходимость изучения речевой

коммуникации отдельной личности, частных реализаций дискурса, создаются условия для всесторонней оценки языковой личности в пределах индивидуального речевого поведения.

Исследование посвящено отдельным аспектам проблемы изучения языковой личности И. Бродского – рассмотрению реализации принципа вежливости Дж. Лича в устной речи поэта [1], а также выявлению специфики его речевого поведения в текстах бесед и интервью. Устная речь И. Бродского анализируется на материале «Диалогов с Бродским» С. Волкова [2], а также «Большой книги интервью» [3].

К специфическим особенностям речевого поведения И. Бродского относится корректное соблюдение максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича.

1. Максима одобрения.

Принцип вежливости, сформулированный в 1983 году в работе «Принципы прагматики» британским лингвистом Дж. Личем, относится к сфере речевого этикета и может быть определен как принцип взаиморасположения коммуникантов в рамках речевого акта. Обращает на себя внимание значимость в дискурсе поэта максимы одобрения Дж. Лича, которая гласит: «Своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других».

Мы разделяем точку зрения Н. А. Бигуновой, которая в качестве объектов одобрения рассматривает неодушевленные предметы, идеи, явления; похвалу трактует как речевой акт, направленный на собеседника либо отсутствующего в коммуникативном пространстве человека, а ее объектом считает качества, умения, поступки, внешность или манеры адресата (явного или отсутствующего) [4].

1.1. Собственно одобрение.

Дискурс И. Бродского характеризуется преобладанием прямых речевых актов одобрения и похвалы над косвенными, последние встречаются в единичных случаях. Ср.: *Если внимательно читать стихи Фроста, то, конечно, за них можно дать Пулитцеровскую премию* (косвенный РА похвалы) [2, с. 131].

Похвала или одобрение могут быть направлены на собеседника, ср.: *Вы, Соломон, задаете замечательные вопросы, но я на них просто затрудняюсь ответить...* [2, с. 45].

В большинстве случаев объектами похвалы выступают третьи лица, причем в дискурсе И. Бродского дифференцируются этические и эстетические оценки. Так, М. Барышников оценивается поэтом как со-

вершиенно потрясающий человек, человек потрясающего ума и интуиции. Он на меня производил и производит колоссальное впечатление. Причем вовсе не своими качествами танцовщика... А прежде всего – своим совершенно невероятным природным интеллектом [2, с. 236]. Объектом позитивных эстетических оценок в интервью поэта регулярно выступает творчество художников слова различных эпох: Г. Державина, П. Катенина, П. Вяземского, Н. Дмитриева, И. Крылова, В. Набокова, А. Солженицына, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Р. Фроста, У. Одена, Н. Заболоцкого, С. Довлатова, А. Кушнера, Е. Рейна, В. Гандельсмана.

Этические и эстетические оценки выражаются адресантом, как правило, с большой степенью интенсивности, с использованием эмоционально-оценочной лексики со значением высокой степени положительной оценки (*замечательный, незаурядный, колоссальный, потрясающий*), лексического повтора, гиперболы (*Для меня Александр Исаевич – это совершенно замечательный писатель, чьи книги должны прочесть все триста миллионов людей, проживающих в Советском Союзе* [3, с. 470]). В речевых актах похвалы и одобрения функционируют лексические интенсификаторы (*совершенно, колоссально, чрезвычайно*) и синтаксические – сегментация, восклицательные конструкции, ср.: *А Катенин! Ничего более пронзительного про любовный треугольник нет ни у кого; Цветаева. Она, по-моему, величайшая. Величайшим поэтом двадцатого века была женищина!* [3, с. 45].

1.2. Неосуждение (толерантные высказывания).

Помимо собственно одобрения, в дискурсе поэта представлена интенция неосуждения. Данная интенция реализуется толерантными высказываниями, направленными на явления, которые адресант, исходя из своей системы ценностей, не одобряет, но понимает и принимает. Ср., высказывания о поведении персонала психиатрической больницы: *Обычно серу колют буйным, когда они начинают метаться и скандалить. Но, кроме того, санитарки и медбратья таким образом просто развлекаются. Ну, каждый развлекается как может. А там, в психушке, служить скучно, в конце концов* [2, с. 91]. Толерантные высказывания в сфере художественного творчества: *Северянин – это меня всегда скорее отталкивало, чем привлекало. Но он тоже на своем месте, если говорить о двадцатом веке* [3, с. 349]; *Евтушенко, при всей его монструозности – личной, политической и т. д. – мне все-таки симпатичнее (чем Вознесенский – Н. М.), потому что его язык – это*

все-таки русский язык [3, с. 234]. Значение толерантности усиливается с помощью частицы *все-таки*, вводных конструкций *в конце концов*, *так или иначе* и др.

А. К. Жолковский справедливо утверждает: «Бродского интересуют "альтернативные варианты" поведения, мироощущения, жизни, бытия» [5, с. 272].

1.3. Неодобрение.

Есть в личном и творческом пространстве поэта и зона неприемлемого, и она также включает эстетический и этический уровни оценивания.

В дискурсе Бродского фигурируют сложнооценочные интерпретационные субъективные высказывания, направленные на личность или творчество крупных деятелей искусства и культуры, которым поэт дает резко отрицательные оценки (Об интерпретационных значениях см. М. Я. Гловинская, Ю. Д. Апресян [6], [7]). К таким высказываниям можно отнести следующие речевые акты порицания и критики: *Блока я терпеть не могу* [3, с. 298]; *Некрасов – нет. Никогда... Никаких духовных перспектив у Некрасова не существует. Ни в стихе, ни в эстетике, ни в содержании* [3, с. 350].

Однозначно трактовать подобные высказывания с негативной оценкой весьма сложно. С одной стороны, категоричная речь, как правило, приводит к различным коммуникативным сбоям и неудачам вплоть до полного прекращения речевого контакта; предполагает пренебрежение мнением собеседника, неуважение к его позиции. О. Б. Сиротина подчеркивает, что в характеристике носителя элитарного типа речевой культуры важное место занимает его отношение «к истинно образцовым текстам, играющим основополагающую роль в данной национальной культуре, составляющим золотой фонд художественной литературы, науки и публицистики» [8, с. 196].

С другой стороны, речевые жанры интервью и беседы предполагают и допускают возможность субъективных оценок. Ряд лингвистов дифференцируют категоричность непродуктивную – неэтикетную, нарушающую принцип кооперации, и продуктивную, способствующую эффективному воздействию на адресата (О. А. Акулышина, М. А. Кормилицына, Е. Ю. Викторова).

На наш взгляд, безапелляционность ряда оценок и мнений является одним из показателей против характеристики Бродского как элитарной языковой личности. Негативнооценочные высказывания, на-

правленные на классиков литературы, наиболее любимых русскими, требуют обязательных маркеров смягчения, не прямой формы выражения.

2. Максима скромности.

В текстах интервью И. Бродский неизменно и последовательно следует максиме скромности Дж. Лича, которая предполагает неприятие похвал в свой адрес, минимум похвал и максимум порицаний говорящего по отношению к самому себе, а также реалистическую самооценку коммуниканта, выступающую одним из условий успешности речевого общения.

Речевым актом самоупрека мы считаем речевой акт упрека, адресатом и адресантом которого является один и тот же человек, посредством которого говорящий выражает неудовлетворение своими поступками или поведением. Речевым актом самокритики считаем речевой акт, выражающий общую отрицательную оценку, даваемую говорящим самому себе.

Ср.: – *Как ты чувствуешь себя после получения Нобелевской премии?* – *Ничего специфического, качественно нового я не чувствую. Более того, я не чувствую себя нобелевским лауреатом. Чувствую себя просто исчадием ада, как всегда, как всю жизнь...* (прямой РА самокритики) [3, с. 336]; – *И мне хотелось бы спросить вас, великого поэта...* – *А можно без эпитетов?* (косвенный РА неодобрения) – *Да, конечно...* – *Просто – о чем вы хотели спросить...* [3, с. 453]

Коммуникативная установка поэта на самокритику, самоупреки и самоуничижение, значимая в его речевом поведении, находится в непосредственной связи с его философскими взглядами и мировоззренческими принципами, определением себя самого как «кальвиниста» [3, с. 48]

Оценки, выраженные в речевых актах самоупрека и самокритики, в дискурсе Бродского относятся преимущественно к морально-этической сфере. Безапелляционно и принципиально отрицательные оценки собственного творчества в текстах интервью Бродского отсутствуют.

Для лингвистической реализации речевых актов самокритики и самоупрека характерно использование эмоционально-оценочной лексики (*исчадие ада, натворил*), лексических единиц сниженного регистра (*негодяй*), инвективов (*подонки, дрянь*).

На основании анализа этого и других аспектов устной речи И. Бродского можно сделать вывод о том, что поэт приближается

к носителям элитарного типа речевой культуры, но ярким представителем элитарной речевой культуры, по нашему мнению, не является. В пользу этого свидетельствует несоблюдение поэтом ряда базовых принципов речевого общения, например, нарушение принципа категоричности. Результаты нашего исследования показывают строгое соблюдение поэтом максим одобрения и скромности в рамках принципа вежливости Дж. Лича.

1. Leech, G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – New York: Longman, 1983.
2. Волков, С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. – М.: Эксмо, 2002.
3. Бродский, И. Большая книга интервью / И. Бродский. – М.: Захаров, 2000.
4. Бигунова, Н. А. Интеграция положительно-оценочных речевых актов в структуру диалогического дискурса (на материале современного английского языка) / Н. А. Бигунова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2013. – № 4. – С. 83–92.
5. Жолковский, А. К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма / А. К. Жолковский. – М.: Сов. писатель, 1992.
6. Гловинская, М. Я. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола: автореферат дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / М. Я. Гловинская; МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 1986.
7. Апресян, Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006.
8. Сиротинина, О. Б. Все, что нужно знать о русской речи. Пособие для эффективного общения / О. Б. Сиротинина. – М.: Ленанд, 2016.

Е. А. Тихомирова (Минск)

ОБРАЗ АДРЕСАТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ПОСТОВ И КОММЕНТАРИЕВ В СЕТИ FACEBOOK

Коммуникативное намерение говорящего, его «речевая воля», как писал М. М. Бахтин, является интегративным началом речевых жанров. Речевая воля выражается не в пустоте, высказывание существует «для другого» и специфику коммуникативного акта определяют отношения между адресантом и адресатом. Эти отношения осложняются в ситуациях неканонической коммуникации, когда адресант и адресат разделены во времени и пространстве.

Социальные сети создают иллюзию снятия преград в коммуникации, в том числе общения психолога/психотерапевта и пациента. Но в отличие от индивидуального консультирования такое общение публично, рассчитано на количественно и качественно неопределен-

ную аудиторию. Адресатами становятся как читатели, решившие обратиться к психологу за помощью, так и те, кому лишь любопытно мнение психолога.

По нашим наблюдениям, пишущие в Facebook'е психологи не делают различий между этими двумя категориями читателей и ко всем адресуются как к нуждающимся в терапии. Например, предлагая курс друга-психолога модератор группы уверяет: *Выражение «здоровый человек» наивно. Мы все развиваемся, проходим через кризисы, это не признак болезни. Здоровье в данном смысле было бы остановкой развития, то есть смертью*¹.

В случаях обращения психолога к конкретному собеседнику также учитываем коллективного адресата – всех подписчиков психолога, которые обычно активно комментируют и текст психолога, и опубликованное им письмо. Иногда читатели упрекают психолога, что инициативные письма – литературный прием диалогизации текста, поскольку стилистически тексты почти неразличимы.

Для привлечения внимания психологи часто используют сторителлинг. С повествования о лично пережитом обычно начинаются книги по популярной психологии: «Было прекрасное летнее утро. Я приехала к друзьям на юг Франции...» [1, с. 10]. Этот же прием используют специалисты и в социальной сети – цитируют небольшие рассказы. Например, Елена Семинская постит сказки Аглаи Датешидзе или комиксы Саши Скочиленко. Рассказывание истории создает иллюзию личной беседы, основой текстообразования становится категория диалогичности.

Изучая взаимодействие адресанта/психолога и адресата/пациента, мы опираемся на теорию языковой личности, обозначаем статусно-ролевые отношения коммуникантов по признакам социальной и возрастной иерархии или равноправия и степени близости. В отличие от канонической коммуникации противопоставление по биологическому полу (гендеру) сглажены – коммуниканты выбирают речевые тактики нейтрально гендерные или типично женские.

Психологи обычно выстраивают с адресатами в соцсети иерархические отношения, учитывая положение З. Фрейда о том, что, взрослея и вступая в отношения лидер – ведомый, человек бессознательно вос-

¹ Здесь и далее цитируем посты за 2018–2019 гг. пользователей, позиционирующих себя как профессиональных психологов, с сохранением авторской орфографии и пунктуации и шрифтового выделения.

производит отношения с отцом [2, с. 22]. Психологи признают, что *никто не говорит человеку, что он <...> уподобляется трехлетнему ребенку, который хочет конфету для удовлетворения сиюминутных желаний и не думает о последствиях*. И такая стратегия нравится читателям: *Специалист должен быть сильнее визави. К Вам бы пошла!*

Психологи разговаривают с читателями так, будто они несмышленные дети, зависящие от поощрения, рекомендации: *Загляните в свой внутренний мир. Прислушайтесь к себе, особенно показательно состояние с утра – как только проснулись и вечером перед сном; Вы хорошие, замечательные, еще чуть-чуть, как хорошо у вас получается*.

Психологи перечисляют болевые точки и уверяют читателей в том, что все проблемы решаемы. Субъект речи, пытаясь воздействовать на читателя, выражает необходимость действий адресата. Подчеркивая роль адресата, пишущий выбирает типичные для коммуникативных ситуаций общения врача и пациента или родителя и ребенка предикаты, заполняя их валентности по существующему в сознании носителей языка образцу.

Как и создатели рекламного текста, психологи используют вместо союза *когда* союз *если*, чтобы внушить адресату наличие описываемой задачи: *Если человек хочет похудеть, природа говорит ему о том <...> Но если он хочет сделать это быстро <...>* (выделение шрифтом авторское).

Психологи стремятся снять создаваемые неканоничностью коммуникации ограничения, напоминая читателям о близости: *Дорогие друзья! Если у вас сложные отношения <...>, я предлагаю вам...* Важная предпосылка подобных текстов: *Я была такой же, а теперь <...> и я Вас научу*.

Исследуя парадоксы адресации, А. Д. Шмелев показывает, что «понимание речи часто с необходимостью предполагает установление адресации, которое может быть затруднено из-за нестандартной адресации, когда формальные показатели адресации не соответствуют реальному коммуникативному заданию (в устной и письменной речи); при этом могут происходить референциальные сдвиги» [5, с. 148].

Психологи активно используют возможности референциальных изменений даже в кратких текстах социальной сети.

Автор устанавливает отношения я/вы. Однако оппозиция не способствуют созданию доверительности, поэтому психолог пытается убедить в общности действий: *Хочу заметить, что все, что я даю вам, я делаю или делала сама, и все это проверено на себе*.

Психолог объединяет себя и читателей: *Метка на шкале ценностей с надписью «тело», по которой мы совпадаем или нет, не предполагает такой терпимости.* Дальнейший текст психолог выстраивает от имени своего адресата: *наша семья, наши дети. Мы,* объединяющее автора и читателя, становится *мы* адресата – *я и мой муж (моя жена): Мы двигаемся или мы хотим лежать? мы танцуем, бегаем, плаваем, или это не принято?*

Убедив адресата, что психолог понимает все его страхи, знает все его тревоги, согласен с ним во всем, автор поста напоминает об оппозиции *я* (всезнающий специалист) / недовольный жизнью пациент. После напоминания логично появление в тексте местоимения второго лица. Раз уж психолог так хорошо знает пациента, то вправе выстраивать равноправные отношения и обращаться на *ты*: *Конфликт по шкале отношения к собственному телу только и исключительно там, где для тебя что-то принципиально важно <...>, а твоему партнеру это принципиально неважно или нужно ровно противоположное.* В заключении текста оказывается, что читатель Facebook'а ознакомился с диалогом психолога и пациента и только теперь он становится участником беседы – на него обрушиваются конкретные вопросы, связанные с предыдущим обсуждением: *А вы сталкивались с тем, что...?* Этот прием работает; вовлеченные благодаря референциальным сдвигам в коммуникацию читатели в комментариях не только благодарят, но и признаются в желании активно участвовать в коммуникативном акте: *Даже захотелось ответить на ваши вопросы.*

Психолог знает, что при создании текста от имени адресата и замене второго лица на первое, воздействие на адресата будет сильнее: *Я еще могу успеть на курс «Деньги-деньги», он начнется сегодня!* Все авторы проанализированных постов помимо *мы*, объединяющего автора и читателя, используют обобщающее коллективное *мы*, *мы* как все представители человечества: *Если у нас есть сложность с выражением своего мнения, это потому, то часто мы боимся отвержения. Но часто мы боимся не того, что наше мнение будет отвергнуто. Мы боимся, что МЫ будем отвергнуты. А если, несмотря на страх, мы все-таки отваживаемся выразить свое мнение, мы очень чувствительны к несогласию и начинаем яростно защищаться. Это бывает тогда, когда мы защищаем не мнение, а свою личность.*

Местоимение *мы* становится текстообразующим стержнем поста, варьируя значения *мы* = *я* и *мы* = *каждый из нас*: *Мы не страдаем безумием, мы им наслаждаемся.* М. Лабковский начинает текст с ме-

стоимения, утверждая общность человеческих проблем: *Нас учат <...> наша психика <...> наша голова*. В безличных высказываниях психолог называет вынужденные, неприятные действия. Затем использует *ты* в значении 'каждый из нас': *И всегда ты как-то не дотягиваешь*, – сообщается о действии якобы самого говорящего, но действии неоднократно. Вновь психолог от имени адресата указывает на необходимость для него действий. И сразу же задает вопрос: *А вы хотите...?* И психолог уверяет: я живу так сам, значит, и вы сможете. Б. А. Успенский показал, что таким же способом обучают ребенка, «вкладывая в его уста те слова, которые он должен произнести» [4, с. 48].

В постах психологов повторяется эта модель построения текста, а комментарии показывают эффективность ее воздействия.

Возможна и иная стратегия обращения с читателем, если необходимо привлечь внимание адресата к общей серьезной проблеме: *Этот потрясающий текст очень рекомендую почитать вдумчиво, там можно найти много ответов... Он очень перекликается с моей третьей книгой, которую постепенно пишу*.

Текст позволяет понять не только автора, но и читателя [3, с. 96]. Категория адресата эксплицирует в тексте представления адресанта об адресате. Адресант-психолог учитывает прагматический фактор адресата, его интерпретативные способности, в том числе и способности к языковой игре: *Не торопитесь делать работу с утра. После открытия экселевские файлы должны подышать*. Адресаты текстов психологов принимают роль ребенка, благодарят, что их поступками и эмоциями руководят другие люди, которые снимают с них самих ответственность.

1. Шутценбергер, А. А. Синдром предков / А. А. Шутценбергер. – М.: Изд-во Инст-та психотерапии, 2005.

2. Цитируется по: Практическая психология для дипломатов: учеб. пособие / под ред. Р. Ф. Додельцева. – М.: МГИМО Университет, 2011.

3. Лотман, Ю. М. Текст как смыслопорождающее устройство / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. – М.: Языки русской культуры, 1996.

4. Успенский, Б. А. Еgo Loquens: Язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007.

5. Шмелев, А. Д. Парадоксы адресации / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2012. – С. 135–148.

ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГ В АСПЕКТЕ ДИАХРОНИИ

Лексика является самой динамической частью языка, и диахронические изменения в ее развитии очевидны. Это касается в особенности лексики сленга, которая изменяется быстрее, чем лексика литературного языка. Поэтому, несмотря на относительно недолгое время формирования русскоязычного интернета-сленга, мы имеем возможность исследовать процесс его диахронического развития. В нашем небольшом исследовании мы ставим цель – выявить изменения в лексике интернет-сленга на протяжении последних 10–15 лет.

Для данного исследования мы используем Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ). Как указывается на сайте, «корпус включает в себя материалы крупнейших ресурсов Рунета: Новости, ВКонтакте, Живой Журнал, Журнальный Зал» [1]. Объем корпуса – 19,8 миллиарда словоупотреблений (49 % – ВКонтакте, 40 % – Живой Журнал, по 4 % – блоги Mail.ru и Новости, 2 % – Журнальный зал, данные приводятся на лето 2016 г.). Авторы-создатели корпуса отмечают, что «тексты снабжены метаразметкой (по дате создания текста, полу, месту и году рождения автора, интернет-жанру и так далее); все тексты снабжены автоматической морфологической разметкой и лемматизированы» [1]. Тем самым корпус позволяет на материале большого числа текстов искать слова, он дает все контексты с ними и позволяет также определить год употребления данного слова.

В нашем исследовании мы ограничились самыми крупными ресурсами – ВКонтакте и Живой Журнал.

Для анализа мы взяли слова из «Словаря языка Интернета.ру» под ред. М. А. Кронгауза [2]. Словарь издан в 2016 г., в нем три части: «Слова и выражения» (т. е. собственно интернет-сленгизмы), «Термины» и «Субкультуры»; две последние мы не рассматривали. В первой части – в общей сложности 147 лексических единиц. Из них, во-первых, мы отобрали только слова. Во-вторых, мы обнаружили, что в состав интернет-сленга входят слова, омонимичные литературным (например, *баян* в сленге означает ‘устаревшая шутка или информация, повторенная много раз’, *жесть* – ‘очень сильная оценка впечатляющего или пугающего события, предмета, явления и т. п., а также само такое событие’, *рулить* – ‘быть лучше всех, иметь успех, в частности,

побеждать или выигрывать в конкретной борьбе или игре' и т. д.). Понятно, что, если такие слова проверять по корпусу, следует вручную редактировать огромное количество контекстов (например, по слову *рулить* в ГИКРЯ мы нашли 19135 контекстов, *жест* – 164286 контекстов, они включали как сленгизмы, так и их литературные омонимы). Поэтому такие слова мы также не берем в расчет. Кроме того, в силу небольших размеров текста предполагаемых материалов конференции, мы в список для исследования включили только 30 слов.

Затем мы осуществили поиск каждого из них в ГИКРЯ, чтобы проверить их частотность. В процессе поиска мы обнаружили, что если количество контекстов данного слова выше 65535, то поиск на этом останавливается. Такие чересчур высокочастотные слова нами были также отвергнуты. В результате у нас осталось 23 слова.

Например, по слову *ржунимагу* ГИКРЯ дает следующие контексты: *Как давно это было, сколько раз пересмотрено ... И все равно ржунимагу XD; с утра и шею заклинило! Вот как так-то вообще! Ржунимагу над собой. только со мной это может случиться)))*, всего 9390 контекстов.

Другой пример – *печалька*: из корпуса мы получили 15192 контекста: *буду любить тебя всегда, но почему-то ты меня игноришь, печалька; Вечер воскресенья + последний день лета = двойная печалька ... и все же не стоит грустить ... давайте раскрасим мир в; возможность, каждый раз видеть новые страны !Видеть мир !Но и печалька в этом есть , так скучаю за родными♥*.

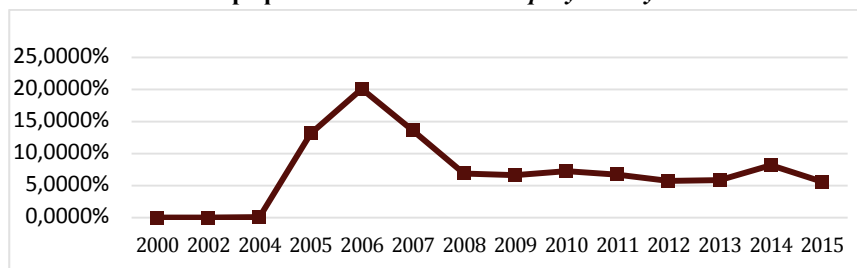
Еще пример – *сабж* (сокращение английского *subject*, в сленге означает 'главная тема разговора или обсуждаемый предмет'). Поиск в ГИКРЯ дал 24590 контекстов: *Как принято говорить в таких случаях – сабж. Всем всего наилучшего, успехов, счастья и сбычи мечт в наступающем; то не сложно было определить, что эта персона слывет женщиной. Сабж полемики заключался в делении общества по уровню интеллекта, а основным...*

Вслед за этим нами бралась статистика по годам употребления этих слов. На основе данных мы подсчитывали процент частотности, затем построили графики частотности по годам.

Например: по слову *ржунимагу* были найдено 9390 контекстов. Сортировка по году дала нам возможность выяснить, что это слово начали широко употреблять в 2005 году, в 2006 году его частотность

достигла пика, затем с 2006 по 2008 г. частотность значительно убывает, а с 2008 по 2015 г. процент частотности незначительно колеблется (5–8 %).

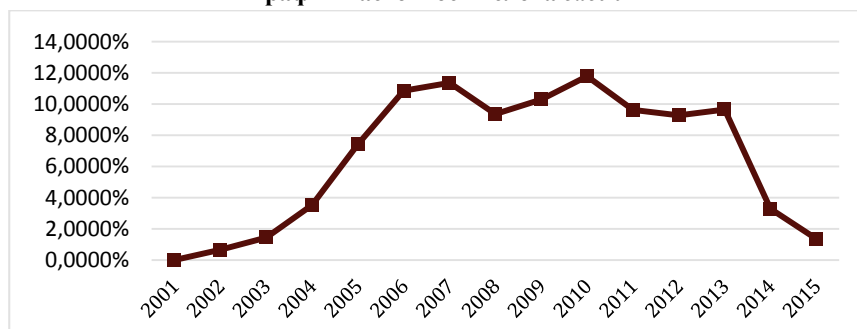
Рисунок 1

График частотности слова *ржунимагу*

Подобным же образом выглядят графики для слов *превед* и *бноня* (слово *бноня*, как указано в словаре, служит для обозначения проблем с кодировками, распространенных в 1990-х – первой половине 2000-х гг.).

Пример другого типа графика нам дает *сабж*. Это слово появляется примерно в 2006–2007 гг., затем незначительно колеблется до 2014 г.

Рисунок 2

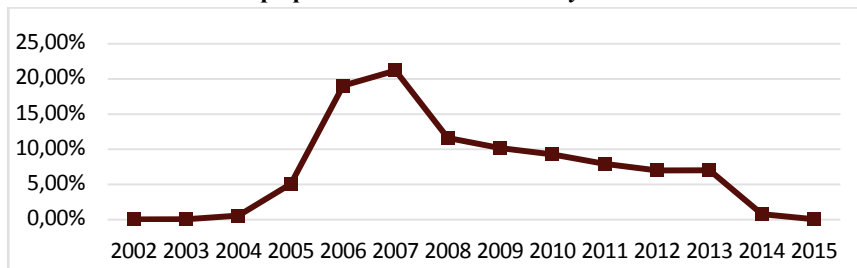
График частотности слова *сабж*

Такие же графики наблюдаются у слов *имхо*, *ессно*, *зы*, *ессно* и *йух*.

Третий тип графика выделяется для слов *адинадин*, *бугага* и *ыыы*. У них пики частотности употребления попадают на 2007–2008 гг., затем частотность уменьшается.

Рисунок 3

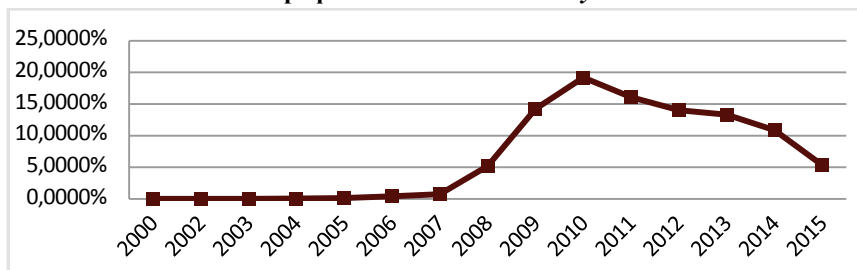
График частотности слова *бугага*

Четвертый тип графика – почти то же, но с пиком в 2009–2010 гг.: *уг, многабукаф, котэ, кагбэ и негодуюэ*.

Рисунок 4

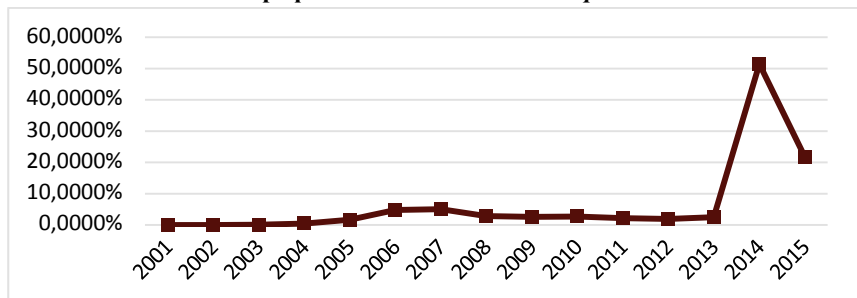
График частотности слова *уг*

Пятая группа – это в основном слова, появившиеся позже: они демонстрируют пики на годах 2014–2015. Это слова *печалька, втф, жыр, типо, кароч, лол, кек*. Следует также учитывать, что данные за 2015 г. в ГИКРЯ – неполные, заканчиваются в мае.

Рисунок 5

График частотности слова *кароч*

Наш анализ позволяет выявить некоторые тенденции в развитии русского интернет-сленга. Наиболее четко выделяются слова, принадлежащие к так называемой субкультуре «упячки», которые начинают употребляться в 2008 г. и перестают – примерно в 2014 гг.: *уг, многабукаф, котэ, кагбэ и негодуюэ*. Еще одна закономерность: интерес к явлению орфографических искажений (*превед, многабукаф*) к середине 2010-х гг. в основном исчезает, точно так же, как и к играм с раскладкой клавиатуры и кодировками компьютера (*бнопня, зы*). Напротив, новым явлением в области русского интернет-сленга можно считать сокращения и некоторые заимствования (*кароч, кек, втф*), а также исконные *печалька, жыр*.

1. Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://int.webcorpora.ru/drake/>. – Дата доступа: 20.08.2019.

2. Словарь языка интернета.ru / М. А. Кронгауз [и др.]; под ред. М. А. Кронгауза. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ж. Э. Бычковская, В. Л. Леонович (Минск)

КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОВЕРОЧНЫЕ РАБОТЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА АТТЕСТАЦИИ СТУДЕНТОВ

Контроль знаний, умений и навыков в системе образования является одной из важнейших составляющих учебного процесса. Существующие в методике формы устного и письменного контроля позволяют качественно осуществлять промежуточную (текущую) и итоговую аттестацию студентов. Контрольная проверка обычно проводится после завершения работы над определенной темой, разделом или целым курсом с целью объективного оценивания усвоения наиболее важных, узловых вопросов. Она требует от студентов максимальной самостоятельности в выполнении заданий.

Особое место среди письменных форм контроля (индивидуального и коллективного) занимают проверочные работы. Емкие и значительные по содержанию, они нацелены на систематизацию и обобщение основных положений, характерных для данной крупной темы, раздела, курса; ориентированы на всестороннюю проверку осознанности знаний и усвоения всех составляющих их компонентов, сформированности умений и навыков как познавательного, так и практического характера.

Комплексные проверочные работы, как правило, включают блок разных по степени сложности, структуре и содержанию заданий. Это могут быть задания: 1) организованные по тестовому принципу, т. е. предполагающие выбор приемлемого или оптимального ответа (либо ответов) из ряда предполагаемых; 2) предусматривающие не только выбор ответа, но и обоснование выбора; 3) нацеленные на самостоятельный ответ и др.

Разработка заданий требует от их составителя определенной методической гибкости, ввиду большого объема программного материала и, как следствие, многообразия изучаемых понятий, его объективной и субъективной сложности; акцентирования внимания на степени осо-

знания, прежде всего, ключевых позиций, выделяемых в пределах того или иного компонента дисциплины «Современный русский язык». Например, при изучении фонетики особое внимание должно быть сосредоточено на контроле усвоения базовых фонетических понятий, обеспечивающих овладение всей фонетической системой современного русского языка. Приведем примеры заданий по данному разделу.

1. Найдите верные утверждения.

1. Основной объект изучения фонетики – буквы и звуки. 2. Звуки – это элементарные, членимые, простейшие членораздельные единицы, элементы звучащей речи, образуемые с помощью речевых органов. 3. Специфика фонетики как одного из уровней языковой системы заключается в том, что единицы языка, составляющие его звуковую материю, не обладают самостоятельным значением. 4. Линейные звуковые единицы – это только звук, слог, фонетическое слово, фраза, диерема. 5. Артикуляционная база – это система произносительных навыков человека или языкового коллектива. 6. Суперсегментные звуковые единицы – это те, которые расположены в линейной последовательности. 7. Синхроническая фонетика – это раздел фонетики, описывающий состояние фонетической системы в определенный момент времени. 8. Коартикуляция – наложение артикуляции, характерной для последующего звука, на весь предшествующий звук. 9. Артикуляция – это работа органов речи, направленная на производство звуков. 10. Экскурсия – последняя фаза артикуляции, состоящая в возвращении органов речи в исходное положение. 11. В зависимости от участия в звукообразовании органы речевого аппарата делятся на три группы: дыхательный аппарат, гортань, надгортанные полости. 12. К активным органам речи относятся губы, язык, мягкое и твердое нёбо, маленький язычок, стенки глотки, нижняя челюсть. 13. Акустический аспект звука речи – это изучение анатомо-физиологической базы артикуляции и механизма речеобразования. 14. Единство фразы создается интонацией. 15. Все звуки образуются при вдохе.

2. Определите, сколько согласных звуков русского языка соответствует каждой из следующих характеристик.

1. Звонкие, губные. 2. Палатализованные, носовые. 3. Губные, непалатализованные. 4. Слитные. 5. Заднеязычные, щелевые. 6. Переднеязычные, взрывные, непалатализованные. 7. Переднеязычные, щелевые, палатализованные. 8. Смычные, взрывные. 9. Переднеязычные, шумные. 10. Заднеязычные, звонкие.

3. Укажите общее и различное в артикуляционной характеристике звуков.

[о] – [у]; [ф] – [п]; [г] – [т]; [ы] – [а]; [с] – [ч]; [о] – [э].

4. Исправьте ошибки в фонетической транскрипции.

Чушь [чуш'], жизнь [ж'изн'], чувство [чу́фствъ], сборы [сбо́ры], вскачь [вскач], молодежь [м^л^д'ош'], цифра [ц'ыфра], лазутчик [л^зутч'ик], шелк [ш'олк], сжимать [зж'има́т'].

5. Затранскрибируйте текст в соответствии с нормами литературного произношения и объясните причины появления всех имеющихся в тексте фонетических изменений согласных звуков. Классифицируйте эти фонетические явления.

В саду было совершенно тихо. Смерзшаяся земля, покрытая пушистым мягким снегом, совершенно смокла, не отдавая звуков; зато воздух стал как-то особенно чутко, отчетливо и полно перенося на далекие расстояния и крик ворон, и удар топора, и легкий треск обломившейся ветки.

Когда на террасе, которая вела из сада в гостиную, раздались шаги, все глаза повернулись туда. В темном проеме широких дверей показалась молодая девушка, которая почувствовала на себе эти сосредоточенные, внимательные взгляды, однако ее это не смутило (*по В. Г. Короленко*).

6. Определите по описанию артикуляции гласный звук (1), согласный звук (2).

1. Губы не округлены и не вытянуты вперед (они растянуты в улыбке). Язык сильно продвинут вперед, кончик языка упирается в передние нижние зубы. Передняя часть спинки языка приподнимается к передней части нёба. 2. Нижняя губа немного вытянута и прижата к верхним зубам, верхняя губа слегка приподнята. Верхние зубы видны. Кончик языка немного отходит от нижних зубов, язык плоский. Выдыхаемый воздух прорывается между верхними зубами и нижней губой. Голосовые связки отдыхают, горло не дрожит (нет голоса).

7. Подберите и запишите слова, в которых ударные гласные звуки [а], [о], [у], [э], [и] испытывают влияние: а) со стороны предшествующих мягких согласных; б) со стороны последующих мягких согласных; в) со стороны предшествующих и последующих мягких согласных. Охарактеризуйте это фонетическое явление.

8. Объясните факт одинакового звучания слов. Классифицируйте фонетические процессы и охарактеризуйте их.

Съезд – съест, маг – мак, покрывало – покрывала, мячом – мечом, душка – дужка, по́лог – по́лок, нагой – ногой, шта́мб – шта́мп, прое́зд – прое́ст, чистота – частота, придите – прядите, порог – порок.

9. Определите звуки по акустическим признакам.

1. Вокальный, консонантный, компактный, высокий, небемольный, недиезный, прерванный, резкий, звонкий. 2. Вокальный, неконсонантный, компактный, низкий, небемольный, недиезный, непрерывный, нерезкий, звонкий.

10. Установите характер фонетических изменений гласных и согласных звуков, обозначенных подчеркнутыми буквами. Охарактеризуйте эти изменения.

Молодчик, устный, абсурд, оркестр, сборник, ртуть, изжарить, разье́зд, новость, мягкость, бинокль, кончик, монастырский, утюжить, возросший, зять, целебный, подчеркнувший, сжечь.

11. Укажите, какие звуки в фонетическом разборе обозначены и/или охарактеризованы неправильно. Исправьте ошибки и объясните их.

Буква	Звук	Артикуляционная характеристика звуков
о	[ъ]	среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный
т	[д]	переднеязычный, нёбно-зубной, смычный, взрывной, непалатализованный, звонкий
б	[б]	губно-губной, смычный, взрывной, непалатализованный, звонкий
о	[о]	заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный
р	[р]	переднеязычный, зубной, смычный, дрожащий, непалатализованный, сонорный

12. Определите, какие признаки характеризуют гласные звуки, а какие – согласные.

1. При образовании этих звуков преобладает шум или различные комбинации голоса и шума. 2. В двухфонемном сочетании после этих звуков может выступать любая фонема. 3. При произношении этих звуков сила воздушной струи слабая. 4. Эти звуки являются неслогообразующими, т. е. образуют слоговую периферию. 5. Эти звуки называют рторазмыкателями. 6. Для этих звуков характерно отсутствие преграды в полости рта. 7. Эти звуки обычно образуют вершину слога. 8. При произношении этих звуков необходима большая сила выдыхаемого воздуха. 9. Для этих звуков способ и место образования являются существенными признаками для их классификации. 10. Эти звуки

называют ртосмыкателями. 11. Сочетаемость этих звуков ограничена. 12. Эти звуки не дифференцируются по способу и месту образования. 13. Для этих звуков при их произношении характерно наличие преграды в полости рта. 14. При образовании этих звуков напряжены все органы речевого аппарата. 15. Эти звуки являются носителями ударения. 16. Эти звуки в акустическом плане характеризуются наличием музыкального тона. 17. При произношении этих звуков место артикуляции четко определено.

13. Составьте из данных звуков слова и запишите их в соответствии с правилами орфографии.

1. [т], [ʌ], [п], [ý], [р], [с]. 2. [ʌ], [п], [á], [з], [ъ], [н], [д]. 3. [ъ], [л'], [ý], [б], [п̃]. 4. [т'], [п], [ъ], [ч'], [ó], [ь], [в]. 5. [л], [á], [т'], [з], [д'], [и], [г]. 6. [й], [п], [л'], [ъ], [ц], [у], [к'].

14. Затранскрибируйте текст в соответствии с нормами русского литературного произношения и выполните задания, приведенные после него.

Я знаю женщину: молчанье,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцанье
Ее расширенных зрачков.
Ее душа открыта жадно
Лишь медной музыке стиха,
Пред жизнью дольней и отрадной
Высокомерна и глуха.

Найдите в тексте: 1) слова, где все гласные звуки: а) сонорные; б) глухие; 2) слово, где есть звук, который имеет следующие характеристики: нелабиализованный гласный нижнего подъема, продвинул вперед в экскурсии и рекурсии; 3) слова, где есть согласный звук, который имеет следующие артикуляционные признаки: зубной, факультальный, звонкий, твердый; 4) слова, в которых есть двухфокусные согласные звуки; мотивируйте свой выбор; охарактеризуйте эти звуки по месту образования; 5) слова, в которых звук [а] (в разных его оттенках) встречается: а) под ударением между мягкими согласными; б) под ударением не между мягкими согласными; объясните, какие изменения происходят в артикуляции данного звука; 6) примеры комбинаторных и позиционных изменений в области согласных звуков; классифицируйте их и объясните условия этих фонетических явлений; 7) в сочетаниях слов случаи проклитик и энклитик; если в тексте не встречаются ка-

кой-нибудь клитики, приведите с ними 2–3 своих примера; 8) неодно-
сложное фонетическое слово, в котором встречаются гласные только
верхнего подъема.

Подобные задания позволяют преподавателю установить, что
усвоили студенты из пройденного раздела, и, следовательно, зафиксиро-
вать соответствующие пробелы; какими умениями, позволяющими
в процессе дальнейшей познавательной деятельности опираться на
приобретенные знания, они овладели.

Как показывает опыт, комплексные проверочные работы способ-
ствуют более объективному выведению итоговой оценки знаний и
являются эффективной формой аттестации студентов.

Е. Е. Долбик (Минск)

«ЛИНГВИСТИКА КАЖДОГО ДНЯ» НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В 1991 г. вышла в свет книга профессора Б. Ю. Нормана «Лингви-
стика каждого дня» [1], в которой известный белорусский языковед
обращает наше внимание на «речевую среду обитания человека» —
конкретные формы реализации языкового сознания, воплощенного в
многообразных устных и письменных текстах, с которыми человек
имеет дело на протяжении всей своей сознательной жизни. Наблюдения
над окружающими нас в повседневной действительности текстами
и обобщения, касающиеся механизмов, создающих эти тексты, — так
сам автор определяет предмет своей книги. Объектами изучения линг-
вистики каждого дня становятся вывески, реклама, объявления,
надписи на этикетках, анекдоты, заголовки и под.

На уроках русского языка в школе, на занятиях по современному
русскому языку в вузе в качестве иллюстративного материала, как
правило, привлекаются тексты русской классической и современной
литературы с целью продемонстрировать образцовую русскую речь,
красоту, богатство и выразительность русского слова. Безусловно, мы
приветствуем эту тенденцию. В то же время попробуем показать воз-
можности использования окружающих нас текстов для развития линг-
вистического мышления учащихся (прежде всего тех, кто принимает
участие в олимпиадном движении) и студентов. Подобные тексты да-
ют богатейший материал для наблюдения и анализа языковых единиц
различных уровней.

1. Задания по фонетике.

1.1. Одна из пьес современного белорусского драматурга Д. Богославского называется «Тихий шорох уходящих шагов». Какое изобразительно-выразительное средство используется автором в заглавии?

Комментарий. Аллитерация – разновидность звуковой инструментальной, повторение согласных с целью создания звуковой картины и усиления художественной выразительности: [х'], [ш], [х], [х], [п̃'], [ш].

1.2. За счет чего достигается воздействующий эффект в приведенных ниже рекламных слоганах?

Берите боооооольше! (Реклама кредита «Проще простого» МТБанка).

Растяяаяагиваем удовольствие (реклама карты «Халва» МТБанка).

Комментарий. Эмоциональная сторона слова усиливается эмфатическим ударением, которое осуществляется длительным произношением гласного. Графически эмфаза передается повторением букв.

2. Задания по лексикологии.

2.1. Дайте лингвистическое толкование шутки: «Характер у меня тяжелый, потому что золотой».

Комментарий. В сочетании *золотой характер* относительное прилагательное *золотой* обычно употребляется в значении качественного, то есть хороший, покладистый, ровный, легкий характер. В данном же контексте акцентируется прямое значение прилагательного: золотой – сделанный из золота, из металла. Комический эффект возникает в результате столкновения прямого и переносного значения прилагательного *золотой*.

2.2. Известно, что любимая музыкальная группа президента России В. В. Путина – это группа «Любэ». Солистом группы является Николай Расторгуев.

На каком лингвистическом явлении основан приведенный ниже современный анекдот?

– *Расторгуев – уважаемый певец. Его даже Путин слушает.*

– *А я думал, что он сам все решает.*

Комментарий. Обыгрывается многозначность глагола *слушать*, в частности его значения ‘направлять слух на что-либо’ (слушать музыку) и ‘следовать чьим-нибудь советам, приказам’ (слушать умных людей, слушать старших). Кроме того, в тексте имеет место метонимический перенос (слушать Расторгуева = слушать песни в исполнении Расторгуева и группы «Любэ»).

2.3. К юбилею народной артистки России Лии Ахеджаковой «Комсомольская правда в Белоруссии» поместила на своих страницах статьи, посвященные творчеству актрисы, с такими заглавиями: «Маленькая большая актриса Лия Ахеджакова», «Главные второстепенные роли Лии Ахеджаковой». Какое лингвистическое явление помогает нам понять смысл этих заголовков?

Комментарий. Оба заголовка построены по принципу оксюморона. В оксюморе противоречие ощущается, а затем разрешается: маленькая ростом и большая по таланту актриса; роли второго плана сыграны так блестяще, что запомнились зрителям и стали главными в творчестве актрисы.

3. Задания по фразеологии.

Чтобы правильно выполнить это задание, нужно вспомнить некоторые пословицы и фразеологизмы. Назовите слово по шуточному определению. Запишите пословицу или фразеологизм, в котором это слово употребляется.

- 1) *Обладатель горячей шапки.*
- 2) *Любитель примерять чужие наряды (шкур, перья).*
- 3) *Противник красного цвета.*
- 4) *Пасущий телят на далеких, заброшенных выгонах.*
- 5) *Желающий пройти сквозь игольное ушко.*
- 6) *Любитель болтать, пустословить.*
- 7) *Наделававший беды в огороде.*

Комментарий. 1) Вор. На воре шапка горит. 2) Волк. Волк в овечьей шкуре. Ворона. Ворона в павлиньих перьях. 3) Бык. Действует, как красная тряпка на быка. 4) Макар. Куда Макар телят не гонял. 5) Верблюд. Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко. 6) Емеля. Мели, Емеля, твоя неделя. 7) Козел. Пускать козла в огород.

4. Задания по словообразованию.

4.1. В Минске с успехом прошел показ спектакля «Онегин», представленный творческим объединением «САМи (Содружество актеров, музыкантов и...)». В чем особенность такого названия? Приведите примеры подобных названий.

Комментарий. Название объединения представляет собой аббревиатуру, совпадающую по звучанию и написанию с уже существующим в языке словом-неаббревиатурой. Сравните: ХЛИАМ (в начале XX века в Киеве функционировал клуб, объединявший людей творческих профессий: художников, литераторов, артистов, музыкантов); ГИМН (Государственный институт музыкальной науки

в 1921–1931 гг.); ОКО (Объединение кинематографических обществ); БАРС (Большой англо-русский словарь) и др.

4.2. Под одной из фотографий президента США Дональда Трампа в газете «Комсомольская правда в Белоруссии» стояла подпись: «Трампусеница» (с намеком на оригинальную прическу Трампа). Определите способ образования этого слова. Приведите примеры слов, образованных таким способом.

Комментарий. Использован один из окказиональных способов словообразования – контаминация (междусловное наложение), телескопический способ. Слова, получающиеся в результате скрещивания двух лексем, называют также словесными гибридами, словами-слитками, словами-чемоданами. Сравните: *стрекозел, баобабочка, драмедия, дискутека, харакиристика, орангутангел* (В. Маяковский), *дребеденьги* (К. Чуковский), *соскрючиться* (Д. Хармс), *слонопотам* («Винни-Пух» А. Милна в переводе Б. Заходера), *тостопримечательность, умористический, эрудидятко* (И. Фояков) и др.

5. Задания по морфологии.

Нас окружает реклама товаров, платежных карточек, тарифных планов, мобильных операторов, банков и т. д. Проанализируйте «под лингвистическим микроскопом» слоганы некоторых рекламных объявлений. Определите, какими частями речи являются выделенные слова.

- 1) *Просто так **проще**.*
- 2) *Нам **важно**, что вам **важно**.*
- 3) *Мы **ближе**, чем вы думаете.*
- 4) *Безопасность **превыше** всего.*
- 5) ***Вкусно** внутри, **ярко** снаружи.*

Комментарий. 1) *Просто* – частица. *Проще* – сравнительная степень предикативного наречия. 2) Варианты ответа: *Нам важно* (предикативное наречие в роли главного члена односоставного безличного предложения), *что вам важно* (краткое прилагательное). *Нам важно* (краткое прилагательное в роли именной части составного сказуемого двусоставного предложения, подлежащее опущено: *нам важно то, что вам важно*), *что вам важно* (краткое прилагательное). 3) Варианты ответа: *Ближе* – прилагательное в форме сравнительной степени (*Мы становимся ближе*). *Ближе* – наречие места в форме сравнительной степени (*Мы расположены, находимся ближе*). 4) *Безопасность превыше всего* (прилагательное в форме превосходной степени). 5) *Вкусно внутри, ярко снаружи* (предикативные наречия в роли главного члена односоставных безличных предложений).

6. Задания по синтаксису.

6.1. Какие средства экспрессивного синтаксиса использованы в данных рекламных текстах?

1) *Я стильная, современная, динамичная. Многие хотят быть со мной* (реклама радиостанции «Радиус-FM»).

2) *Ночь. Улица. Фонарь. Разбитый* (реклама очередного сезона фильма «Улицы разбитых фонарей»).

Комментарий. 1) Личные местоимения в инициальной позиции – средство организации проспекции (антиципация). 2) Цепочка номинативов. Парцелляция.

6.2. Многие шутки команд КВН основаны на лингвистических средствах создания комического. Какова лингвистическая «подоплека» следующих шуток?

1) *А вообще-то у нас все будет хорошо, потому что спонсор нашей команды – крупная нефтяная компания «Где ты?».*

Где ты, крупная нефтяная компания – спонсор нашей команды?

2) *Возьми кредит. Нет проблем!*

Нет проблем? Возьми кредит!

Комментарий. Хиазм (от греческого названия буквы Х (хи)) – стилистическая фигура, разновидность синтаксического параллелизма с обратным, крестообразным порядком слов во второй, параллельной конструкции. Образуется кольцевое построение фразы.

6.3. Какую манеру художественного повествования можно проиллюстрировать известной фразой, которую в кинофильме «Бриллиантовая рука» повторяет герой Юрия Никулина Семен Семенович Горбунков: «Поскользнулся. Упал. Потерял сознание. Очнулся – гипс»?

Комментарий. Такая манера повествования получила название «рубленный» синтаксис («раскрошенный» синтаксис, телеграфный стиль, кинематографический стиль).

6.4. Названия многих телепередач построены по тем или иным моделям предложений. Дайте синтаксическую характеристику приведенным ниже примерам.

1) *«Пусть говорят»*; 2) *«Доброе утро, Беларусь!»*; 3) *«Давай поженимся»*; 4) *«Смотреть всем!»*; 5) *«Кто против?»*; 6) *«Включайся!»*; 7) *«Жди меня»*; 8) *«Спокойной ночи, малыши!»*; 9) *«Где логика?»*; 10) *«Верю не верю»*; 11) *«Приглашайте в гости»*; 12) *«Играй, гармонь любимая!»*; 13) *«Кто хочет стать миллионером?»*; 14) *«Кто я?»*;

15) «Привет, Андрей!»; 16) «Ты не поверишь!»; 17) «Мы – грамотеи!»; 18) «Есть вопрос!».

Комментарий. 1 – неопределенно-личное предложение; 2, 8, 15 – нечленимые; 3, 6, 7, 10, 11, 12 – определенно-личные; 4 – инфинитивное; 5, 13, 14, 16, 17, 18 – двусоставные; 9 – двусоставное эллиптическое.

Мы специально не привлекали к анализу тексты с речевыми, грамматическими, орфографическими и пунктуационными ошибками, хотя, к сожалению, их можно найти в достаточном количестве. Методически целесообразным и оправданным будет их использование с заданием – обнаружить ошибку и исправить ее.

Без анализа фактов повседневной речи картина функционирования языка не может быть полной, а обучение языку – максимально эффективным.

1. Норман, Б. Ю. Лингвистика каждого дня / Б. Ю. Норман. – Минск: Вышэйшая школа, 1991.

В. Л. Леонович, О. А. Облова (Минск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ ПОДГОТОВКИ К ЦТ

Современные тестовые технологии представляют собой форму педагогических измерений стандартизированного характера. Они позволяют объективно оценивать результаты учебной деятельности учащихся, определять уровень и степень их обученности. Тестирование дает возможность ранжировать абитуриентов по уровню подготовки, выявлять их персональный рейтинг.

Главная задача тестируемого – качественная практическая подготовка к экзамену, которая включает две важнейшие составляющие: систематизацию знаний по предмету и приобретение навыка работы с тестами.

Тест является средством диагностики в конкретной области знаний. Применительно к предмету «Русский язык» особенно важно систематизировать теоретические сведения по его основным разделам: фонетике, графике, орфографии, лексикологии, фразеологии, морфемике, словообразованию, морфологии, синтаксису, пунктуации. Экзаменационная работа проверяет в первую очередь знание ключевых

лингвистических понятий из различных областей языка, умение дифференцировать языковые и речевые единицы и выявлять их классификационные признаки, а также владение всеми функциональными разновидностями русского языка и правилами функционирования языковых средств в речи.

Многообразие контролируемых на ЦТ умений и навыков диктует необходимость использования при подготовке к экзамену повторительно-обобщающего курса, ориентированного на тематический комплекс учебно-тренировочных упражнений, сгруппированных по определенным разделам и темам и разнообразных по формам, моделям и типам (такой комплекс упражнений с соответствующими теоретическими сведениями и методическими рекомендациями представлен, например, в следующем пособии: Русский язык: ЦТ за 60 уроков [1]).

В разделах «Фонетика» и «Графика» должны присутствовать задания, в которых акцентируется внимание на ключевых элементах программы: характеристике гласных и согласных звуков, их сильной и слабой позициях, обозначении звуков на письме, соотношении звукового состава и графической формы слова.

В разделе «Орфография» – задания как по общим вопросам правописания, так и по правописанию отдельных частей речи, предусматривающие следующие виды работ: обнаружение орфограммы в слове и ее объяснение, полный тематический или выборочный тематический орфографический разбор, списывание, письмо по памяти, различные виды словарных и текстовых диктантов, работа с орфографическим словарем, редактирование текстов с орфографическими ошибками и др.

В разделах «Лексикология» и «Фразеология» – задания, позволяющие определять значение слова и фразеологизма, а также обнаруживать синонимические и антонимические отношения между лексическими единицами или между фразеологическими оборотами.

В разделах «Морфемика» и «Словообразование» – задания, нацеленные на решение следующих задач: распознавание морфем на основе их дифференциальных признаков, разграничение процессов формообразования и словообразования, усвоение основных закономерностей словообразовательного процесса, выявление словообразовательных связей между словами, проведение морфемного и словообразовательного разборов.

В разделе «Морфология» – задания, позволяющие получить представление о слове как грамматической единице (грамматическая классификация слов, анализ системы грамматических категорий), напра-

вленные на формирование умения определять частеречную принадлежность слов на основе лексических, морфологических и синтаксических признаков, разграничивать омонимичные формы, производить морфологический разбор.

В разделе «Синтаксис» – задания, аккумулирующие информацию о синтаксической системе русского языка и ее основных элементах: словосочетаниях, простых и сложных предложениях; решающие общие и частные задачи: определение видов подчинительной связи в словосочетаниях, типов сказуемых, способов выражения главных и второстепенных членов предложения; квалификация и типология предложений; построение схем различных синтаксических конструкций; выполнение синтаксического разбора.

В разделе «Пунктуация» – задания, предполагающие расстановку знаков препинания в простом и сложном предложениях, написание различных видов диктантов, составление алгоритмов пунктуационных правил, исправление пунктуационных ошибок, выполнение пунктуационного разбора.

Особое внимание необходимо уделить заданиям по темам «Текст» и «Культура речи». Упражнения по теме «Текст» должны быть направлены на повторение основных речеведческих понятий (текст, тема, подтема, основная мысль текста, цель высказывания, стиль, задача речи и тип речи) и совершенствование важнейших коммуникативных навыков (читать и понимать прочитанное, анализировать текст с точки зрения тематического, композиционного и стилистического единства, определять средства связи между предложениями в тексте). При выполнении упражнений по теме «Культура речи» все внимание должно быть сосредоточено на усвоении орфоэпических, акцентологических, лексических, морфологических и синтаксических норм русского литературного языка. Эти упражнения предполагают выбор правильной формы из нескольких предложенных; образование форм слов (по образцу и без него); замену ненормативной формы слова на общепринятую в современном русском литературном языке; исправление ошибок в построении словосочетаний и предложений; редактирование текста с различными речевыми и грамматическими недочетами.

Подобный комплексный тематический тренинг позволяет восстанавливать в памяти учащихся информацию об основных лингвистических понятиях, актуализировать ключевые темы, закреплять изученный теоретический материал и вырабатывать навыки применения его на практике.

Экзаменационные тестовые задания проверяют уровень подготовки учащихся по русскому языку за весь курс средней общеобразовательной школы. По своему содержанию они соответствуют требованиям действующих учебных программ и программе вступительных испытаний. Они весьма разнообразны по структуре, уровням сложности и видам учебной деятельности.

Целесообразно, чтобы предлагаемые ученику контрольно-измерительные материалы отражали в первую очередь структуру стандартного теста по русскому языку, используемого при проведении централизованного тестирования. Это: 1) задания закрытого типа с выбором ответов; 2) задания открытого типа; 3) задания на установление соответствия между элементами двух множеств.

Работая с различными тестами в контрольном и тренировочном режиме, учитель и ученик должны иметь в виду, что ежегодно происходит частичное обновление теста, могут меняться формулировки, формы и типы заданий.

Подготовка к централизованному тестированию должна быть поэтапной. На первом этапе полезно осуществлять тематическую подборку тестовых заданий по русскому языку (такой блок заданий по всем темам школьного курса представлен, например, в следующем пособии: Русский язык. ЦТ. Тренажер [2]). На втором этапе логично использовать комбинированные обобщающие тесты, синтезирующие и организующие знания одновременно по нескольким направлениям. На третьем этапе целесообразно предлагать итоговые тесты (тесты такого плана представлены, например, в следующем пособии: Русский язык: сборник тестов [3]), включающие задания, с одной стороны, однотипные традиционно используемым в тестах по русскому языку на централизованном тестировании, а с другой стороны, новые как по форме, так и по содержанию.

Поэтапный тестовый тренинг позволяет:

- совершенствовать соответствующие учебно-языковые умения и навыки, предусмотренные программой;
- осуществлять контроль уровня знаний и умений учащихся по русскому языку, степени усвоения теоретического и практического материала;
- обнаруживать проблемные зоны того или иного учебного материала и получать соответствующие методические рекомендации;
- прорабатывать соответствующий теоретический материал и устранять пробелы, обнаруженные в знаниях;

– анализировать характерные недочеты, допускаемые участниками тестирования, и предупреждать возможные ошибки;

– овладевать наиболее эффективными приемами выполнения тестовых заданий.

Как показывает опыт работы, системная проработка учебного материала и приобретение, а затем совершенствование навыка выполнения тестовых заданий под руководством опытных педагогов или самостоятельно – весьма эффективный прием подготовки к централизованному тестированию.

1. Русский язык: ЦТ за 60 уроков / Е. Е. Долбик [и др.]. – 5-е издание. – Минск: Аверсэв, 2019.

2. Русский язык. ЦТ. Тренажер / Е. Е. Долбик [и др.]. – Минск: Аверсэв, 2019.

3. Русский язык: сборник тестов / В. Л. Леонович, Е. Е. Долбик. – Минск: Аверсэв, 2019.

Е. В. Михайлова, Т. С. Стрельцова (Минск)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ПОЛОЖЕННЫЕ НА МУЗЫКУ, КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ-МУЗЫКАНТОВ

В процессе преподавания русского языка иностранным учащимся любого профиля важное значение имеет информация о стране, в которой они живут и учатся. В обучении иностранцев, получающих музыкальное образование, доминирующее положение занимают сведения культурологического характера – тексты о композиторах, музыкантах, художниках, писателях, поэтах и т. д., их произведения – музыкальные, живописные, литературные (переведенные на русский язык). Очень часто студенты и магистранты – будущие музыканты – встречаются с сочинениями синкретического характера (операми, балетами, опереттами и т. д.). В таком случае нужно сообщать им как музыковедческую, так и литературоведческую информацию. Как известно, изучение биографии писателя «...является необходимым условием постижения его художественного мира» [1, с. 69].

Данная проблема будет рассмотрена на материале прозаического произведения выдающегося белорусского писателя, поэта, драматурга, публициста, классика белорусской литературы Владимира Семеновича Короткевича (1930–1984) – повести «Дикая охота короля Стаха». Эта повесть положена на музыку В. Е. Солтаном.

Можно сказать, что В. С. Короткевич «...так же самоотверженно служил музе истории Клио, как и поэтической музе. Признанный мастер самых разных жанров, он может считаться настоящим основателем исторической романистики в белорусской литературе» [2, с. 391]. В лингвокультурологический комплекс «Беларусь» – пособие для иностранных студентов – включена биография В. С. Короткевича [3, с. 25–26], а в раздел «Белорусские прецедентные тексты» – и произведения В. С. Короткевича – стихотворение «Белорусская песня», предисловие к книге «Беловежская пуша», отрывки из книги «Земля под белыми крыльями» [3, с. 72–77]. Это является свидетельством важности данной информации для иностранцев.

Материал о В. С. Короткевиче имеется в учебном пособии Е. В. Михайловой «Русский язык как иностранный. Работа с текстами о белорусской культуре» [4, с. 142–154]. Изучение текста «Владимир Семенович Короткевич» [4, с. 142–146] сопровождается предтекстовыми (1. Прочитайте имена существительные. Сгруппируйте их по тематическим признакам. Дайте название каждой группе; 2. Прочитайте имена существительные. Что вы знаете о людях, о которых говорится в тексте? В случае затруднения обратитесь к энциклопедическим источникам; 3. Прочитайте имена прилагательные. Подберите к ним имена существительные и др. [4, с. 142–143]), притекстовым (7. Прочитайте текст. Скажите, как В. С. Короткевич относился к своей Родине [4, с. 144]) и послетекстовыми заданиями (8. Ответьте на вопросы, используя информацию текста; 9. Прочитайте ключевые слова. Напишите аннотацию к тексту, используя их, и др.) [4, с. 146]). В пособии приводится отрывок из повести В. С. Короткевича «Дикая охота короля Стаха» [4, с. 149]. В нем описываются танцы в замке. Студентам предлагается ответить на вопросы к данному художественному тексту [4, с. 149].

Перед началом работы над отрывками из повести В. С. Короткевича «Дикая охота короля Стаха» необходимо объяснить иностранным учащимся слова и словосочетания, которые могут вызвать у них затруднения: *губерния, сеновал, криница, писарь, губернатор, шляхта, лихолетье, уезд* и др., а также рассказать об исторических личностях, фамилии которых встречаются в тексте: Иосафат Кунцевич, Корнилов, Муравьев и др. Очень интересны для учащихся музыкального профиля выдержки из текста, имеющие отношение к их специальности (главный герой повести Андрей Белорецкий – фольклорист, собирающий древние легенды): «Это время [глухие осенние или зимние дни – Е. М.]

игрищ с песнями ... а немного позже – крестьянских свадеб. Это наше золотое время.

Но мне удалось поехать только в начале августа, когда не до сказок, а лишь протяжные жнивные песни слышны над полями» [5, с. 405].

Можно предложить студентам для чтения и перевода отрывки из повести, связанные с Андреем Белорецким. Действие в произведении происходит в конце XIX в. Андрей приехал в глухие места белорусского Полесья. В то время были очень плохие дороги. Белорецкий чуть не погиб, когда его конная повозка провалилась в трясины. Он и его возница спаслись, но заблудились и попали в совершенно незнакомое место. Это было имение Болотные Ялины (Ели). Его хозяйкой была девушка Надея (Надежда), наследница старинного дворянского рода Яновских. Надежда предложила Андрею пожить в ее имении, и он согласился, надеясь записать в соседних деревнях новые сказки и легенды.

Но с легендами и фантастическими преданиями молодой ученый встретился в самих Болотных Елях. В одной старинной легенде было сказано, что род Яновских закончится на двенадцатом поколении, потому что далекий предок Надежды убил на охоте некоронованного белорусского короля Стаха. Перед смертью Стах якобы проклял своего бывшего друга до двенадцатого поколения. Надежда Яновская как раз и была представительницей этого поколения. Она очень боялась, что дикая охота короля Стаха скоро убьет ее, как убила ее отца.

Андрей Белорецкий хочет разгадать тайну дикой охоты короля Стаха. Он начинает искать следы охоты. Молодого ученого пытаются убить.

У Андрея появляются друзья и помощники. Молодой дворянин Светилович и крестьянин Рыгор (Григорий) тоже не верят в волшебную силу дикой охоты короля Стаха. С их помощью Белорецкий выясняет, что за всеми фантастическими событиями стоят реальные люди. Это были дальние родственники Надежды Яновской, Дуботовк и Берман, которые после ее смерти хотели получить в наследство старинное имение, и молодой человек по фамилии Ворона. Он хотел жениться на девушке, чтобы завладеть ее имуществом, но Надежда ему отказала.

С виду добрый и щедрый Дуботовк на самом деле был хитрым и жадным человеком. Он и оживил легенду о дикой охоте короля Стаха.

При помощи местных крестьян Андрей Белорецкий и его друзья победили этих жестоких людей.

Во время этих испытаний Андрей Белорецкий и Надежда Яновская полюбили друг друга. Надежда уезжает из Болотных Елей вместе с любимым, а свое имущество отдает крестьянам и в музей.

На основе повести «Дикая охота короля Стаха» В. Е. Солтан написал замечательную оперу. Владимир Евгеньевич Солтан (1953–1997) – белорусский композитор. Инструментальная музыка «...обозначила в творчестве В. Солтана тенденцию к драматизации лирики. Эта особенность композиторского мышления наиболее ярко проявилась в созданной в конце 1980-х годов опере "Дзікае паляванне караля Стаха", ставшей значительным музыкально-театральным событием в истории развития национального оперного искусства. Успех оперы во многом был предопределен замечательным либретто, созданным М. Климович по мотивам знаменитой повести В. Короткевича. Авторам удалось сохранить концептуальность мысли и поэтичность образов литературного первоисточника, его специфическую национально-романтическую ауру» [6, с. 334]. В музыкальном языке оперы «...особое значение приобретает фольклорный комплекс – опора на белорусскую песенность и использование народных инструментов в оркестре» [6, с. 334]. Опера ставилась в Большом театре в Москве, в Троицком предместье в Минске в формате open-air. За эту оперу В. Е. Солтан был удостоен звания лауреата Государственной премии БССР.

Повесть «Дикая охота короля Стаха» является для иностранных учащихся интересным и важным источником лингвострановедческой информации о Беларуси XIX в. В ней описывается образ Беларуси («Это был край охотников ... тихого, такого приятного издали звона церквушек над трясиной, край лирников и тьмы» [5, с. 404]), ее эмоциональное восприятие лирическим героем («О, какая ужасная, какая вечная и неизмеримая твоя печаль, Беларусь!» [5, с. 407]), ее природа («Поначалу по обе стороны дороги тянулись поля с раскиданными по ним дикими грушами, похожими на дубы. Встречались деревни с целыми колониями аистов, но потом плодородная земля кончилась и потянулись бесконечные леса. Деревья стояли будто колонны, хвоя на дороге глушила стук колес» [5, с. 407]), архитектура («И дом выглядел так мрачно и холодно, что у меня сжалось сердце. Был он двухэтажный, с огромным бельведером и небольшими башенками по сторонам» [5, с. 427]), культура Беларуси («Старинные пергаментные книги, книги на первой пористой бумаге, книги на пожелтевшей от старости, гладкой, лоснящейся бумаге. Книги XVII столетия, которые сразу узнаешь по сорту кожи на переплетах. Рыжая кожа переплетов

XVIII столетия; деревянные доски, обтянутые тонкой черной кожей, на переплетах книг XVI столетия» [5, с. 440]) и т. д.

Чтению отрывков из повести «Дикая охота короля Стаха» должна предшествовать предтекстовая работа. Можно предложить учащимся, например, такие задания: 1. Прочитайте слова. Подберите к ним антонимы; 2. Прочитайте имена существительные. Объясните их значение; 3. Прочитайте слова. Найдите среди них однокоренные. Распределите их по группам на основе общего корня и др. Создать коммуникативную установку можно при помощи притекстового задания: 7. Прочитайте текст. Охарактеризуйте главного героя повести Андрея Белорецкого. При помощи послетекстовых заданий преподаватель может проверить понимание текста иностранными студентами: 8. Ответьте на вопросы, используя информацию текста; 9. Напишите сочинение на тему «Мой любимый герой повести В. С. Короткевича "Дикая охота короля Стаха"»; 10. Послушайте оперу В. Е. Солтана «Дикая охота короля Стаха», обсудите с однокурсниками в группе следующие вопросы: 1. Чем отличается сюжетная линия, связанная с Андреем Белорецким, в повести и в опере?; 2. Какими представляют Андрея Белорецкого и Надежду Яновскую В. С. Короткевич и В. Е. Солтан?; 3. Что Вы узнали о Беларуси из повести и из оперы?; 4. Как Вы думаете, чего больше в рассматриваемых произведениях: правды или фантастики?

Таким образом, при изучении русского языка иностранными учащимися музыкального профиля очень важное значение приобретает работа над прозаическими произведениями белорусских писателей, положенными на музыку. Иностранцы имеют возможность ознакомиться с сочинениями белорусских писателей на русском языке, увидеть их воплощение при помощи средств другого вида искусства, что повышает их мотивацию к изучению русского языка, помогает им стать высокообразованными креативными личностями.

1. Царева, О. И. Изучение биографии писателя как методическая проблема / О. И. Царева // Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т, Филол. фак. – Минск, 2007. – Вып. 8. – С. 69–74.

2. Кісялёў, Г. Мастацкія старонкі гісторыі / Г. Кісялёў // Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1989. – Т. 4. Каласы пад сярпом тваім: раман, кн. 1. – С. 391–398.

3. Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностр. студентов / сост.: Л. Н. Чумак [и др.]; под ред. проф. Л. Н. Чумак. – Минск: БГУ, 2008.

4. Михайлова, Е. В. Русский язык как иностранный. Работа с текстами о белорусской культуре: учеб. пособие / Е. В. Михайлова. – Минск: Белорус. гос. акад. музыки, 2017.

5. Короткевич, В. С. Черный замок Ольшанский: роман; Дикая охота короля Стаха: повесть / В. С. Короткевич / [Авториз. пер. с белорус. В. Щедриной]. – Минск: Маст. літ., 1992.

6. Мдивани, Т. Г. Композиторы Беларуси / Т. Г. Мдивани, В. Г. Гудей-Каштальян; предисл. Т. Г. Мдивани. – Минск: Беларусь, 2014.

И. Э. Савко (Минск)

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

В XXI веке Интернет стал неотъемлемой частью жизни общества, новым измерением того пространства, в котором общество существует и развивается. С одной стороны, это измерение виртуальное, с другой стороны, в нем активно действуют его реальные создатели и пользователи, а человеческая мысль имеет языковое воплощение и речевое оформление. Виртуальная реальность не только является информационно-технологическим порождением объективной социальной реальности, но и отражает ее запросы и потребности и активно влияет на нее [1, с. 57].

Под интернет-коммуникацией понимают общение людей посредством Интернета. Чтобы понять пути воздействия Интернета на языковую личность, надо прежде всего охарактеризовать различия между официальной информацией и разнообразными интернет-материалами неофициального характера.

На официальных сайтах правила поведения в Интернете в основном не отличаются от правил поведения в обществе. Здесь автор несет личную ответственность за качество и достоверность предоставляемой информации, соблюдаются нормы русского литературного языка, а их нарушения не выходят за пределы статистически типичных. Хотя на официальных сайтах обычно нет непосредственного общения пользователей, но на формирование языковой личности может влиять содержание и языковое оформление воспринимаемой информации.

Иная ситуация в чатах, форумах, комментариях и т. п., то есть там, где происходит неофициальное общение. На коммуникативное поведение интернет-пользователей во многом влияет формат коммуникации, под которым «понимается специфическая технологическая орга-

низация информационного и коммуникативного контента, детерминирующая конкретный набор функциональных возможностей и ограничений» [2, с. 64]. Существуют различные форматы интернет-коммуникации, например: электронная почта (система пересылки и получения электронных писем), форум, дискуссионная группа (тематическое интернет-сообщество, похожее на клуб по интересам), чат (средство обмена сообщениями по компьютерной сети в режиме реального времени), блог (онлайн-журнал, интернет-дневник, в котором читатели могут оставлять свои комментарии), личные страницы в социальных сетях и др. Пользователи позиционируют себя в Интернете именно через речь, размещая свои высказывания, участвуя в дискуссиях, общаясь друг с другом и т. д.

Для общения в интернет-среде применяется письменный вариант языка. В характеристике того, какая это форма речи, среди ученых нет единства. Одни отмечают, что это скорее письменная фиксация устной речи, потому что при интернет-общении пишут так, как говорят, данное общение письменное по форме, но устное по содержанию. Другие считают, что это промежуточный вариант между устной и письменной формами речи. Третьи утверждают, что это новая форма речи – устно-письменная, поскольку язык неофициального интернет-общения не только совмещает в себе признаки письменной и устной речи, но и обладает собственными свойствами.

Рассмотрим некоторые особенности этой формы речи.

1. Несмотря на письменную фиксацию мысли и визуальное восприятие информации, речь при интернет-коммуникации чаще всего спонтанна, что характерно именно для устного общения.

2. С точки зрения структуры речь при интернет-коммуникации больше соответствует устной, так как представлены прежде всего диалоги, реплики.

3. При интернет-общении, имеющем неформальный характер, большинство требований к письменной речи (в том числе продуманность содержания, правильность структурирования текста, соблюдение норм литературного языка и др.) нарушается, встречается много опечаток.

4. Используются новые способы передачи эмоций (так называемая эмописьменность), например: эмотиконы – пиктограммы, изображающие эмоции и составленные чаще всего из типографских знаков; эмодзи – идеографические знаки, картинки, изображающие эмоции.

5. Для оценивания чего-либо часто применяются лайки и дислайки. (**Примечание.** Согласно правилам русской орфографии [3, с. 90], в слове *дислайк* приставка *дис-*, потому что *дис-* пишется и перед глухими, и перед звонкими согласными: *дискомфорт*, *дисгармония*, а *диз-* – в том случае, если корень начинается с гласного или [j]: *диссоциация*, *дизъюнкция*.)

6. Часто используется гипертекст, то есть текст, содержащий ссылки, вложенные файлы и т. д.

При интернет-коммуникации существует гибридность представления информации, проявляющаяся в соединении вербального и невербального компонентов и требующая умения декодировать информацию, представляющую собой эмодикон, эмодзи, аббревиатуру, видеофайл и т. п.

При виртуальном общении часто единственным указанием на личность пользователя является никнейм автора. В отличие от псевдонимов, которые были и есть, например, у писателей, артистов, только по никнейму интернет-пользователю практически невозможно или очень трудно определить личность реального человека.

Неофициальное интернет-общение имеет определенные особенности, обуславливающие массовое порождение далеко не безупречных речевых продуктов и оказывающие влияние на формирование пользователя как речевой личности. К ним относятся:

1) возможность анонимного общения, порождающая чувство внутренней свободы и в ряде случаев даже вседозволенности;

2) преимущественно статусное равноправие участников (при анонимности контактов);

3) возможность высказать любое мнение, не подкрепленное подчас достаточными знаниями;

4) использование небольшого по объему сообщения в качестве наиболее массовой формы получения и передачи информации;

5) доступ к огромному количеству информации, ведущий за собой доминирование кратковременной памяти без необходимости аналитической работы;

6) большая скорость поиска и обработки информации, быстрый переход от одной части текста к другой, избирательное чтение текста, ведущие к некачественному восприятию информации, улавливанию только ключевых элементов без внимания к деталям;

7) неограниченность в выборе языковых средств, иллюзия полной свободы речевых действий, несоблюдение централизованной нормы.

В виртуальной среде возникли новый тип восприятия и порождения информации, новые модели речевого поведения.

При неофициальном общении в Интернете происходит «бесцензурный вброс» информации, обмен информацией, ее комментирование. Виртуальные личности становятся творцами новых вербальных и невербальных средств общения. При интернет-общении сложился особый язык коммуникации, в котором часто отсутствует внимание к форме, нарушаются нормы литературного языка, используется компьютерный сленг, демонстрируются снижение общего культурного уровня пользователей, неумение или нежелание вникнуть в смысл сообщения, бедность словаря, неразвитость логики, отсутствие фактических предметных знаний и т. д. [4, с. 264]. Раскрепощенность говорящих иногда перерастает в речевую вседозволенность, «исчезает грань между вербальной свободой и вербальной распущенностью» [5, с. 497]. В ряде случаев происходит снижение, усреднение, огрубление речевого стандарта. Неумение выражать эмоции на письме приводит к расширению сферы применения эмоционально-экспрессивной ненормативной лексики.

Е. А. Федорова, Т. И. Жгарева, Н. М. Малюгина отмечают, что отрицательным следствием условий анонимности и антинормативной языковой среды, влияющим на речевое развитие многих пользователей, становятся:

- общий достаточно агрессивный характер интернет-общения в русскоязычной среде;
- языковая игра, насмешка, нередко высокомерие как преобладающие формы комментирования;
- отсутствие «персонального языкового контроля»;
- подмена личного знания умением быстро найти в нужном ресурсе необходимую информацию; как следствие – несформированность познавательных, речемыслительных, логических механизмов;
- последующий перенос особенностей так называемого сетевого текста в иные коммуникативные сферы, в частности в сферу создания нормативных текстов в условиях какой-либо серьезной образовательной среды [7].

Таким образом, интернет-пространство навязывает свои правила речевого поведения. У человека, не владеющего хорошей речью, происходит оскудение словарного запаса и грамматического строя речи, появляется еще больше ошибок различного рода, нивелируется индивидуальный характер речевой деятельности.

Но вышеназванные особенности виртуальной коммуникации не могут плохо влиять на развитую языковую личность, на человека, который: 1) обладает развитым словесно-логическим мышлением, достаточным кругозором, необходимыми знаниями в своей предметной области; 2) имеет богатый словарный запас, хорошо владеет грамматической системой русского языка; 3) не только знаком с нормами литературного языка и нормами общения, но и соблюдает их в разных речевых ситуациях, в том числе и при интернет-общении. К тому же, с нашей точки зрения, права и Е. А. Земская, еще в конце XX века писавшая: «Люди не стали говорить хуже, просто мы услышали, как говорят прежде только читавшие и молчавшие. И обнаружилась давным-давно упавшая культура речи...» [8].

1. Курбатов, В. И. Виртуальная коммуникация, виртуальное сетевое мышление и виртуальный язык / В. И. Курбатов // Гуманитарий Юга России. – 2013. – № 4. – С. 56–68.

2. Усачева, О. Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации / О. Ю. Усачева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2009. – № 3. – С. 55–65.

3. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2007.

4. Кытина, В. В. Всемирная сеть Интернет как отражение универсального мышления / В. В. Кытина // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. I Междунар. научно-практической конф. Москва, РУДН, 8–9 февраля 2017 г. – М.: РУДН, 2017. – С. 262–268.

5. Черкашина, Т. Т. Виртуальное поле языковой игры: испытание свободой слова / Т. Т. Черкашина // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. I Междунар. научно-практической конф. Москва, РУДН, 8–9 февраля 2017 г. – М.: РУДН, 2017. – С. 492–500.

7. Федорова, Е. А. Русскоязычный Интернет как зеркало универсального сетевого мышления / Е. А. Федорова, Т. И. Жгарева, Н. М. Малогина // Проблемы языка в глобальном мире [Электронный ресурс] / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. – Издательство «Проспект». – 15 сентября 2015 г. – Режим доступа: <https://books.google.by/books?id=dx6OCgAAQBAJ&pg=PT225&lpg=PT225&dq=Русскоязычный+Интернет+как+зеркало+универсального+сетевого+мышления>. – Дата доступа: 07.04.2018.

8. Земская, Е. А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века. 15.01.2001 / Е. А. Земская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_46. – Дата доступа: 08.04.2018.

И. М. Саникович (Минск)

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В Г. МИНСКЕ

В 2020 году городской конкурс исследовательских работ учащихся будет проводиться в 39 раз. Цель организации этого мероприятия – выявление одаренных и высокомотивированных учащихся и создание благоприятных условий для их поддержки и развития.

Подготовка и организация конкурса осуществляется комитетом по образованию Мингорисполкома и Минским государственным дворцом детей и молодежи, на базе которого, как правило, в январе происходит представление работ учащимися на одной из секций естественно-математического или гуманитарного цикла и их оценка членами жюри.

Остановимся более подробно на работе секции «Лингвистика» (по учебному предмету «Русский язык»).

На городском конкурсе научных работ рассматриваются исследования, которые проводились одним либо двумя учениками (для секций естественно-научного цикла авторский коллектив может насчитывать 3 человека).

Объем работы не должен превышать 30 страниц; в это число входит титульный лист, оглавление, введение, основная часть, состоящая из нескольких глав, заключение, список использованной литературы и приложение, если это необходимо.

Каждая работа оценивается по шкале от одного до десяти баллов по следующему ряду критериев:

- ◆ исследовательский характер работы (аналитические выкладки, результаты эксперимента);
- ◆ теоретическая обоснованность (постановка цели и задач, определение объекта и предмета исследования, обоснование выдвинутых в работе положений);
- ◆ репрезентативность, т. е. фактическая подкрепленность исследования;
- ◆ актуальность темы, выбранной для изучения;
- ◆ творческий подход к решению проблемы;
- ◆ возможность применения полученных результатов на практике;
- ◆ самостоятельность исследования (для оценки личного вклада юных исследователей и оригинальности работ последние три года

жюри секций «Лингвистика» и «Литературоведение» использует программу Антиплагиат.ру);

- ♦ оформление работы (соответствие общим требованиям оформления научных исследований);

- ♦ культура выступления (устное публичное представление результатов исследования, сопровождаемое презентацией; глубина владения проблемой; ответы на вопросы членов жюри).

Выделяются следующие направления лингвистических исследований учащихся:

1. Чисто языковые работы, основанные на анализе материала, который школьники обнаружили и зафиксировали либо в процессе наблюдения за устной речью представителей той или иной социально-возрастной группы, либо в процессе изучения материала словарей, печатных и электронных средств массовой информации и т. п.). Приведем примеры формулировок тем таких исследований: *Структурно-семантические особенности русских фитонимов (на материале названий лекарственных и ядовитых растений); Функционально-семантические особенности эмотивных фразеологических единиц в газетно-публицистическом стиле; Ошибки в СМИ: ошибки или ...?; Идеографикация как визуальный способ словообразования в современном русском языке; Современная языковая картина мира на примере неофициальной топонимики города Минска; Заимствования из русского языка в английском словарном составе* и др.

2. Исследования, в основу которых положен анализ стилистических особенностей языка конкретного автора или авторов (на материале одного или нескольких произведений) либо сопоставление оригинального литературного текста и его перевода на русский язык или любой иностранный язык, которым владеют школьники. Вот примеры формулировок работ этого направления: *Повтор как средство выразительности в поэтических текстах Владимира Высоцкого; Лингвокультурологический аспект асимметрии в переводах на русский язык романа И. П. Мележа «Люди на болоте»; Лингвистические проблемы стихотворного перевода на белорусский и английский языки (на материале поэтических текстов А. С. Пушкина); Невербальные средства общения в романе В. Богомолова «Момент истины» и фильме М. Пташука «В августе 44-го»; Неполные предложения и синтаксические конструкции с парцеллятом как особенность художественных текстов писателей А. Жвалецкого и Е. Пастернак* и др.

Соотношение работ, представленных на конкурсе за последние 10 лет, дано в следующей таблице:

Исследовательская работа учащихся по русскому языку

Предмет исследования	Исследования на языковом материале	Исследования на литературном материале
№ конференции		
XXIX (2010 г.)	24	5
XXX (2011 г.)	16	11
XXXI (2012 г.)	18	10
XXXII (2013 г.)	20	6
XXXIII (2014 г.)	17	8
XXXIV (2015 г.)	21	3
XXXV (2016 г.)	17	8
XXXVI (2017 г.)	16	10
XXXVII (2018 г.)	16	12
XXXVIII (2019 г.)	15	9

Очевидно, что количество работ, относящихся к первому направлению (чисто языковые исследования), превосходит количество работ второго направления (языковые исследования на литературном материале). Однако в последние три года наметилось возрождение интереса учащихся и их руководителей к лингвистическому анализу литературных текстов. Не последнюю роль в этом сыграл семинар для школьников и их руководителей *«Первые шаги в исследовательской деятельности»*, который ежегодно проводится в Минском государственном дворце детей и молодежи в сентябре. В рамках семинара слушателям разъясняются положительные моменты обращения к подобным темам. Среди них:

а) отсутствие субъективизма при отборе языковых единиц, поскольку учащийся руководствуется не принципом «нравится/не нравится», а действует в границах избранного для анализа литературного текста;

б) учет всех языковых фактов, установление степени их частотности и выявление роли анализируемых единиц в тексте, что позволяет прийти к выводам высокой степени точности.

Однако относительно работ второго направления существует следующая проблема: в некоторых случаях отмечается неправильный выбор секции, на которой представляется работа. Зачастую ложные ориентиры даются во время проведения районных этапов городского конкурса работ, где при определении отнесенности работы к литера-

турным или языковым исследованиям во главу угла ставится объект исследования, как правило, это литературный текст, а не предмет исследования, т. е. функционирование той или иной лингвистической единицы. Приведем примеры тем таких работ: *«Семантическая структура существительного "сердце" в романе А. С. Пушкина "Евгений Онегин"»*, *«Окказиональная трансформация фразеологических оборотов в произведениях Н. Носова»*. Неправомерность отнесения таких исследований к литературным очевидна. К сожалению, подобные работы, представленные на литературоведческой секции, не могут быть оценены по достоинству даже при высоком качестве проведенного научного анализа, поскольку не соответствуют специфике секции.

В данной ситуации есть только один выход, который прописан в приказе «О проведении городского конкурса исследовательских работ в рамках XXXIX городской конференции учащихся»; так, в пункте 4 **начальникам управлений по образованию администраций районов г. Минска** рекомендуется **включать в состав жюри педагогических работников учреждений общего среднего образования из других районов г. Минска, учреждений высшего образования (по согласованию)**». Таким образом, оценка школьных научных исследований работниками высшей школы должна осуществляться еще на районных этапах городского конкурса научных работ учащихся. Это позволит избежать описанной выше ситуации с неправильной адресацией работ.

С. В. Халили-Квасова (Минск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРАКТИКЕ РУССКОЙ РЕЧИ СО СТАЖЕРАМИ ИЗ КНР

Каждый из нас хорошо понимает, что в современном мире наличие высшего образования предполагает не просто владение информацией о той или иной области действительности в виде готовых таблиц, схем, алгоритмов, теорий, но и умение творчески применять полученную информацию в конкретной практической ситуации, а также возможность раскрыть потенциал личности.

Учебные курсы по практике русской речи «Видеокурс» и «Русская культура» на филологическом факультете БГУ для студентов-стажеров из КНР предполагают, согласно Образовательным стандартам 1 ступени высшего образования, как овладение учащимися навыками

аудирования и грамматически правильно оформленного высказывания, так и умение логично, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь в собственной профессиональной деятельности и процессах межкультурной коммуникации, используя навыки публичной речи, ведения дискуссии и полемики [1].

Изучение русского языка китайскими студентами-стажерами у себя на родине в большей степени проходит в соответствии со знаниевой парадигмой, ориентированной на объяснительно-иллюстративный и репродуктивный методы образования (с преобладанием таких форм работы, как заучивание материала и его воспроизведение по готовым образцам с незначительным учетом межпредметных связей). Однако действительность вносит свои коррективы, и в настоящее время для продвинутого этапа владения языком в китайских вузах ставится цель сформировать «личность студента, не только усвоившего и освоившего языковые нормы и правила, речевые форматы и варианты, но способного вести диалог культур» [2, с. 27], свободно порождать тексты различных видов и жанров в разнообразных коммуникативных ситуациях.

Достижению этой цели в процессе прохождения китайскими студентами стажировки в белорусских вузах способствует использование на занятиях методов и приемов эвристического обучения, направленных на раскрытие личностных особенностей студентов, на конструирование ими «собственного образовательного пути посредством предоставления возможности ставить цели в учебном познании, выбирать необходимые формы и методы, осуществлять рефлекссию собственной образовательной деятельности» [3, с. 6].

Эвристические задания имеют свои особенности: это задания открытого типа, которые предполагают погружение обучающегося в глубину языка, культуры, законов функционирования социума; предполагают самостоятельную аналитическую деятельность по классификации обнаруженных фактов и установлению связей между ними, а также лично окрашенную интерпретацию материала (создание собственных творческих проектов, появление новой формулировки или новых акцентов в обсуждаемой проблеме, самоопределение учащегося по отношению к высказанным различным точкам зрения).

Хорошо зарекомендовали себя такие эвристические методы и приемы, как «метод эмпатии, или вживания», метод «эвристических вопросов», а также метод символического и образного видения, мозговой штурм, метод гипотез, метод сравнения и метод рецензий.

Приведем примеры.

При изучении темы «Внешняя политика» нами использовался новостной видеоролик, в котором министр иностранных дел России Сергей Лавров в течение 1 минуты 18 секунд делился мнением о месте Ближнего Востока во внешней политике РФ, о позиции США по этому региону, а также о том, как важно «формирование справедливого, демократического, полицентричного мироустройства, позволяющего каждой стране самостоятельно определять модель социально-экономического развития и сохранять культурно-цивилизационную самобытность» [4].

Для подведения итогов по каждому блоку просмотренного видеоконтента и выполненных упражнений студентам могут быть предложены следующие обобщающие эвристические задания.

1. (*Ключевой метод – метод сравнения, метод рецензий*). Прочитайте два высказывания о том, какое место занимают новости в жизни человека, и сравните их. Выберите то, которое Вам ближе. Сформулируйте собственное суждение. Приведите не менее 5 аргументов в защиту своей позиции. Задайте по 2–3 вопроса вашим одноклассникам по их позиции. а) *Новость – то, что отличает нынешний день от вчерашнего* (О. Б. Добродеев, директор ВГТРК). б) *«Новости эти я знал с детства: одна страна угрожает другой, кто-то кого-то предал, экономика переживает упадок, Израиль и Палестина за прошедшие пятьдесят лет так и не пришли к соглашению, еще один взрыв, еще один ураган оставил тысячи людей без крова»* (Пауло Коэльо, «Заир»).

2. (*Ключевой метод – метод эвристических вопросов*.) В преддверии планируемой трехсторонней встречи на высшем уровне и по результатам своих рабочих поездок по Персидскому заливу сегодня вечером министры иностранных дел России и Китая, а также Госсекретарь США дают интервью Первому каналу, информационному агентству Синьхуа и агентству Ассошиэйтед Пресс. Вы журналисты, приглашенные на эту встречу. Расспросите глав дипломатических миссий о направлениях внешней политики и присутствии в ближневосточном регионе стран, которые они представляют. В ваших вопросах должны прозвучать ключевые вопросительные слова: *кто? что? где? зачем? как? чем? когда?*

3. (*Ключевой метод – метод «вживания», метод гипотез, метод рецензий*.) Вы узнали о вакансии на должность советника по вопросам двустороннего культурного сотрудничества в посольстве КНР в Рес-

публике Беларусь (Республики Беларусь в КНР). Представьте свое портфолио (предварительно составленное письменно), расскажите о том, какими вы видите перспективы развития двустороннего культурного сотрудничества. Предложите план проведения мероприятий, знакомящих с культурно-цивилизационной самобытностью наших государств. Учитывайте различия и точки соприкосновения в таких аспектах, как философия и идеология, способ мышления и мировосприятия, организация быта, роль мужчин, женщин, детей в семье и обществе, отношение к природе и личности, к творчеству и религии. Приведите (письменно и устно) не менее 5 аргументов, доказывающих важность данных мероприятий. Обсудите портфолио других кандидатов, аргументируйте свою точку зрения.

4. (*Ключевой метод – метод «вживания», метод гипотез.*) Вы можете быть избраны на пост руководителя вновь образованного государства. Сегодня вы выступаете с трибуны ООН. Представьте свою страну. Расскажите о том, в каком регионе она находится; какое положение в нем занимает на данный момент и каким Вы видите ее положение в будущем; в какие международные организации, союзы, объединения входит или планирует войти ваша страна; каково ее место на международной арене и какова позиция по «глобальным проблемам» и «горячим точкам»; какова модель социально-экономического развития вашей страны, государственный строй и в чем ее культурно-цивилизационная самобытность. Познакомьте присутствующих с десятью первыми шагами, которые Вы предпримете после избрания на пост главы государства. Аргументируйте их. Ознакомьтесь с планами ваших одноклассников, задайте не менее трех вопросов.

5. (*Ключевой метод – метод «вживания», метод образного видения, метод мозгового штурма.*) Вы тележурналист, который слушает выступление из пункта 4. Подготовьте видеоролик (видеовключение с места событий на 1–2 минуты) для вечерней программы новостей. Проведите со своей командой мозговой штурм о том, какую информацию нужно обязательно отразить в видеовыпуске, аргументируйте свою позицию, сделайте запись. Прокомментируйте видеозаписи других студентов.

6. (*Ключевой метод – метод символического и образного видения.*) Придумайте и опишите (изобразите) символ внешней политики, который будет использоваться на официальных документах МИДа вашей страны. Дайте объяснение изображению в целом, а также его частям.

Аргументированно прокомментируйте символы ваших одноклассников.

Использование такого типа заданий помогает развитию речевых и языковых компетенций студентов. Активизируется мыслительная деятельность, усиливается мотивация изучать лексику и грамматические конструкции, необходимые для выражения собственной позиции, тренируется навык правильного написания слов, построения словосочетаний и предложений, использования соответствующих интонационных конструкций. Кроме того, тренируется умение создавать диалоги и монологи в соответствии с заданной речевой ситуацией, а также учитывать стилистические особенности того или иного высказывания, включается азарт, создается позитивный эмоциональный настрой. Все это раскрепощает студента, его словарный запас увеличивается и обогащается синонимами, а скованность и боязнь допустить ошибку в речи уменьшается. Появляется яркое внутреннее желание «вести диалог культур», аргументированно высказывать свою точку зрения, говорить по-русски как можно больше.

Значит ли это, что следует использовать только эвристические методы и приемы на занятиях по практике русской речи? Разумеется, нет. Выбор формы задания должен быть целесообразным и работать на максимально качественное усвоение знаний, умений и навыков, заявленных в программе курса. Кроме того, эвристические задания требуют больших затрат времени как в период подготовки, так и в момент презентации результата. Целесообразным видится выполнение части эвристических заданий в формате форума на онлайн-площадке.

1. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Первая ступень. Русская филология (по направлениям). ОСВО 1–21 05 02-2013. – Минск: М-во образования Респ. Беларусь. – Минск: БГУ, 2013.

2. Ван Гохун. О некоторых особенностях системы обучения китайских студентов русскому языку как иностранному / Ван Гохун // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 12. – С. 24–28.

3. Король, А. Д. Эвристический практикум по педагогике: учеб.-метод. пособие / А. Д. Король, А. В. Хуторской, Е. И. Белокоз. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2014.

4. Рамблер – медийный портал. Новости сегодня: самые актуальные новости России и мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/middleeast/41811139-lavrov-rasskazal-o-meste-blizhnego-vostoka-vo-vneshney-politike-moskvy/> – Дата доступа: 30.03.2019.

Р. Г. Чечет, С. В. Махонь (Минск)

ТРУДНОСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ РАБОТЕ С ТЕКСТАМИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

Студенты-иностранцы должны знать, что тексты официально-делового стиля (документы) регулируют деятельность учреждений, организаций, предприятий, государства и общества. Они изменяют или закрепляют существующие в обществе правовые нормы. В связи с этим необходимыми требованиями при составлении документа являются однозначность прочтения, четкость формулировок, доступность текста, обеспечивающая его быстрое понимание.

Основным требованием к языку служебных документов является соответствие нормам и особенностям официально-делового стиля. Несмотря на то что деловая речь представляет собой по преимуществу речь стандартизированную, языковые средства, используемые в ней, достаточно разнообразны и служат для передачи различного рода деловой информации. Для того чтобы успешно разрешать стандартные ситуации делового общения, студентам необходимо хорошо знать «деловые» словесные формулы и конструкции, уметь их использовать с учетом конкретной ситуации. Однако студентам-иностранцам следует помнить, что в сфере делового общения наряду с языковыми нормами действуют так называемые текстовые нормы, т. е. те, которые регламентируют построение текста документа (набор параметров, их последовательность, пространственное расположение).

Основу любого документа составляют стандартные выражения (словосочетания) – языковые клише, готовые обороты, легко воспроизводимые в определенных условиях и контекстах. С их помощью передается необходимая информация, например: а) мотивация действия: *в порядке обмена опытом...*, *в порядке поощрения за выполненную в срок работу...*, *в порядке исключения...*; б) констатация того или иного факта: *...вступает в законную силу*, *...обжалованию не подлежит*; в) необходимость совершения каких-либо действий: *передать в соответствующие инстанции*, *препроводить документы в органы контроля*, *поставить в известность всех руководителей учреждений* и т. п. Такие сочетания должны быть известны студентам-иностранцам, составляющим или редактирующим документ.

Основное количество ошибок, допускаемых студентами-иностранцами в деловых документах, относится к **лексическим**:

1) неточное использование слов и терминов. Например: *сообщаем наши **реквизиты**: Минск, Дом печати* (реквизит – данные, указание которых в документе делает этот документ действительным с юридической точки зрения, напр., номер банковского счета, юридический адрес, номер налогоплательщика и т. п.);

2) неуместное или неоправданное употребление иностранных слов: *пролонгировать* вместо *продлить*; *вотум собрания* вместо *решение, мнение*; *репрезентировать* вместо *представить*. Иногда незнание значения иностранного слова приводит к возникновению алогизма: *эксклюзивные товары оптом, все свободные вакансии уже заняты, новый прейскурант цен, декада китайской кухни продлится 5 дней*;

3) неразличение слов-паронимов: *командированный* (находящийся в командировке, получивший командировку: *командированный специалист*) и *командировочный* (относящийся к командировке; употребляется только с неодушевленными существительными: *командировочное удостоверение*); *гарантийный* (дающий гарантию в чем-либо: гарантийное письмо) и *гарантированный* (защищенный, обеспеченный кем-либо, чем-либо: *гарантированный заработок*); *расчетный* (относящийся к расчетам, служащий для вычислений: *расчетный счет, ведомость*) и *расчетливый* (действующий с расчетом, проявляющий бережливость, экономность); *адресат* (тот, кому адресовано почтовое отправление) и *адресант* (тот, кто посылает почтовое отправление);

4) употребление разговорных, просторечных, жаргонных слов, эмоционально окрашенной лексики: *необходимо всем субъектам начать работу без раскочки*; *эти средства – большая подмога трудовому коллективу*; *нужно называть вещи своими именами* и т. д.;

5) нарушение норм лексической сочетаемости. Наиболее типичными ошибками, допускаемыми студентами-иностранцами в этой области, являются, например, употребление глагола *достичь*: *нормативно в сочетаниях достигь успеха, достигь совершеннолетия*, но нельзя *достичь выполнения, достигь порядка*. Можно *оказать доверие*, но нельзя *оказать грубость, оказать дружбу*. Можно *провести совещание, провести сотрудника по штату*, но нельзя *провести организацию, провести контроль* и т. п.

Неоправданная лексическая замена в составе фразеологизма, например: *иметь роль* (вместо *играть роль*), *принять к вниманию* (вместо *во внимание*), *должны работать не покладая сил* (вместо *не покладая рук*), *произвел большое влияние* (вместо *оказал большое влияние*).

Есть определенные рекомендации и по использованию в документах тех или иных **морфологических форм**. Так, более предпочтительны в деловом стиле краткие прилагательные: *Решения исполкома обоснованны и справедливы; Предложенные к закону поправки и дополнения существенны и очень важны на этом этапе; Изменение графика отпусков нежелательно.*

При употреблении этих форм студенты-иностранцы часто допускают следующие стилистические ошибки:

- ♦ неправильный выбор вида глагола или глагольных форм: *Эта техника будет внедрена в ближайшее время, чтобы **повышать** (надо **повысить**) производительность труда; В протоколе описаны события, имеющие место (надо **имевшие** место);*

- ♦ неправильное употребление форм на -ся: *Служебные машины **моются** после 14 часов (надо **моют**); В данном протоколе **указывают** всех выступавших на собрании (надо **указываются**).*

В деловой речи очень частотны предлоги: *благодаря, вследствие, в результате, в случае, вопреки, соответственно, по отношению, в отношении, за счет* и др. Употребление производных предлогов – одна из труднейших тем для студентов-иностранцев.

Предлоги *благодаря, согласно, вопреки* требуют после себя дательного падежа: *согласно указу, согласно требованию; благодаря умению, благодаря знаниям; вопреки погоде, вопреки обстановке.*

Особое внимание студентов-иностранцев следует обратить на то, что предлог *благодаря* употребляется для указания на причины, определяющие положительный результат: *благодаря новым технологиям (нельзя благодаря наводнению).*

Предлог *по*, если имеет значение «после», употребляется с существительными в предложном падеже: *по заключении, по окончании, по прибытии, по приезде.*

Предлоги *с целью* и *в целях* синонимичны. Предлог *с целью* употребляется с инфинитивом для конкретизации, уточнения цели, а предлог *в целях* – с отглагольным существительным: *Мы собрались здесь с целью решить... но: В целях освоения новых технологий...*

Часто у студентов-иностранцев вызывает затруднения выбор нужной падежной формы и соответствующего предлога: *аудиенция кому; гарантия в чем; договор о чем, с кем/чем, на что; доказательство чего, чему; долг (долги) кому; заведующий чем; запрещение чего, на что; несогласованность в чем; несоразмерность с чем; обязательства перед*

кем/чем; озабоченность чем, за что; подтверждение чего; сделка по чему, с кем; требование чего и т. п.

При составлении и оформлении деловых документов студенты-иностранцы часто допускают и **синтаксические** ошибки. Чаще всего возникают трудности в согласовании сказуемого с подлежащим. Обычно это происходит в том случае, когда подлежащее выражено не одним словом, а словосочетанием. Вот что необходимо помнить студентам-иностранцам для того, чтобы не допускать таких ошибок:

- ♦ при подлежащих с количественным числительным, оканчивающимся на *один*, сказуемое ставится в форме единственного числа: *21 вагон отправлен; 51 сотрудник удостоен премии;*

- ♦ при подлежащих с количественным числительным, оканчивающимся на *2, 3, 4*, сказуемое обычно ставится в форме множественного числа: *23 указа подписаны, 32 участника зарегистрированы;*

- ♦ подлежащие со словами *большинство, меньшинство, ряд, часть, много, мало, немало, несколько* и др. требуют постановки сказуемого в форме единственного числа: *большинство проголосовало за предложенную резолюцию* (но: если есть управляемые слова – во множественном: *большинство депутатов проголосовали против*); *был направлен ряд специалистов.*

Возникают определенные трудности и в согласовании определений. Например:

- ♦ если определение относится к сочетанию личного имени и приложения *типа врач Петрова, математик С. Ковалевская*, то оно согласуется с ближайшим существительным: *участковый врач Петрова;*

- ♦ если определение относится к сочетанию существительного с числительным *2, 3, 4*, то ставится в форме именительного падежа со словами женского рода: *две новые сотрудницы, три младшие лаборантки* и в форме родительного падежа, если относятся к словам мужского рода: *два молодых специалиста, три известных бизнесмена.*

Некоторые существительные, называющие лиц по профессии, по должности, по роду занятий, обозначают как лиц мужского, так и лиц женского пола: *комментатор Сергеев – комментатор Сергеева*. Глагол-сказуемое в прошедшем времени при таком существительном ставится в мужском роде, если речь идет о мужчине, и в женском роде, если речь идет о женщине. Определение-прилагательное с таким существительным употребляется в мужском роде: *Выступила известный педагог Васильева. – Выступил известный педагог Васильев.*

Знание этих и некоторых других правил использования тех или иных языковых единиц позволит студентам-иностранцам избежать ошибок при составлении, редактировании и оформлении деловых бумаг.

А. В. Чуханова (Минск)

СТАРТОВЫЙ КОНТРОЛЬ НА ЭТАПЕ ВКЛЮЧЕННОГО ОБУЧЕНИЯ

Ежегодно на филологическом факультете БГПУ языковую подготовку по программе включенного обучения проходят студенты из КНР. Такое сотрудничество с учебными заведениями Китая позволяет не только расширить границы образовательного пространства, но и создать оптимальные условия для эффективного изучения русского языка как иностранного. Чтобы определить объем знаний, уровень коммуникативной компетенции иностранных студентов, перед началом учебного процесса проводится стартовый контроль. Анализ результатов такой предварительной диагностики позволяет откорректировать учебные материалы, определить ключевые стратегии обучения, разработать систему индивидуальных заданий для самостоятельной работы студентов и, наконец, оценить эффективность организации учебного процесса на этапе включенного обучения.

Стартовый контроль, выполняя диагностическую, результативно-констатирующую и корректирующую функции, позволяет определить, насколько уровень подготовки иностранных студентов соответствует «учебному эталону», т. е. степени сформированности академических, социально-личностных и профессиональных компетенций. В данной статье охарактеризуем предварительную аудитивную диагностику, поскольку умение слушать и слышать звучащую речь, устанавливать ассоциативные связи между фонемным «обликом» слова и его семантикой являются определяющими в процессе изучения иностранного языка и новых учебных дисциплин в ситуации «языкового погружения».

Проведение стартового контроля предполагает решение целого комплекса методических задач, ключевыми среди которых являются: а) отбор «универсального» аудиоматериала; б) выбор оптимальных способов его предъявления; в) определение набора наиболее эффективных форм проведения предварительной диагностики.

Безусловно, отбор языкового материала является той базовой проблемой, от решения которой зависит эффективность как процесса аудирования, так и формирования коммуникативной компетенции иностранных студентов. Не случайно специалисты в области преподавания учебной дисциплины «Русский язык как иностранный» пытаются определить набор релевантных признаков «универсального» текста, ответить на вопросы, касающиеся принципов отбора аудио- и аудиовизуальных материалов, специфики их языковой формы и архитектуры, функционально-семантической и жанровой типологии [1, 2].

Во время проведения стартового контроля предпочтение отдается аутентичным материалам, отражающим «естественное» общение в «реальной» речевой ситуации. При их отборе акцент переносится на такие признаки, как актуальность, прагматичность, профессиональная направленность, культурологическая ценность и т. д.

К числу дискуссионных относится и вопрос о способах презентации материала. На этапе стартового контроля, по мнению методистов, следует исключить использование аудиозаписей, текст должен предъявляться преподавателем. С целью «нивелирования» лексических и социокультурных трудностей, возникающих при восприятии звучащей речи, тексты могут сопровождаться дополнительной информацией в виде визуальных «конкретизаторов» – иллюстраций, фотографий и т. д.

Еще одна проблемная зона в рамках стартового контроля – это выбор оптимальных форм организации предварительной диагностики. На наш взгляд, ее целесообразно проводить в форме теста (позволяет объективно и оперативно установить степень соответствия аудитивных умений требованиям образовательной программы) или контрольной работы (дает возможность не только определить уровень подготовки иностранных студентов, но и реализовать творческий подход к выполнению заданий, предполагающих завершение аудиоматериала или написание его пролога, расширение образной системы текста и т. д.).

Обратимся к структурно-содержательной специфике контрольной работы, которая проводится в рамках стартового контроля. Она состоит из 3 блоков заданий, которые направлены на определение степени общего (глобального), полного (детального) и критического понимания аудиоматериала.

Задания первого блока позволяют провести диагностику аудитивной компетенции китайских студентов на этапе восприятия ключевой содержательно-фактуальной информации, а также установить, на-

сколько обучающиеся способны распознавать и использовать лексические единицы и типичные грамматические структуры русского языка. Задания этого уровня предполагают определение темы аудиотекста, прогнозирование его содержания по заголовку, составление плана, установление степени достоверности предложенных высказываний, ответы на вопросы по основному содержанию аудиоматериала и т. д.

Во второй блок включаются задания, связанные с восстановлением пропущенной информации, составлением подробного плана текста, «моделированием» его концовки, детальным описанием речевой ситуации и ее участников, установлением причинно-следственных связей между отдельными синтаксическими конструкциями или частями текста и т. д.

Задания третьего блока ориентированы на декодирование содержательно-подтекстовой информации. Они позволяют определить, насколько иностранные студенты способны проанализировать коммуникативную интенцию автора и эмоционально-оценочную составляющую текста, охарактеризовать индивидуально-авторское понимание отношений между описанными фактами и явлениями, выявить имплицитные компоненты аудиоматериала, критически оценить его содержание и т. д.

Аудирование, как известно, базируется на активной психической и речемыслительной деятельности обучающихся и коррелирует с базовыми уровнями понимания, поэтому такое структурирование контрольной работы на этапе стартового контроля является вполне оправданным. Задания, дифференцированные с учетом поэтапного «освоения» эксплицитной и имплицитной составляющих текста, позволяют преподавателю, во-первых, проанализировать, насколько у иностранных студентов сформированы механизмы восприятия звучащей речи, а во-вторых, включить в учебные материалы дополнительные задания, направленные на развитие внимания, памяти, антиципации.

Выводы.

1. При реализации программы включенного обучения стартовый контроль позволяет определить степень сформированности аудитивной компетенции иностранных студентов, которым предстоит изучать русский язык в новом лингвокультурном пространстве, обозначить ключевые стратегии обучения, откорректировать учебные материалы.

2. Преодоление основных проблемных зон в рамках организации и проведения стартового контроля непосредственно связано с решением

комплекса методических задач, ключевыми среди которых являются следующие: отбор «универсального» аудиоматериала, выбор оптимальных способов его предъявления и форм проведения предварительной диагностики.

3. Контрольная работа дает возможность не только определить уровень «исходных» знаний иностранных студентов, но и, благодаря «нестандартным» заданиям, реализовать творческий подход к решению поставленных учебных задач.

В структурно-содержательном плане контрольная работа состоит из трех блоков заданий, коррелирующих с базовыми уровнями понимания текста.

1. Методика обучения русскому языку как неродному: учеб. пособие / И. П. Лысакова [и др.]; под. ред. И. П. Лысаковой. – М.: Русайнс, 2015.

2. Балыхина, Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учеб. пособие / Т. М. Балыхина. – М.: Изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 2007.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

А. Деци (Тарту)

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПСЕВДОЦИТАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЭСТОНИИ

Еще Платон описывал мышление как «тихую беседу души с самим собой» [2, с. 5]. Для него главная характеристика мышления – диалогичность, ибо, размышляя, человек постоянно вовлекает себя в вымышленные ситуации и разговоры. В диалоге собственные слова постоянно чередуется с чужими, которые создают необходимый фон, куда вписывается голос автора вместе с его точкой зрения [3, с. 273–274]. Одним из видов проявления чужого слова является переход с одного языка на другой посредством включения иноязычных вкраплений, открытых и скрытых цитаций, заимствований, отсылающих к другому опыту и определенному культурно-историческому контексту [1, с. 37–38].

В ходе анализа иноязычных вкраплений в интернет-дискурсе¹ русскоязычных жителей Эстонии были обнаружены разные функции вкраплений, пересекающиеся с более широко понимаемым чужим словом и с другими явлениями, в числе которых – псевдоцитация. Цель настоящей статьи – дать обзор проявлений псевдоцитации, включающей иноязычные вкрапления. Псевдоцитаты рассматриваются нами в рамках теории гипотетического дискурса, который содержит вымышленную и возможную чужую речь. Под вымышленной речью понимается речь, представленная в рамках выдуманной истории/ситуации, под возможной – речь, которая могла бы иметь место в прошлом или в будущем [4, с. 3–4]. Установить границы между вымышленной или возможной, т. е. фиктивной, и реальной речью удастся не всегда, однако диалогическая структура (переплетение разных точек зрения) и специфическая функциональная направленность чужой речи способствуют определению ее фиктивности [2, с. 8–13].

¹ Материалом для анализа послужили комментарии, собранные из соцсетей и с разных форумов.

Нами было обнаружено, что эстонские вкрапления часто представляют собой цитату или входят в нее, в некоторых случаях данные цитаты используются в целях описания разных вымышленных или возможных ситуаций. Итак, то, что мы условно называем псевдоцитатой, является фиктивной чужой речью. Она пересекается с вкраплениями, передающими голоса гипотетических русских и эстонских «собеседников», участвующих в фиктивном диалоге. В нашем материале фиктивность чужой речи можно определить как по формальным, так и по функциональным признакам. Ниже приведем выявленные нами формальные маркеры, имеющиеся в контексте и позволяющие определить чужое слово как псевдоцитату, с соответствующими примерами¹.

♦ Модальные и/или дейктические средства, помогающие сформулировать возможные варианты высказывания на эстонском языке: *В следующий раз, надо говорить – ма тахакс мину раха тагаси* (от эст. *ma tahaks oma raha tagasi* ‘Я хотел бы получить свои деньги’).

♦ Ряд эстонских слов, не являющихся целостным высказыванием и, соответственно, цитатой: *Ты адресом не ошибся, любезный? Ээстласед* (от эст. *eestlased* ‘эстонцы’) – *это на той половине, а здесь тиблад, венкуд, вандид, сибулад, умбкеэльсед окупандид* (ряд оценочных и оскорбительных слов, употребляемых эстонцами по отношению к русским).

♦ Вкрапление элементов русского языка в цитате на эстонском, свидетельствующих об искусственности высказывания: *Один эстонец на 5 гостиниц! Вот печалька то! Исанд юмаль, курад, венеласед, кругом венеласед!* (от эст. *Issand jumal, kurat, venelased* ‘Господи боже, черт, русские’).

♦ Влияние русского языка на эстонскую речь, проявляющееся в ошибках разного рода, что свидетельствует о том, что автором высказывания не является носитель эстонского языка: *А потом, когда их на колеса грузовика наматает нить, что «ай-ай-ай, курат, куйдас нии выйкс олла, ма ни хеа инимене, ниисама сыйтсин, и <...> сиуке паха аси юхтуб, ванасти оли айнульт лолльеа, я веель нююд ялад пурукс, мисасья????»* (от эст. *kurat, kuidas nii võiks olla, ma nii hea inime, niisama sõitsin sihuke paha asi juhtub, vanasti oli ainult lollpea, ja veel nüüd jalad puruks, mis asja?* ‘Как это возможно? Я такой хоро-

¹ В примерах сохраняется написание оригинала, эстонские вкрапления выделены жирным шрифтом, их перевод дан в скобках.

ший человек, просто так ездил, а такая плохая вещь произошла, раньше я был просто глупый, а теперь еще сломанная нога, в чем дело?'). Влияние русского языка проявляется в пропуске связки (*olen* 'есть'), обязательной в эстонском языке, и показателя 1-го лица *-n* в эстонском глаголе (*olin* 'я был').

♦ Искажение русской речи, что часто осуществляется посредством гротескной имитации и пародирования эстонского акцента, использования эстонских ругательств (*kurat*, *raisk* и пр.): «*Vasa trassu на моя туалетту пополам расресали, райск, а этот есть полсой укроос на насса народу, его язукку и култуур и деньги нузен, стопы вос-станавливать, курат, куда какать*».

Как было уже отмечено, другой показатель, по которому можно определить фиктивность чужой речи в нашем материале – ее функциональная направленность. Анализ материала показал, что акцентирование оппозиции «свой–чужой» обуславливает использование псевдоцитат. Оппозиция «свой–чужой» при этом образуется в ходе фиктивного диалога с «чужим», что ведет к типизации последнего. Внутри этого диалога псевдоцитаты выполняют следующие частные функции:

- ♦ моделирование дискурса для «своих»;
- ♦ аргументация собственной оценочной позиции;
- ♦ дискредитация объекта разговора;
- ♦ демонстрация компетентности на языке «чужого».

Ниже будет приведен один пример для каждого из перечисленных пунктов.

Моделирование дискурса для «своих».

*Вот они и зудят рядышком, «наталкивают» тебя на эту мысль. Варианты: 1) игнор с равнодушно-наплевательским видом, а затем подойти и внаглую так... «кууле, анна суитсу» (от эст. *kuule, anna suitsu* 'слушай, дай закурить') и начать тему про вчерашний праздник с кучей друзей.*

В подобных примерах автор как бы обучает «своих», т. е. предположительно русскоязычных участников коммуникации, как следует сформулировать высказывание на языке «чужого», гипотетически эстонского, собеседника.

Аргументация собственной оценочной позиции.

*В Турцию ездил? Там точно все экскурсии на русском! Один эстонец на 5 гостиниц! Вот печалька-то! Исанд юмаль, курад, венеласед (от эст. *Issand jumal, kurat, venelased* 'Господи боже, черт, русские'),*

кругом *венеласед!* Был свидетелем в Турции, маленькая испуганная эстонская девочка спрашивает маму, почему все вокруг говорят по-русски, мама так *tasa, tasa* ('тихо, тихо').... это ж надо себя довести до паранойи и ребенка так запугать русскими, что она в испуге от русского языка! Даже стало жалко их! Они же потратились, отдыхать приехали, а тут *венеласед, оккупандид* (от эст. *venelased, okupandid* 'русские, оккупанты') кругом! Жуть! Я бы сдох от страха!

В приведенном примере псевдоцитаты, переплетающиеся со словами автора, используются как аргументация правильности собственной точки зрения и ее оценки, что является своего рода манипуляцией мировоззрением других участников коммуникации. Следует отметить, однако, что невозможно определить все цитаты данного комментария как фиктивные. Слова «*tasa, tasa*», которые в отличие от остальных цитат даются латиницей, могут быть вполне реальными. Псевдоцитаты часто являются штампами, предсказуемыми фразами, приписываемыми эстонцам. Это в свою очередь способствует типизации некоего представителя эстонского общества.

Дискредитация псеudoавтора цитаты.

Перевожу на понятный язык: мы <...> рупили всю лессу, райск, который на нам оставил оккупанций, которая не телал райк стес-сь ни отна леспрмхоссу, а теперь, курат, лессу нет, райск и тениги нуцен на эстонский хоссяефф.

Подобные псевдоцитаты служат средством формирования «комических гипотез», в которых коммуниканты доводят до абсурда некую (коммуникативную) ситуацию. Этот процесс часто основывается на пародировании определенных групп людей посредством псевдоцитат, что ведет к типизации, но в то же время и к дискредитации субъектов комических гипотез. В данном примере в псевдоцитате изображается речь эстонца, подчеркивается его типичный акцент. Этот прием, вместе с использованием русской и эстонской сниженной лексики, создает образ необразованного, некультурного и глупого человека.

Демонстрация языковой компетентности.

*А я про это ничего и не говорил! Я не стал писать, что и мы эстонца *saate aru* ('понимаем').*

Данную псевдоцитату можно рассматривать как самоцитирование. Однако автор отсылает не только к собственным возможным словам, но и к потенциальным словам «своих» посредством инклюзивного значения второго лица множественного числа эстонского глагола. Разу-

меется, использование подобных псевдоцитат на эстонском языке требует лингвистических знаний, которые пишущие хотят продемонстрировать, чтобы показать свое умение «защищаться» на языке «чужого».

Результаты исследования показывают, что в некоторых случаях в интернет-дискурсе русскоязычных Эстонии чужая речь, пересекающаяся с эстонскими вкраплениями, представляет собой псевдоцитату. Несмотря на отсутствие четких критериев определения границ между фиктивной и реальной речью в целом, в нашем материале псевдоцитаты могут быть выявлены по некоторым формальным маркерам и по специфике функциональной направленности чужой речи. К формальным маркерам относятся модальные и дейктические средства, экстраполяция отдельных эстонских элементов в русскую речь, вкрапление элементов русского языка и его влияние на моделируемую эстонскую речь. Данные маркеры участвуют в создании диалогической структуры дискурса, в котором авторские слова переплетаются с «чужими», эстонскими. Псевдоцитаты вместе с авторскими словами, создают эту диалогичную структуру, определяя «своего/чужого» и типизируя эстонского «собеседника» через реализацию ряда функций, способствующих формированию негативного образа «чужого».

1. Пилипенко, Г. П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри и извне» / Г. П. Пилипенко. – СПб.: Нестор-История, 2017.

2. Pascual, E. Sandler, S. Fictive interaction and conversation frame: An overview / E. Pascual, S. Sandler // The Conversation Frame. Forms and functions of fictive interaction. – 2015. – Vol. 55. – P. 3–22.

3. The dialogic imagination [Electronic resource]: four essays by M. M. Bakhtin edited by Michael Holquist, translated by Caryl Emerson and Michael Holquist / University of Texas press. – Austin: University of Texas press, 1981. – Mode of access: <https://bit.ly/2IoDzBC>. – Date of access: 6.10.2019.

4. Golato, A. Impersonal quotation and hypothetical discourse / A. Golato // Quotatives: cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives. – 2012. – Vol. 15. – P. 3–36.

Инь Дун (Ляньюньган)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «НЕБО» В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ КОНТИНУУМЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В начале XXI в. в русской лингвистической науке активизировались исследования, связанные с концептом «жизнь» и философско-бытийным пониманием жизни человека. Этот концепт является осно-

вополагающим для метафизического понимания бытия носителями любой культуры и представляется экзистенциально значимым как для конкретного человека, так и для всей нации в целом. В концепте представлены различные по структуре, семантике и коннотативной окраске языковые средства, немаловажное значение среди которых занимает концептосфера «небо».

Небо – одна из главных составляющих материального мира, которая занимает центральное место в человеческом сознании, является неотъемлемым компонентом духовной культуры наций. Концептосфера *небо* относится к числу наиболее важных лексем в языковой картине мира. В толковых словарях русского языка значение лексемы *небо* определяется как 1) ‘видимое над Землей воздушное пространство в форме свода, купола // окружающее землю мировое пространство’; 2) ‘место, пространство, где по религиозным представлениям, обитают Бог, ангелы, святые и т. п. // провидение, божественные силы’. В Большом толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова ко второму определению добавлено уточнение... «где обитают Бог, ангелы, святые и где находится рай».

В китайском языке небо представлено в виде иероглифа 天 (*тянь*), который изображает человека с расставленными в стороны руками и ногами, а над ним горизонтальная планка, символизирующая все то, что превышает человека и находится над ним. Иероглиф 天 (*тянь*) встречается уже в иньских гадательных надписях (2-я пол. II тыс. до н. э.). Некоторые исследователи полагают, что пространство над головой человека – это изображение человека с большой головой: 人 (*жэнь*) ‘человек’ – 大 (*да*) ‘большой’ – 天 (*тянь*) ‘небо’.

В древнекитайских текстах слово 天 (*тянь*) трактовалось по-разному. Это и 1) верховное божество, высшая сила; 2) высшее природное начало, член Великой Триады «небо-земля-человек»; 3) природа; 4) природное начало в человеке и др. В современном китайском языке 天 (*тянь*) – это 1) небо, небесный; 2) верх, верхняя часть, как Тяньцзяо 天桥 ‘небесный мост’ (надземный переход); 3) день, сутки; 4) время; 5) сезон, пора; 6) погода; климат; 7) природа и др.

Анализ дефиниций указанных словарных толкований позволяет выявить два содержательных признака, вербализующих концепт «небо». Детерминантным при определении неба оказывается локально-пространственный признак, в котором небо характеризуется как пространство, находящееся над землей. Во втором признаке актуали-

зируется теологическая характеристика неба, которое представляется как место пребывания Бога, ангелов и святых, как рай.

Небо в русской художественной картине мира характеризуется многоуровневостью, оно представлено пространством, обладающим определенными параметрами (имеет размер, форму), воспринимается через зрительные (цветовые) и температурные ощущения, имеет темпоральные характеристики и влияет на земную жизнь. В образном арсенале русской поэзии, например, небо отождествляется с пространством, кругом, вершиной, краем, пустотой, степью, раздольем, глубиной, безбрежьем, беспредельностью, высотой, вышиной, бездной, куполом, голубизной, изумрудом, сапфиром, бархатом, шелком, аркой, алтарем, царством, вечностью [1, с. 333–348]. В известном выражении Г. Р. Державина жизнь человека определяется как мгновенный дар небес: *Жизнь есть небес мгновенный дар*.

В религиозном дискурсе небо определяется как место обитания души человека после его земной жизни, как состояние блаженства, безгрешности, радости, любви, красоты. Библия четко показывает, что Иисус был воскрешен из мертвых и затем вознесся на небо.

В китайской культуре небо считается одной из основополагающих категорий (Китай поэтому часто называют Поднебесной). Небо – это высшее безличное божество, или духовная реальность. В каждом человеке таится небесное дао, которое и является сутью его природы. В китайской культуре небо рассматривалось как источник императорской власти, поэтому китайский император носил титул «天子» (‘сын неба’). Считалось, что Небо вручает ему Небесный мандат на правление и только император имел право делать жертвоприношения Небу и перед Небом отвечал за благополучие народа. В эпохи Мин и Цин император в день зимнего солнцестояния в круглом алтаре Храма Неба (Пекин) совершал церемонию жертвоприношения перед священной табличкой Неба. До 1912 г. правители Китая носили титул 天子 (*тяньцзы*) ‘сын неба’ и должны были поддерживать взаимодействие между тремя членами Великой триады – Небом, Землей и людьми, что нашло свое отражение в иероглифе 王 (*ван*) ‘правитель’. В качестве верховного жреца только император мог приносить жертвы Небу и Земле, и его жертвоприношения духам земли и зерна обеспечивали процветание всей Поднебесной [см.: 3].

На протяжении длительного времени идея «天人合» ‘единство Неба и человека’ занимает важное место в традиционной концепции

китайской философии, является основной частью традиционной китайской культуры. Поэтому в сознании китайского народа считается, что Небо и человек связаны, что Небо определяет судьбу человека. Ср.: 人命关天 ‘жизнь человека касается неба’; 人生福祸总由天 ‘счастье и беда в жизни человека всегда зависят от неба’; 人生富贵由天命 ‘богатство жизни человека зависит от неба’; 乐天知命 ‘радоваться судьбе, знать веления неба’ (обр. в знач. ‘быть довольным своей судьбой’); 顺天者存, 逆天者亡 ‘кто повинуется небу, тот выживет; кто противится небу, тот погиб’.

Та же смысловая наполненность наблюдается и в русских выражениях: *Как ни мостись, а на небо (а к Богу) не взлезешь* (о недостигаемости неба); *Чадю небесное – личико прелестное; Высоко говорит, а рукою до неба не достанет; На небо крыл нет, а в землю путь близок; Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки; Не по небу и богач ступает, не под землей живет и убогий; Хоть под небеса летай, а сове соколом не быть; Лебедь по поднебесью, мотылек над землей, всякому свой путь.*

В Древнем Китае люди олицетворяли небо, и одаренный талантом и умом человек назывался человеком с «небесным даром». Выражение «небесные палаты» означало хорошую и благодатную среду проживания, а выражение «единство человека и Неба» означало самую высшую степень физического и нравственного совершенствования. В китайском языке непреложная общепринятая истина называется «небесным принципом», поэтому при принятии клятвы человек обещал, что если он не сдержит клятвы, то пусть небо покарает его. Небо считалось местом обитания тех, кто творит добро и судит злодеяния. Преклонение перед Небом выступает гарантом мира и стабильности.

В национальном сознании русских актуализируется не небо, а Бог, который считается верховной личностью, высшим разумом, сверхъестественным могуществом и абсолютным совершенством [2, с. 110–113]. Бог является первоначальной и предшествующей миру сущностью, вездесущей, всемогущей и всезнающей, создателем материального и духовного миров. Об этом свидетельствуют следующие выражения: *Жить – Богу служить; Смерть да жена – Богом суждена; Человек предполагает, а Бог располагает; Человек ходит, Бог водит; Жив Бог, жива душа моя.* Интересно, что в русской разговорной речи часто встречаются такие выражения, как *Боже мой, о Боже, слава Богу*, а в китайском языке: *Небо мое* (我的天), *о Небо* (天啊), *слава небу* (天照应).

Таким образом, концепт «небо» относится к разряду ключевых концептов и имеет важное значение для понимания национальной культуры. Он выполняет особую роль в религиозной, этической, эмоциональной и нравственной сферах, отражает мировоззрение и обыденные взгляды носителей языка и участвует в формировании языковой картины мира любого народа. Основные характеристики концепта «небо» в русском и китайском языках связаны с представлением о небе как «видимой атмосфере», «месте происходящих событий», «безграничном пространстве», а также с наличием религиозности в восприятии неба. Представления о небе в русской и китайской языковых картинах мира не всегда совпадают. По мнению китайцев, небо способно вершить судьбы людей, и этим фактом объясняется отсутствие каких-либо отрицательных характеристик неба (например, *темное, черное, пасмурное*). В русской языковой картине мира представления о небе ассоциируется с Богом (это прежде всего место обитания божественных сил), а в китайской культуре небо (*тянь*) не соотносится с понятием Бога, ибо *тянь* считается высшей мироустроительной силой.

1. Павлович, Н. В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2 т. Том 1 / Н. В. Павлович. – М.: Эдиториал УРСС, 2007.

2. Можейко, М. А. Новейший философский словарь / сост. и гл. н. ред. А. А. Грицанов. – 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003.

3. Чжао, Сюцин. Образ неба в китайской философии / Сюцин Чжао // Современные гуманитарные исследования, № 1. – М.: Изд-во «Компания Спутник +», 2008. – С. 152–154.

А. А. Куц (Минск)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД СЛОВА «ПОБЕДА» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

На материале лексикографических источников английского, русского и белорусского языков проведено исследование явления семантического перехода в словах «victory», «перамога», «победа». Под семантическим переходом (СП) понимается наличие концептуальной смежности между двумя языковыми значениями. Одной из форм реализации СП является «*диахроническая семантическая эволюция* некоторого слова от языка-предка к языку-потомку или в пределах одного

языка» [1, с. 33]. Обращение к этимологии исследуемых слов обусловлено тем, что синхронная лексическая семантика вышла из диахронно ориентированной семантики [1, с. 32], а особенности диахронической эволюции слов наиболее четко прослеживаются в сопоставлении.

Обратимся к лексикографическим источникам. Так, в английском оксфордском этимологическом словаре приводятся следующие данные: «victory – state or fact of having conquered XIV; Rom. goddess of victory XVI» [2, с. 526] (победа – состояние или факт завоевания (XIV в.); римская богиня победы (XVI в.)) (здесь и далее перевод наш – К. А.). В «Online etymology dictionary» указано следующее: «military supremacy, victory in battle or a physical contest, from Anglo-French and Old French *victorie* and directly from Latin *victoria* “victory,” from past participle stem of *vincere* “to overcome, conquer” (from nasalized form of PIE root **weik-* “to fight, conquer”))» [3] (военное превосходство, победа в битве или соревновании, в котором требуется физическая выносливость).

Сравните срезы дефиниций в диахронии и синхронии (стрелками указывается направление перехода) (табл. 1; 1.1).

Таблица 1

PIE →	Latin →	с. 1300 →	XIV →	XVI.
<i>weik-</i>	<i>victoria</i> ‘victory’, from past part. stem of <i>vincere</i>	<i>victory</i>	<i>victory</i>	<i>victory</i>
to fight, conquer	to overcome, conquer	military supremacy victory in battle or a physical contest	state or fact of having conquered	Rom. goddess of victory

Таблица 1.1

Современные дефиниции лексемы «victory»		
Merriam-Webster [4]	Longman [5]	A. S. Hornby [6]
1) the overcoming of an enemy or antagonist; 2) achievement of mastery or success in a struggle or endeavor against odds or difficulties.	1) (in, over) the act of winning or the state of having won, in war or any kind of struggle.	1) (over/against sb/sth) success in a game, an election, a war; 2) to win sth easily.

Семы *fight* и *conquer* не отражены в современных значениях. Если в этимологии, в основном, значения содержат в себе семы войны и военных действий (*fight, conquer, military supremacy, battle*), то в современных дефинициях, семы, принадлежащие военной тематике, немногочисленны, и помимо них выделяются семы бытовой, спортивной и политической тематик, что, по-видимому, отражает реалии и контек-

сты, в которых употреблялось слово в конкретный период развития общества. Сема *overcome* отражена в современном толковании, а *conquer* сохраняется на протяжении всех трех переходов. Сема *success* возникает лишь с современных дефиниций.

В этимологических словарях **русского языка** О. А. Шаповаловой и Т. Л. Федоровой слово «победа» представляет собой заимствование из старославянского языка, полученное от глагола *poběditi* ‘победить’, образованного префиксальным способом от *běditi* ‘убеждать’, исходным для которого послужило существительное *běda* ‘беда’ [7, с. 171; 8, с. 318]. Этимологический словарь Н. М. Шанского дополняет: «Победа буквально – “убеждение (силой)”». В древнерусском языке имело кроме современного и противоположное значение: «поражение» [9, с. 239]. То же самое отмечается в словаре М. Фасмера: «... др.-русск. *побѣда*, также употреблялось в знач. “поражение”». Слово *победный* приводится также в значении «“несчастный” (победная головошка). От *беда*, *бедить*» [10, с. 293].

Так как не существуют единого мнения относительно периодизации и сосуществования старославянского (книжного) и древнерусского (разговорного) языков, представим диахроническую эволюцию слова «победа» в двух таблицах, а не в одной последовательной строке.

Ср. срезы дефиниций в диахронии и синхронии (табл. 2; 2.1):

Таблица 2

старослав., примерно в X–XI вв.	<i>běda</i> →	<i>běditi</i> →	<i>poběditi</i>
	беда	убеждать, убеждение (силой)	победить

др.-русск., примерно в VII–VIII вв.	<i>Побѣда</i> →	<i>Победный от беда, бедить</i>	
	поражение	несчастный (победная головошка)	

Таблица 2.1

Современные дефиниции лексемы «Победа»		
С. И. Ожегов [11]	Д. Н. Ушаков [12]	Т. Ф. Ефремова [13]
1) Успех в битве, войне при полном поражении противника. 2) Успех в борьбе за что-н., осуществление, достижение чего-н. в результате преодоления чего-н.	1) Одержать победу над кем- чем-н., нанести поражение противнику.	1) Успех в бою, в битве, закончившийся полным поражением противника. 2) Успех в спортивном состязании, соревновании, закончившийся поражением соперника. 3) перен. Успех в борьбе за что-л. Какое-л. достижение в результате борьбы, преодоления чего-л.

В русской этимологии, в отличие от английской, слово «победа» содержит в себе семы *поражение*, *несчастный*, *беда*, имеющие отрицательный компонент. Сема *беда* даже нашла отражение в морфологии слова «победа». Сема *поражение* также присутствует и в современных толкованиях. Как и в английской этимологии, сема *успех* возникает лишь в срезе современных дефиниций.

В белорусском языке слово «перамога» представлено лишь в одном этимологическом словаре: «Перамога (пірамога) "поспех у змаганні, на вайне; поўны поспех, трыўмф", "пераадоленне" (Нас., Гарэц., ТСБМ, Бяльк.), перамагаць "пераадольваць" (Шат., Касп.), "браць верх" (брасл., Сл. ПЗБ), "пераганяць каго-небудзь, апярэджаць" (Ян.), *перамагчы, перамогчы, пірамо́ч* "перамагчы" (ТС, Сл. ПЗБ), рус. смал. *взяць перемо́гу* "узяць верх"» [14, т. 9, с. 62].

Не представляется возможным построить таблицу с указанием СП, так как в словаре не указаны временные рамки словоупотребления. Срез дефиниций в синхронии (табл. 3):

Таблица 3

Современные дефиниции лексемы «Перамога»		
К. Крапіва [15]	І. М. Бунчук [16]	І. Л. Капылоў [17]
1) Поспех у змаганні (вайне, баі і пад.). // Поспех у працоўным або спартыўным спаборніцтве. // Поспех у ажыццяўленні чаго-н., дасягнуты ў выніку барацьбы, пераадолення якіх-н. цяжкасцей; 2) Поўны поспех, трыумф.	1) Поспех у бітве, вайне, поўнае паражэнне праціўніка; 2) Поспех у барацьбе за што-н., ажыццяўленне чаго-н ў выніку барацьбы, пераадолення чаго-н.	1) Поспех у бітве, вайне, поўнае паражэнне праціўніка; 2) Поспех у барацьбе за што-н., ажыццяўленне, дасягненне чаго-н. у выніку барацьбы, пераадолення чаго-н.

Этимологическая сема *пераадольваць* неоднократно употребляется в современных дефинициях. Семы *пераганяць*, *апярэджаць* не отражены в современных дефинициях, видимо, потому что *пераадольваць* является гиперонимом по отношению к ним. В белорусском синхронном срезе, так же как и в русском, отражен отрицательный компонент *поражение*. Этимологическое *браць верх* не нашло отражения в синхронном срезе, однако концептуально смежными можно считать сему *достижение*. Возможно, ввиду наличия в диахронии значения *браць верх* в словаре синонимов белорусского языка С. М. Шведова может быть оправдано наличие слова «Вышыня» в синонимическом ряду [18, с. 264], хотя оно не имеет в современных дефинициях ни единой семы, совпадающей с семами остальных членов ряда.

Как видно, этимология и морфология слов в английском, русском и белорусском языках заметно отличается, хоть белорусский и русский – близкородственные языки и принадлежат одной подгруппе. В английском слове «victory» содержится культурный компонент, отсылающий к мифам (богине победы древнеримского пантеона), в то время как в дескрипции русского и белорусского слов по данным толковых словарей данный компонент отсутствует. Важно отметить на основании этимологических данных связь слова «победа» с *бедой, поражением, несчастьем*, в то время как в этимологии английского слова присутствуют семы *превосходство, преодоление, завоевание* и отсутствуют отрицательные компоненты. Все современные значения объединены наличием сем *успех и преодоление* и сем, указывающих на какое-либо событие. Эти общие семы представляют собой идентифицирующую формулу, которая в данном случае представляет собой точку пересечения в плоскости семантической эволюции трех языков.

Мы исходим из того, что значение – это некоторое обыденное центральное знание, выходящее на передний план концептуальной структуры. Для объективации концептуальной структуры можно обратиться к методу поля. Для каждого слова было составлено ЛСП существительных на материале словарей П. М. Роже и О. С. Баранова для английского и русского языков (ввиду отсутствия идеографического словаря белорусского языка ЛСП слова *перамога* не исследовалось). Концептуальная смежность наблюдается у этимологического значения и следующих слов ЛСП соответственно: **для английского языка:** «Roman goddess of victory» и «Achilles, David, demigod, demigoddess»; «fight» и «battle, fight, fight-plan»; «conquer» и «conqueror, conquest»; «overcome» и «supremacy»; **для русского языка:** «поражение, беда» и «банкрот, банкротство, кара, крах, крушение, неудача, провал, проигрыш, ущерб, фиаско»; «убеждать (силой)» и «побитие, побоище, баталия, противоборство, спор, разногласие»; «победная головушка» и «банкрот, донкихот, унижение».

Концептуальная смежность проявляется также в том, что английское слово *victory* этимологически имеет связь с мифами, а группа ЛСП «Наименования лиц по культурному признаку» наиболее представлена мифологическими персонажами; в русском языке есть диахронные значения *поражение* и *несчастье* и их гипонимы в синхронии: *проигрыш, затруднение, крах, крушение, провал, фиаско, неудача*. В английском языке отрицательный компонент не представлен в диа-

хронии, и в синхронии присутствует лишь в нескольких лексических единицах.

1. Зализняк, А. А. Семантический переход как объект типологии / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 32–51.
2. Hoad, T. F. Oxford Concise Dictionary of English Etymology / T. F. Hoad. – Oxford: Oxford University Press, 2003.
3. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=victory>. – Дата доступа: 19.04.2019.
4. The Merriam-Webster dictionary: [over 70000 definitions] / ed.: F. C. Mish]. – 5-th new ed. – Springfield: Merriam-Webster, 1997.
5. Longman Dictionary of English Language and Culture / ed.: D. Summers. – Harlow (Essex): Longman, 1992.
6. Oxford advanced learner's dictionary of current English / A. S. Hornby. – 7-th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
7. Шаповалова, О. А. Этимологический словарь русского языка / О. А. Шаповалова. – Изд. 5-е. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
8. Федорова, Т. Л. Этимологический словарь русского языка / Т. Л. Федорова, О. А. Щеглова. – М.: ДадКом, 2012.
9. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М.: Прозерпина: ТОО “Школа”, 1994.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Астрель: АСТ, 2004. Т. 3: Муза – Сят.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – 27-е изд., испр. – М.: Оникс Мир и Образование, 2010.
12. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков – М.: Альта-Принт, 2007. – VIII.
13. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: Св. 136 000 слов. ст. Ок. 250 000 семант. единиц: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 2 т. – (Библиотека словарей русского языка: А).
14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нац. акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск: Беларуская навука, 1978. – Т. 9.
15. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агульн. рэд. А. А. Арціховіча (К. Крапівы). – Мінск: БСЭ, 1977–1984. – Т. 5.
16. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65000 слоў / Нац. акадэмія навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; пад агульн. рэд. І. М. Бунчука [і інш.]. – 4-е выд. – Мінск: Бел. Энцыклапедыя, 2005.
17. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / Нац. акадэмія навук Беларусі, Цэнтр даследаванняў бел. культуры, мо-

вы і літаратуры, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа; пад рэд. І. Л. Капылова [і інш.]. – Мінск: БЭ, 2016.

18. Шведаў, С. М. Слоўнік сінонімаў беларускай мовы / С. М. Шведаў. – Мінск: Сучас. слова, 2004.

И. Э. Ратникова (Минск), Хоанг Тхи Бен (Ханой)

ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОНОМАСТИКИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Имена собственные в зоне пересечения языка и права. Оним придает объекту статус уникального в социуме и, следовательно, подлежит правовому регулированию. Ср. такие области функционирования ономастических единиц, как присвоение/смена личного имени или внутригородского названия, передача антропонимов при переводе документов, защита имени от неправомерного использования и т. п. Специалисты констатируют, что оним обладает повышенным конфликтотенциалом в силу тесной связи с референтом (учреждением, персоналией, артефактом) и социальной значимости (см.: [1]).

Обширный опыт речеведческих экспертных заключений, связанных со столкновением прав на средства индивидуализации, позволяет говорить о формировании нового вида лингвистической экспертизы – нейминговой (см.: [2]), которая может быть назначена по делам о защите авторского имени, об именах как объектах собственности (фирменных наименованиях, доменных именах и т. п.); по вопросам буквенно-звукового состава антропонимов, их вариативности в документах, соответствия наименований языковым нормам, использования имени в отношении одного и того же лица и др. Т. П. Соколова обосновывает необходимость введения в научный обиход ономастики и юрислингвистики термина «нейм» как обратного деривата от «нейминг» тем, что понятия «имя», «название», «наименование» в правовых актах и в лингвистических словарях имеют разное содержание [2, с. 43].

Языковой материал и объект анализа. Взаимодействие правового и лингвистического аспектов имени собственного показано нами на примере эргонимов гг. Минска и Ханоя (проанализировано по 1500 единиц). Эргонимы являются собственностью фирмы и одновременно знаком собственности. Материал включает названия коммерческих предприятий (фирменные наименования) и принадлежащих им объектов, в том числе без статуса юридического лица (коммерческие обо-

значения). Рассмотрим, как связаны язык и право в трех характеристиках минских и ханойских эргонимов: а) структуре фирменных наименований; б) ограничениях на наполнение их ономастического компонента (ОК); в) языковой принадлежности и графическом оформлении ОК.

Обусловленность компонентного состава эргонимов. Законодательная база наименования обществ и предприятий в обеих странах обнаруживает сходство. Как в Беларуси, так и во Вьетнаме фирменное наименование должно содержать обозначение организационно-правовой формы предприятия (формулировки типа «общество с ограниченной ответственностью», «с дополнительной ответственностью» и др.) [3, с. 44–49] и собственно ОК. В белорусских номинациях эта двукомпонентная структура выдерживается последовательно (*ОДО Альпийский снег*), хотя в отдельных случаях по желанию владельца-номинатора дополняется номенклатурным компонентом типа *торговый дом* или *туристическая компания* (*ООО Торговый дом «На Немиге»*). Что касается вьетнамских названий, то в них между организационно-правовым и собственно ономастическим регулярно присутствует третий элемент, который указывает на характер деятельности предприятия: *Công ty TNHH mỹ phẩm Hải Linh* ‘ООО косметика Хай Линь’, *Công ty TNHH thời trang Hà Nội* ‘ООО мода Ханой’, *Công Ty TNHH Thương Mại & Du Lịch Hoàng Minh* ‘ООО торговля & туризм Хоанг Минь’. Такие элементы имеют амбивалентный статус (с лингвистической точки зрения, они близки к номенклатурному компоненту, однако юридически входят в собственно индивидуальное наименование предприятия). Их присутствие в фирменных наименованиях имеет интересные лингвокультурные основания: информативность собственно ОК вьетнамских эргонимов обычно стремится к нулю. Это предопределено особенностями вьетнамской лингвокультуры: имена людей омофоничны апеллятивным лексемам и не составляют отдельного закрытого списка, позволяющего опознавать их в изолированном положении. Например, в эргониме *Siêu thị Hoa Ly Ly* ‘супермаркет + цветы + Ли Ли’ ономастический компонент *Ly Ly* может представлять собой название цветка или омонимичное ему женское имя, поэтому на основании его невозможно достоверно судить о специализации магазина, требуется дополнительный различительный компонент *hoa* ‘цветы’.

Наличие/отсутствие табу на использование названия страны. Во многих лингвокультурах реализуется номинационная модель с мотивировочным значением «индивидуализируемый объект в его отно-

шении к определенному пространству». ОК таких эргонимов указывают на место расположения предприятия или иную ассоциацию со страной, городом, природным географическим объектом: *Полесье*, *Красная 18*; *Miền Bắc* ‘Север’, *Việt Nam* ‘Вьетнам’. М. В. Голомидова подчеркивает, что места – главные элементы жизненного пространства, «центры», в которых выражаются значимые события [4, с. 143], но в наименовании коммерческих предприятий эта ментальная закономерность не проявляется. Единицы, реализующие локативную номинационную модель, немногочисленны в обоих городах. При этом их количественное соотношение (примерно 1:3) показательно: в Минске такие наименования составляют 1,85 %, в Ханое – 6,13 %. Данное положение дел связано в первую очередь с количественным расхождением номинаций, включающих хоронимы *Беларусь* и *Вьетнам*, и объясняется действием юридического фактора. В Беларуси «включение в наименование юридического лица указаний на официальное полное или сокращенное название Республики Беларусь, слов «национальный» и «белорусский» ... в реквизиты документов или рекламные материалы юридического лица допускаются в порядке, определяемом Президентом Республики Беларусь» [3, с. 27]. Аналогичного ограничения в «Законо о вьетнамских предприятиях» (см.: [5]) нет. Поэтому закономерно, что в нашем материале встречается только одно наименование торгового предприятия со словом *Беларусь* (*Унитарное предприятие «Универмаг Беларусь»*) и 62 эргонима с компонентом *Việt Nam* ‘Вьетнам’: *Công Ty Cổ Phần Đầu Tư Và Thương Mại B&B Việt Nam* ‘Акционерное общество Инвестиция и Торговля B&B Вьетнам’, *Công Ty Cổ Phần Thời Trang Honey Việt Nam* ‘Акционерное общество Мода Honey Вьетнам’.

Свобода языковой принадлежности и графического оформления. В этом смысле интересны «псевдоиностранные» названия, «западные» вкрапления в «восточное» лингвокультурное пространство. В соответствии с «Гражданским кодексом Республики Беларусь» юридическое лицо должно указать в процессе регистрации полное наименование на русском и белорусском языках, сокращенные наименования на государственных языках (при этом язык-источник ОК не оговаривается), а кроме того, вправе иметь также полное фирменное наименование и/или сокращенное фирменное наименование на **любом** иностранном языке. Это право юридического лица обеспечивается также и вьетнамским «Законом о предприятиях», правда с оговоркой в Ста-

тье 40: «Иностранные названия должны быть переведенным вариантом вьетнамского названия <...> В случае сосуществования двух названий (вьетнамское + иностранное) во всех документах компании (предприятия) вьетнамское название должно быть набрано более крупным шрифтом, чем иностранное» [5].

Итак, тяготение к иноязычному слову в современной проприальной номинации юридически не ограничивается. Парадокс псевдоиностранных ОК эргонимов в том, что номинация «своя», т. е. создана в русско-/белорусскоязычном или вьетнамскоязычном культурном пространстве по соответствующим ономастическим моделям, но использованная в ней лексема «чужая», притом зафиксированная в Регистре на государственном языке, но при функционировании оформленная латиницей, как варваризм, в духе глобального англо-национального бискриптолизма. Ср.: ОК *НьюХаус* – агентство недвижимости; *GeNtly* – дизайн-студия мягкой мебели; *Green City* – комплекс для успешного развития бизнеса в Минске; *Topmode*, *Top Girl*, *SmartKids*, *Pro Sport*, *Lucky Gold* в Ханое).

Псевдоиностранные искусственные номинации, во-первых, эмоциональны в силу переключения кодов; во-вторых, имеют глорифицирующий эффект. Оформление латиницей русско- и белорусскоязычных номинаций (*Lyuba*, *Belarusachka*) тоже реализует коммуникативную стратегию «повышения статуса» (термин О. С. Иссерс). По Т. В. Шмелевой, латиница в ономастическом пространстве города дает эффект преодоления границ, включения города в контекст глобальных процессов потребления (см.: [6]). Например, в Минске есть два юридических лица с ОК *Green Hill* в названии – торговое предприятие, торгующее спортивной экипировкой, и частный детский сад. Так же или с высокой степенью сходства называются разные предприятия по всему миру, ср.: *Green Hills Software* – американская компания, производящая операционные системы для авиации; *Green Hills* – польский производитель чая; жилой комплекс в Киеве; торговая сеть в Молдове; Гостевой дом «Гринхиллс» / «Greenhills» ООО «Джитранк-Юг» в России). Происходит объективно обусловленный процесс включения эргонимов в интеркультурную ономастическую сеть, в глобальную ономастическую картину мира. Среди наименований-вкраплений, созданных в Беларуси и Вьетнаме полностью на базе иноязычных ресурсов, достаточно четко выделяется группа номинативных единиц, понятных широкому кругу в силу частой встречаемости (ср. *Girl*, *Fashion*, *Children*, *Baby*, *Kid*, *VIP*).

В этом отношении сходство эргонимов Минска и Ханоя составляет тенденция к нарушению лингвоэкологического равновесия под воздействием интенсивных межкультурных контактов и коммерческой стратегии глорификации: иноязычные номинации составляют 23,86 % в Минске vs 16,67 % в Ханое; гибридные – 7,49 % vs 9,62 % (при этом в коммерческой эргонимии Минска низок по сравнению с другими областями искусственной номинации удельный вес названий на белорусском языке – 1,27 %). У данной лингвоэкологической ситуации есть два лингвоправовых «побочных эффекта», первый из которых Н. Д. Голев назвал «обиходно-правовой лингвистической дискриминацией» [7, с. 13]. Рассматривая проблемы «личность в языковой среде» и «защита прав потребителей языка», он анализирует ситуацию с пожилым человеком, который читает латинские буквы на вывеске как кириллические и оказывается исключенным из полноценного коммуникативного акта, поскольку принудительно «находится одновременно в двух семиотических системах» (см.: [7, с. 13–14]).

Второй «побочный эффект» псевдоиностранныго наименования – введение потребителя в заблуждение, маскировка отечественного производителя товаров и услуг под зарубежного ради получения коммерческой выгоды (ср. ОК чайной компании «Greenfield»). Как отмечает Т. П. Соколова, в заявках на регистрацию менеджеры рекламных агентств позиционируют номинации типа *Donatto, Basconi, Francesco Donni, Tom Klaim* в качестве «фантазийных обозначений» (некорректная калька термина «fanciful name») [2, с. 72]. Эксперты Роспатента пытаются ограничить массовую стилизацию под иностранный бренд. Известен прецедент, когда благодаря лингвистической экспертизе было отказано в регистрации словесного обозначения *Escadero*, так как оно «способно ввести потребителя в заблуждение относительно происхождения товаров и местонахождения их изготовителя» [2, с. 74].

Соответствие эргонима языковым нормам и правилам перевода. В заключение отметим еще один аспект взаимосвязи лингвистического и правового аспектов функционирования эргонимии: нарушение норм языкового оформления наименований (неоправданное употребление прописных букв в середине слова, непоследовательное использование кавычек внутри названия и т. п.) влечет за собой осложнения юридического характера, связанные с вариативным функционированием названий в разных документах. Как показало исследование С. А. Вагнер, наиболее частые ошибки связаны с недостаточным вла-

дением номинаторами белорусским языком, а также с отсутствием единого подхода к передаче фирмонимов с русского языка на белорусский (см.: [8]). Вопросы соответствия фирменных наименований Беларуси языковым и правовым нормам изучаются в Национальной академии наук Беларуси; на основании анализа эргонимического корпуса ведется разработка практических рекомендаций по унификации эргонимов в соответствии с нормами белорусского и русского языков, а также государственного стандарта межъязыковой передачи фирменных наименований.

1. Бикейкина, Н. А. Лингвоконфликтологическое и юрислингвистическое исследование имени собственного: на материале русских антропонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Н. А. Бикейкина; Кемеровск. гос. ун-т. – Новосибирск, 2011.

2. Соколова, Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство / Т. П. Соколова. – М.: Юрлитинформ, 2016.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь. – Минск: Академия МВД, 2015.

4. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998.

5. Luật doanh nghiệp (Закон о предприятиях). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dangkykinhdoanh.gov.vn/Portals/0/pdf/Lu%E1%BA%ADt%20DN%20201.pdf>. – Дата доступа: 10.10.2019.

6. Шмелева, Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелева. – Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2014.

7. Голев, Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н. Д. Голев // Юрислингвистика–1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. – С. 11–58.

8. Вагнер, С. А. Фирмонимы Беларуси в структурно-семантическом, словообразовательном и функциональном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 – русский язык / С. А. Вагнер; Центр исслед. белор. культуры языка и л-ры НАН Беларуси. – Минск, 2019.

В. Б. Скромблевич (Минск)

РУССКИЕ, БЕЛОРУССКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ФЕМИНИТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ОМОНИМИИ

Активная интеграция женщин в сферу общественных отношений имела следствием известную многим языкам проблему «лингвистического равноправия» полов. Сегодня заметной тенденцией языкового

развития является стихийный рост количества существительных женского рода – номинаций женщин по роду деятельности, профессии, должности, или феминитивов.

Однако термин «феминитив» приложим не только к словам, обозначающим женщин по роду занятий. По определению «Словаря гендерных терминов», феминитивами называются «слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода, относящимся ко всем людям независимо от их пола» [1]. Таким образом, феминитивы могут обозначать как род деятельности, так и национальность, место жительства, другие характеристики человека; к ним также относятся названия самок животных.

В сфере феминитивов – обозначений рода деятельности наблюдается нарастание количества неологизмов типа *авторка*, *профессорка*, которые далеко не однозначно воспринимаются обществом. Потенциальные слова *президентка* и *директорка* реализуют продуктивную модель со словообразовательным значением женскости и являются прямой аналогией узуальным единицам *студентка*, *спортсменка*, *журналистка*, но тем не менее вызывают активное неприятие и сопротивление. В своем докладе мы рассматриваем эту проблему в связи с таким явлением, как лексическая омонимия феминитивов и номинаций по другим признакам (а в итальянском языке также грамматическая омонимия, ср.: *teccanica* – 1) механика; 2) механическая; 3) женщина-механик).

Итак, в русском языке феминитивы названных лексико-семантических групп образуются при помощи следующих суффиксов: *-к(а)*; *-иц(а)/-ниц(а)*; *-ицц(а)/-чицц(а)*; *-их(а)*; *-и(а)*; *-есс(а)/-ис(а)*; *-ин(я)*.

Многие исследователи сходятся во мнении, что наиболее продуктивным из представленных формантов является суффикс *-к(а)*. Данный факт подтверждается исследованием, отраженным в работе Т. С. Пристайко «Феминитивы в аспекте неологии». В результате изучения 450 феминитивов были получены следующие результаты частоты использования суффиксов со значением женскости: *-к(а)* – 37,12 %, *-иц(а)/-ниц(а)* – 32,82 %, *-и(а)* – 14,14 %, *-ин(я)* – 8,84 %, *-есс(а)* – 5,55 %, *-ис(а)* – 0,75, *-их(а)* – 0,75 % [2, с. 149]. Рискнем предположить, что причиной столь высокой продуктивности суффикса *-к(а)* являются его омонимические отношения, благодаря чему он воспринимается как универсальное словообразовательное средство с наибольшими возможностями.

Омонимией, как известно, принято считать совпадение одинаково звучащих, но различных по значению языковых единиц. Омонимичность основывается не на симметрии значений, а на симметрии форм. Традиционно выделяют два типа омонимов: лексические и грамматические.

Термин «грамматический омоним» в лингвистической литературе трактуется по-разному. Так, Л. А. Булаховский к грамматическим омонимам относил омонимичные формы одного и того же слова. В. В. Виноградов под грамматическими омонимами подразумевал не только грамматические формы одного и того же слова, но и приставки, суффиксы, а также слова, образованные способом конверсии. А. А. Реформатский интерпретирует грамматические омонимы как «омоформы, то есть случаи, когда у двух слов совпадают и произношение и состав фонем либо в одной форме, либо в отдельных формах» [3, с. 49].

Автор словаря «Служебных морфем русского языка» Г. П. Цыганенко предлагает следующую трактовку омонимичности морфем: «Омонимичными являются разные по значению морфемы, имеющие одинаковый звуко-графический вид» [4, с. 15].

На основании такого подхода выделяются шесть суффиксальных оморфем $-к-$: $-к(a)_1$ и его производные с первичным значением отвлеченного действия (*варка, заправка, кройка*, и др.); $-к(a)_2$ характеризует лиц по действию или признаку производящего слова (*выскачка, кривляка, лакомка*); $-к(a)_3$ обозначает лиц женского пола по национальности или месту жительства (*грузин – грузинка*), а также по специальности, роду деятельности, склонностям (*фигурист – фигуристка*); $-к(a)_4$ в обиходно-разговорной речи называет предметы, которые в официальной речи обозначаются сочетанием прилагательного с существительным (*вечерняя газета – вечерка, зачетка, овсянка*); $-к(a)_5$ обозначает единичный предмет из однородного множества (*ирис – ириска*); $-к(a)_6$ – суффикс субъективной оценки (*береза – березка; Аляша – Аляшка*).

Как видим, словообразовательные возможности звукового фрагмента $-к(a)$ и его вариантов очень многогранны. Однако следствием этого является грамматическая и лексическая омонимия разного характера. Например, такие омонимы, как *чешка – чешика, полька – полька, итальянка – итальянка* и т. п., легко дифференцируются в контексте одного короткого высказывания; а такие, как *адвокатка* и *авторка*, требуют широкого контекста, позволяющего различить семантические компоненты «женскость» и «плохой специалист женского пола».

Как полагает И. В. Фуфаева, слова типа *авторка* и *директорка* – заимствования из польского: в русском языке они не могли и не могут появиться, поскольку противоречат сложившимся шаблонам создания слов [5]. По канонам русской словообразовательной системы информация о женском поле деятеля передается формантом *-и(а)*.

Начиная с XVIII в. суффикс *-и(а)* образовывал разговорные дериваты со значением «жена» (*генеральша, докторша*); в XXI в. этот формант выражает преимущественно общую семантику женскости. Причем в последние десятилетия его продуктивность растет, ср. новые слова, зарегистрированные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ): *дизайнерша* (2010–2011), *блогерша* (2012), *диггерша* (2000), *продюсерша* (1999), *дистрибьютерша* (2003–2005), *хакерша* (1999) [6]. При этом дериваты типа *дизайнерка, блогерка* в НКРЯ не отмечены.

Теоретически при деривации феминитивов могли бы быть задействованы форманты *-их(а)* и *-иц(а)*, шире применяться форманты *-ин(я)* и *-есс(а)*, однако в реальности образования типа *блогериня, блогиня, блогерица, блогересса* и под., распространенные в соцсетях, не выходят за рамки «новояза», языковой игры и отчетливо позиционируются носителями русского языка как чужеродные. Лингвистическая и философская дискуссия о том, каков аксиологический статус феминитивов-неологизмов, возвышает ли женщину-фотографа обозначение *фотография*, либо принижает, по-видимому, продлится столь же долго, сколько будут сохранять остроту вопросы гендерного равенства.

Рассмотрим, как аналогичные процессы реализуются в других языках, прежде всего в белорусском. В. Гарбацкий, автор справочного издания «Гид по феминизации белорусского языка», утверждает, что феминизация была свойственна белорусскому языку исторически (особенно диалектному, где суффикс *-іц(а)/-ыц(а)* является наиболее феминитивно-продуктивным: *біялагіца, філалагіца, генэтыца*, а значит в плане образования феминитивов он будет достаточно гибким и понятным.

В белорусском языке при феминизации агентивов наиболее продуктивным является суффикс *-к(а)*, который, как и в русском языке, приводит к омонимии (ср.: *друкарка, вадалазка, ананімка, канфедэратка, талстоўка, мазурка*). Активность этого форманта в белорусском, возможно, поддерживается влиянием польского языка: *канцлер – канцлерка, япіскап – япіскапка, сьвятар – сьвятарка, прэзыдэнт – прэзыдэнтка, банкір – банкірка* [7, с. 16]. Используются также

форманты *-ух(a)*, *-ніц(a)* (*павітуха*, *лапатуха*, *кветачніца*), а также субстантивация прилагательных в женском роде (*вучоная*, *вядучая*, *інішагародняя*, *какомандзіровачная*, *падарожная*).

В других европейских языках реакция на социальные и гендерные изменения (прежде всего в форме феминизации названий должностей) началась раньше и в большей степени получила теоретическую, в том числе юридическую, разработку. Рассмотрим, как проблема лингвистического равноправия полов в итальянском языке решается в обществе.

Когда вопрос о равенстве между женщиной и мужчиной находился в центре внимания социальной и политической жизни Италии, инициатором дискуссии о лингвистическом равноправии полов выступила А. Сабатини, которой удалось убедить Национальную комиссию по обеспечению равенства мужчин и женщин в актуальности этого вопроса. Частью этого политического и культурного процесса стала работа А. Сабатини «Сексизм в итальянском языке» (1987 г.), изданная при поддержке Президиума Совета Министров Италии. В главе «Рекомендации по использованию несексистского языка» А. Сабатини предлагает свое видение недискриминационного языка, которое практически сразу же нашло свое применение. В 1994 г. в Италии был выпущен «Гендерный словарь итальянского языка», а в новое издание «Словаря итальянского языка» в 1995 г. вошли женские формы названий для некоторых традиционно мужских профессий. Активный призыв к использованию недискриминационного языка содержится также в документе «Меры по обеспечению равенства и равных возможностей между мужчинами и женщинами в государственных органах управления» (2007 г.). В нем содержатся рекомендации по использованию недискриминационного языка во всех рабочих документах, а также предложение о создании образовательных курсов по вопросам гендерной культуры. Итальянские исследователи полагают, что, когда в итальянском языке удастся преодолеть консервативность традиционных норм функционирования языка, то пополнить итальянский словарь «неологизмами» не составит труда. И, возможно, тогда будет найден ответ на вопрос, как избежать омонимов среди феминитивов, и не надо будет гадать: *meccanica* – это «механика», «механическая» или «женщина-механик»; *idraulica* – это «гидравлика», «гидравлическая» или «женщина-гидравлик»; *dottora* – «синий чулок» или все-таки «женщина-доктор», *medica* – это «люцерна», «медицинская» или «женщина-медик»?

Итак, вопрос о феминитивах является важным для многих лингвокультур. Языковая реакция на существование женщин-президентов, пилотов, академиков, находится в стадии формирования и ставит перед обществом в целом и лингвистическим сообществом в частности сложные вопросы. Не исключено, что перед лингвистами встанет задача кодификации агентивов со значением женскости, связанная, в частности, с проблемой предупреждения омонимии.

1. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://a-z-gender.net/gender.html> (дата обращения: 01.10.2019).

2. Пристайко, Т. С. Феминитивы в аспекте неологии (на материале наименований женщин по роду деятельности в русском языке) / Т. С. Пристайко // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». – 2017. – № 11 – Вип. 23 (1). – С. 144–155.

3. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский: под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект пресс, 1996.

4. Цыганенко, Г. П. Словарь служебных морфем русского языка / Г. П. Цыганенко. – К.: Рад. школа, 1982.

5. Фуфаева, И. В. Пани авторка, или О нечаянном эксперименте с русскими суффиксами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trv-science.ru/2018/07/31/o-nechayannom-eksperimente-s-russkimi-suffiksami/> (дата обращения: 01.10.2019).

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.10.2019).

7. Гарбацкі, У. Гід па фэмінізацыі беларускай мовы (Nomina agentisі некастрых іншых асабовых намінацый) / У. Гарбацкі. – Вільня, 2017.

С. М. Фалчари (Санкт-Петербург)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧЕВОЙ МАНИФЕСТАЦИИ ФАНТАСТИЧЕСКОГО В РУССКОМ РАССКАЗЕ О ПРАЗДНИКАХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.

Мотив чуда на языковом уровне в современной прозе может формироваться путем ввода в канву повествования лексем-символов «чудо», «волшебный», «чудо-юдо», «сказка». Например, в рассказе «Зигзаг»: *Я ничего не имею против твоих чудес* [1]. В понятии чуда также присутствует семантика удивления [2]. В рассказе Улицкой «Капустное чудо» прямое лексическое выражение мотива встречается лишь в заглавии [3]. В тексте В. Крупина один из центральных образов – Николай Чудотворец [4], которого автор соотносит с Санта Клаусом и Дедом Морозом и называет трижды, но по-разному, что является

скрытым числовым мотивом тройки-Троицы. Отсюда можно выделить группу слов, выражающих значение 'фантастика'.

Лексемы, которые прямо не выражают июною чуда, но служат для изображения его контекста, делятся на 3 группы: 1) лексика, связанная со временем; 2) праздничная атрибутика («флаги» в «Капустном чуде», «танки» перед парадом в «Зигзаге»); 3) числительные. В рассказе В. Токаревой «Зигзаг» события происходят в советское время около 7 ноября: *Москва готовилась к параду* [1]. В ее же «Рождественском рассказе» – финал наступает за час до Нового Года. Действие в «Капустном чуде» Л. Улицкой происходит зимой (героини, потеряв деньги, отчаялись получить капусту, на сленге синонимичную им). Хронотоп «Зимних ступеней» В. Н. Крупина соотносится с жанром рождественского рассказа.

Привлекает внимание противопоставление четных и нечетных чисел в рассказе В. Токаревой «Зигзаг». Адрес героини – нечетные («мужские») цифры, что говорит о ее неустроенности, но естественный порядок их следования, включающий в себя и сказочное *семь*, и дантовское *девять*, и парное по написанию *одинадцать* вместе с названием улицы свидетельствуют о том, что скоро произойдет одновременно правильное и необычное. Затем героиню сопровождают по преимуществу четные числа. В «Рождественском рассказе» в начале употребляется «три», а затем удвоение – шесть [2]. У Л. Улицкой сам рассказ начинается с употребления числительного: *Две маленькие девочки...* [3], причем это четное число. Также через число выражена привязка ко времени действия: *девочек привезли в конце сорок пятого года* [3]. *Сорок пять* – это победное число, а время года выражает архетип Рождества. У В. Крупина вначале тоже только четные числа, и связаны они с реальным временем – историей и возрастом: *село, где шестьсот лет назад явилась чудотворная икона святителя Николая* [3]; *старухи ... приезжают на автобусе, который ходит два раза в день, а иногда ни разу* [4] и т. д. Это подчеркивает незыблемость, обыденность происходящего, его «нормальность», лишь одно числительное – в описании внешности – имеет отношение к мотиву чуда – длящейся юности: *Аркаша молод и крепок на вид, в бороде – ни одной сединки* [4].

Хронотоп рассматриваемых рассказов колеблется, совершается постоянный переход от конкретного времени воспоминаний к вечности. У В. Токаревой при его рассмотрении ведущим мотивом оказывается обреченность: *Не было и, как казалось, никогда не будет, и не*

надо. [2], а у Улицкой – напротив, смирение: *Господь с ними, пусть живут <...>. А девочки, словно почуяв, что их жизнь решилась, заговорили сначала между собой, а потом и со старухой...* [4] У В. Крупина жизнь и смерть включены в круговорот обыденности: *Нажил дом, вырастил детей. Дети поехали в город. Жена умерла* [4]: ситуация безысходности в образе заколдованного круга, характерная для модернизма, в анализируемых рассказах противостоит их святочному жанру.

Мотив чуда может быть выражен и на синтаксическом уровне, так как построение предложений в языке связано в том числе и с их эмоциональной насыщенностью. Например, многоточия показывают незаконченность высказывания, оборванность выражаемой им мысли, недоговоренность, надежду на продолжение. В «Рождественском рассказе» много многоточий [2], показывающих неуверенность героини, а дальнейшая лексика, выражающая семы огня – отсылка к сказке «Аленький цветочек», то есть мотиву «Красавица и чудовище». У Л. Улицкой в «Капустном чуде» лишь в самом конце рассказа многоточие помогает выражению мотива чуда, задерживая течение времени: *А девочки в темноте выложили на стол капусту, сели, не раздеваясь, на стул и ждали...* [3]. В «Ступенях» В. Крупина первое из многоточий употреблено в предложении из абзаца, перед которым есть прямая отсылка к Рождеству как к конкретному событию рождения Христа: *Я в хлеву часто ночевал* [6]. Василий здесь оказывается в той же ситуации, что и родители Иисуса – Иосиф и Дева Мария. Что касается вопросительных знаков, в рассказе «Зигзаг» встречается сочетание вопросительной конструкции с лексическим выражением мотива чуда: *Они ели пирожки с копченостями, взбитые сливки и удивлялись: почему эти блюда делают только в Прибалтике?* [2]. В «Ступенях» в разговоре Василия с Аркадием [3] с их помощью простой человек выражает сомнение в трагической трактовке Писания. Диалоги тоже могут работать на выражение мотива чуда, и у В. Токаревой их довольно много, а у Л. Улицкой они сугубо функциональны – напутствие старухи в начале и ее жалобы (фактически монолог) в конце, споры в очереди. У В. Крупина диалоги отсылают к философскому дискурсу и имеют прямую связь с чудом – как в фрагменте о Санта-Клаусе, так и в конце, где речь идет о милосердии Божиим.

Усиливает мотив фантастического использование эпитетов, особенно в виде прилагательных сравнительной и превосходной степеней. Так, у В. Токаревой мы встречаем: *А утром я увидела, что огонек*

еще ярче, листья еще бархатнее, а запах явственнее [2]. Эпитеты у В. Крупина также несут важную смысловую нагрузку: *места удивительной красоты* [4] и *запредельные пространства* [4] являются четкими маркерами мотива чуда, подчеркивающими две его семы – удивление и ирреальность, иномирность, причем они обе проявлены через визуальное впечатление. Дальнейшие эпитеты в рассказе можно разбить на две семантические группы: религиозное выражение мотива чуда и выражение этого мотива через красоту природы – оттенки значения блеска, света. Первая группа – *рождественский тропарь, ангельское пение, золотой телец, неграмотные пастухи и образованные волхвы, святые отцы, греховная немощь* (при этом две последние пары антонимичны) [6]. Вторая группа – *солнечное сияние розоватит морозные узоры, сине-серые столбики дыма, в морозном солнечном воздухе*. Есть в рассматриваемых произведениях также выражающий божественное символ – лестница Иакова, связанная через сравнение с елкой: *Лестница была праздничная, как елка, неожиданная, как белый гриб* [2] у Токаревой, а у Крупина – в названии текста.

В проанализированных рассказах можно выделить ряд общих способов речевой манифестации мотива чуда: использование прямого лексического значения слов с корнем «чуд-», однокоренных и синонимичных им; временная лексика; выражающий эмоции синтаксис; эпитет и символ. Речевая манифестация фантастического является сюжетообразующей и демонстрирующей вечные ценности, связанные с Рождеством и христианской традиций и/или Новым Годом и обновлением. Так языковые средства становятся способом передачи нравственных интенций. Главное чудо – не необыкновенное событие, а пробуждение с его помощью нравственности в человеке, избавлении его от грехов, а именно: уныния («Зигзаг», «Капустное чудо»), гнева («Рождественский рассказ»), гордыни («Ступени»).

1. Токарева, В. С. Зигзаг / В. С. Токарева // Токарева В. С. Террор любовью / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2014. – С. 281–289.

2. Токарева, В. С. Рождественский рассказ / В. С. Токарева // Токарева В. С. Вторая попытка / В. С. Токарева. – М.: АСТ, 2014. – С. 38–46.

3. Улицкая, Л. Е. Капустное чудо / Л. Е. Улицкая // Улицкая Л. Е. Детство 49 / Л. Е. Улицкая. – М.: Астрель, 2016. – С. 8–17.

4. Крупин, В. Н. Зимние ступени / В. Н. Крупин. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/707.html>. – Дата доступа: 01.04.2018).

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы пленарного заседания3

<i>Стернин И. А.</i> Изменения в русском языке: кризис или развитие	3
<i>Ровдо И. С.</i> О тождестве и сходстве в близкородственных языках	8
<i>Радбиль Т. Б.</i> Концепция культурной апроприации заимствований в изучении активных процессов в современной русской речи	14
<i>Чащина Е. А.</i> Из истории лексики торгового дела в русском языке X–XIV вв.	19
<i>Стариченок В. Д.</i> Метеорологический континуум вторичных глагольных номинаций.....	26
<i>Костанди Е. И.</i> Пространство и время в речи диаспоры: функциональный аспект.....	31
<i>Мусатов В. Н.</i> Проблема типов мотивации производных слов в русском языке.....	43
<i>Калюта А. М.</i> Русский язык в XXI веке: уже пиджин или еще все-таки язык?	36

Русский язык в диахроническом аспекте 48

<i>Зуева О. В.</i> Вариативность номинаций жителей белорусских городов в старорусских документах XVI–XVII в.	48
<i>Матюнова А. А.</i> Функционально-семантические основания формирования грамматического класса деепричастий в древнерусском литературном языке	52
<i>Минко А. Г.</i> Способы формирования значения медицинской лексики в памятниках русской письменности XI–XVII вв.	57
<i>Улитова А. С.</i> О дистантном расположении определения и определяемого в деловых и книжных текстах первой половины XVII в.	61

Проблемы семантической интерпретации и номинации65

<i>Балабанович И. С.</i> Интертексты в творчестве Р. Бородулина и А. Кушнера: образование паратекстуальных связей.....	65
<i>Беданоква З. К., Гусевская О. И.</i> Категория эвокативности семиотической формы: потенциал антипословицы	70

<i>Гао Цзюаньли, Скворцова Н. Н.</i> Способы и средства перевода на русский язык фразеологии романа Мо Яня «生死疲劳» («Устал рождаться и умирать»).....	75
<i>Ковалева А. И.</i> Наименования лиц по профессии и роду занятий с различной внутренней формой в русском и белорусском языках	80
<i>Козлова Т. А.</i> Учет синтаксических особенностей при определении семантики слова	85
<i>Рагель К. И.</i> Предикатные номинации как средство контекстуальной семантизации онимов.....	90
<i>Романовская А. А.</i> Мифологическая составляющая естественного языка	95
<i>Соболева Л. И.</i> Лексика эмоций и чувств в стихотворении Осипа Мандельштама «Ода» и ее роль в формировании уклончивости поэтического текста	100
<i>Степанова О. И.</i> Категория посессивности в ономаσιологической структуре русских нозологических нетерминологических наименований	104
<i>Сульжук А. В.</i> Заполнители лексических лакун как аналитические номинативные единицы (на материале русского и украинского языков)	109
<i>Тучинский А. В.</i> Категория безэквивалентности: русские мотивированные номинации	113
<i>Федоринчик А. Н.</i> Оценочно-ценностная составляющая концептов «грусть», «печаль» и «страх» в поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова	118
<i>Хизниченко А. В., Крюкова Л. Б.</i> Языковое представление перцептивного образа <i>сирень</i> в поэтическом творчестве Б. Л. Пастернака	122

Грамматика современного русского языка: проблемы и перспективы развития 128

<i>Ду Дзюань</i> Абстрактные имена существительные в словообразовательном аспекте	128
<i>Каравашкина М. В.</i> «Судьба притяжательных лишена перспектив»? ..	133
<i>Костюченко В. Ю.</i> Театр и кино в интернет-дискуссиях на русском и английском языках: жанрово-прагматические и лингвокультурные детерминанты различий в модальных спектрах	138
<i>Соловьева А. А.</i> Ономаσιологические типы дериватов в составе общепотребительных русских и английских экономических обозначений (количественный аспект).....	143

<i>Хвесько С. Г.</i> Усечение как морфонологическое средство отсуб- стантивной деривации существительных с суффиксом <i>-ств-</i> (на материале русского языка).....	147
--	-----

Коммуникативно-прагматические и когнитивные аспекты изучения языка 152

<i>Лукашанец Е. Г.</i> Теоретические проблемы изучения интернет- сленга.....	152
<i>Мирошниченко А. С.</i> Социально-статусные номинации лица в журна- листских публикациях в контексте концептуально-аксиологи- ческой стратегии издания.....	157
<i>Михайлова Е. В.</i> «Музыка» как дискурсообразующий концепт в поэти- ческих произведениях О. А. Седаковой.....	161
<i>Михальчук Н. А.</i> Специфика речевого поведения И. Бродского (на ма- териале текстов интервью и бесед с поэтом).....	166
<i>Тихомирова Е. А.</i> Образ адресата в психологическом диалоге: на ма- териале постов и комментариев в сети Facebook.....	171
<i>Чжан Аньци</i> Интернет-сленг в аспекте диахронии.....	176

Новые технологии в преподавании русского языка..... 181

<i>Бычкова Ж. Э., Леонович В. Л.</i> Комплексные проверочные ра- боты по русскому языку как эффективная форма аттестации студентов.....	181
<i>Долбик Е. Е.</i> «Лингвистика каждого дня» на занятиях по русскому языку.....	186
<i>Леонович В. Л., Облова О. А.</i> Лингвистический тренинг как эффектив- ный прием подготовки к ЦТ.....	191
<i>Михайлова Е. В., Стрельцова Т. С.</i> Произведения белорусских писате- лей, положенные на музыку, как источник информации о Респу- блике Беларусь для иностранных учащихся-музыкантов.....	195
<i>Савко И. Э.</i> Интернет-коммуникация и ее влияние на речевое развитие личности.....	200
<i>Санников И. М.</i> Организация научно-исследовательской деятельности школьников по русскому языку в г. Минске.....	205
<i>Халили-Квасова С. В.</i> Использование методов эвристического обу- чения на занятиях по практике русской речи со стажера- ми из КНР.....	208

<i>Чечет Р. Г., Махонь С. В.</i> Трудности, возникающие у студентов-иностранцев при работе с текстами официально-делового стиля	213
<i>Чуханова А. В.</i> Стартовый контроль на этапе включенного обучения	217

**Русский язык в современном мире:
динамика языковых контактов.....221**

<i>Деци А.</i> Иноязычные вкрапления как средство псевдоцитации в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии	221
<i>Инь Дун</i> Репрезентация концепта «небо» в экзистенциальном континууме русского и китайского языков	225
<i>Куц А. А.</i> Семантический переход слова «победа» в сопоставительном аспекте.....	229
<i>Ратникова И. Э., Хоанг Тхи Бен</i> Юрислингвистический аспект ономастики в сопоставительном освещении	235
<i>Скромблевич В. Б.</i> Русские, белорусские и итальянские феминитивы в контексте проблемы омонимии	240
<i>Фалчари С. М.</i> О некоторых особенностях речевой манифестации фантастического в русском рассказе о праздниках конца XX – начала XXI в.....	245

Научное издание

**РУССКИЙ ЯЗЫК:
СИСТЕМА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ**
К 80-ЛЕТИЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ

Материалы
VIII Международной научной конференции

Минск, 16-17 октября 2019 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *И. С. Ровдо*
Компьютерная верстка *О. В. Костюкевич*

Подписано в печать 17.12.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 14,65. Уч.-изд. л. 15,18.
Тираж 100 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.